

ISSN 2500-039X (Print)
ISSN 3034-3771 (Online)

БФУ БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА

IKBFU IMMANUEL KANT
BALTIC FEDERAL
UNIVERSITY

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Филология, педагогика,
психология

№ 2

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2025

Редакционная коллегия

И. Н. Симеева, д-р психол. наук, проф., БФУ им. И. Канта (главный редактор);
М. Н. Коннова, д-р филол. наук, проф., БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора);
О. В. Александрова, д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова; *Н. Г. Бабенко*,
 д-р филол. наук, проф., БФУ им. И. Канта; *Л. В. Байбородова*, д-р пед. наук, проф., ЯГПУ
 им. К. Д. Ушинского; *В. П. Бездухов*, д-р пед. наук, чл.-кор. РАО, проф., СГСПУ;
Л. М. Бондарева, д-р филол. наук, проф., БФУ им. И. Канта; *А. О. Будрина*, д-р пед. наук,
 проф., БФУ им. И. Канта; *И. В. Вачков*, д-р психол. наук, проф.,
 Московский государственный психолого-педагогический университет;
А. А. Горелов, д-р пед. наук, проф., СПбУ МВД; *У. Гравитис*, д-р пед. наук, проф.,
 Латвийская академия спортивной педагогики; *Ю. В. Доманский*, д-р филол. наук, проф.,
 РГГУ; *С. П. Евсеев*, д-р пед. наук, проф., НГУ физической культуры, спорта и здоровья
 им. П. Ф. Лесгафта; *В. И. Заботкина*, д-р филол. наук, проф., РГГУ; *И. Ю. Иеронова*,
 д-р пед. наук, проф., БФУ им. И. Канта; *А. В. Кузнецова*, д-р филол. наук, проф., ЮФУ;
Л. В. Куликов, д-р психол. наук, проф., СПбГУ; *В. К. Пельменев*, д-р пед. наук, проф.,
 БФУ им. И. Канта; *А. М. Поликарпов*, д-р филол. наук, проф., САФУ им. М. В. Ломоносова;
А. А. Реан, д-р пед. наук, акад. РАО, МПГУ; *И. В. Реверчук*, д-р мед. наук, проф.,
 Самаркандский государственный медицинский университет; *И. Д. Рудинский*, д-р пед. наук,
 проф., БФУ им. И. Канта; *Н. В. Самсонова*, д-р пед. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
С. В. Свиридов, канд. филол. наук, доц., БФУ им. И. Канта (ответственный редактор);
О. Р. Темиришина, д-р филол. наук, проф., Московский университет им. А. С. Грибоедова;
В. В. Хитрюк, д-р пед. наук, проф., Белорусский государственный педагогический
 университет им. М. Танка; *Н. С. Цветова*, д-р филол. наук, проф., СПбГУ;
Т. А. Шарыпина, д-р филол. наук, проф., НГУ им. Н. И. Лобачевского;
Ю. М. Шемчук, д-р филол. наук, проф., МГЛУ; *К. Г. Языков*, д-р мед. наук, проф.,
 Сибирский государственный медицинский университет

Учредитель

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

Редакция

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Издатель

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Типография

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
 информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-68537 от 31 января 2017 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Языкознание

<i>Маремукова Э.В.</i> Грамматические особенности экспликации каузации в различных лингвокультурах	5
<i>Гатилова А.К., Первак Т.В.</i> Немецкий язык в развитии: историко-графический аспект	17
<i>Лопашенкова Т.В., Бондарева Л.М.</i> Особенности языковой реализации тактики призыва к действию в англоязычном экологическом дискурсе	27
<i>Твердохлеб О.Г.</i> Лексико-грамматическая характеристика слов с корнем <i>рыж-</i> в поэзии первой трети XX века.....	41

Литературоведение

<i>Васильева Э.В.</i> Топос леса в романе Н. Готорна «Алая буква».....	51
<i>Косинская А.С.</i> Четыре вида любви в романе К.С. Льюиса «Пока мы лиц не обрели»	65
<i>Свиридов С.В.</i> «Прерванный полет» В. Высоцкого: к вопросу о заглавии	78
<i>Дубаков Л.В.</i> Буддийская концепция «только-сознания» в романе Виктора Пелевина «Омон Ра»	88

Педагогика и психология

<i>Гричанов А.С., Звягинцев С.А.</i> Формирующее оценивание как основа междисциплинарного подхода в образовательных организациях МВД России	100
<i>Шабаров Д.В.</i> Цифровые технологии в системе подготовки кадров в органах прокуратуры Российской Федерации	114

Рецензии

<i>Александрова М.А., Шарафадина К.И.</i> «Вдохновенная розой...».....	125
--	-----

CONTENTS

Linguistics

<i>Maremukova E. V.</i> Grammatical features of the explication of the causation in different linguocultures	5
<i>Gatilova A. K., Pervak T. V.</i> German language in development: historical and graphic aspect.....	17
<i>Lopashenkova T. V., Bondareva L. M.</i> Ways of expressing the call-to-action tactics in English-language environmental discourse	27
<i>Tverdokhlebo O. G.</i> Lexical and grammatical characteristics words with the root <i>рыж-</i> (<i>red-</i>) in the poetry of the first third of the XX century.....	41

Literary studies

<i>Vasileva E. V.</i> The topos of the forest in N. Hawthorne's "The Scarlet Letter"	51
<i>Kosinskaya A. S.</i> The four loves in C.S. Lewis's novel "Till we have faces"	65
<i>Sviridov S. V.</i> "Interrupted Flight" by V. Vysotsky: to the question of the title	78
<i>Dubakov L. V.</i> The Buddhist concept of "Consciousness-Only" in Victor Pelevin's novel "Omon Ra"	88

Pedagogy and psychology

<i>Grichanov A. S., Zvyagintsev S. A.</i> Formative assessment as the basis of interdisciplinary approach in educational organizations of the Ministry of internal affairs of Russia	100
<i>Shabarov D. V.</i> Digital technologies in the system of personnel training in the prosecutor's office of the Russian Federation.....	114

Reviews

<i>Aleksandrova M. A., Sharafadina K. I.</i> "Inspired by the rose..."	125
--	-----

УДК 81-2

Э. В. Маремукова

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКСПЛИКАЦИИ КАУЗАЦИИ В РАЗЛИЧНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Министерство культуры Кабардино-Балкарской Республики,
Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
Поступила в редакцию 15.05.2024 г.
Принята к публикации 04.02.2025 г.
doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-1

5

Для цитирования: Маремукова Э. В. Грамматические особенности экспликации каузации в различных лингвокультурах // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2025. № 2. С. 5 – 16. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-1.

Каузация выступает одним из важнейших условий бытия. Причинно-следственная обусловленность элементов окружающей действительности, имеющая универсальное значение, в различных лингвокультурах проецируется по-разному и находит свое выражение на различных уровнях языка. Проведенный сопоставительный анализ грамматических особенностей экспликации каузации в разноструктурных кабардино-черкесском, русском и английском языках позволил выявить различия в коммуникативном поведении людей, детерминированные типом культуры, к которому принадлежат собеседники. Английские каузативные конструкции, культурная разработка которых является отличительной типологической особенностью английского языка, ориентируются на свободу и самостоятельность каузатора. В кабардино-черкесской лингвокультуре, в отличие от русской и английской, пермиссивное или императивное значение каузации формируется в зависимости от контекста. Носителями русского и кабардино-черкесского языков прямой императив не воспринимается как менее вежливый по сравнению с каузативными конструкциями позволенного содержания, как это имеет место в английской лингвокультуре. В современном интегрированном мире межкультурная адаптация является центральной и определяющей задачей. Декодирование этнокультурных различий в формировании каузативных конструкций в разноструктурных языках способствует постижению уникального ментального устройства носителей этих языков, а также установлению эффективной межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: язык, культура, лингвокультура, каузация, лингвистическая экспликация, грамматикализация, межкультурная коммуникация

Введение

В настоящее время в условиях глобализации различных отраслей жизнедеятельности исследование своеобразия языков и культур в мире актуально, с одной стороны, для привлечения внимания к необходимо-

сти сохранения лингвокультурного многообразия, с другой — для постижения особенностей национального ментального устройства с целью обеспечения эффективной межкультурной коммуникации.

Культура, будучи совокупностью способов деятельности человека и ее результатов, находится в многовекторной зависимости от языка [4, с. 48]. Язык как один из видов человеческой деятельности выступает составной частью культуры, одной из важнейших ее сторон [2, с. 158]. Выбор языковых средств для обозначения предметов и явлений окружающей действительности транслирует культуру, мировоззрение, жизненные установки и приоритеты народа. Мышление в определенной степени находится под влиянием национальных ценностей и обычаев этнического сообщества, в котором воспитывается человек, подтверждая наличие стереотипного мировидения. Язык, являясь символическим изображением народа, проецирует его историческое и культурное происхождение, отношение к окружающей действительности, образ жизни и мышления [6]. Поэтому национальный менталитет может быть исследован с помощью языкового анализа.

6

Существенный вклад в развитие идеи об отражении языком мировосприятия народа и влиянии языка на мышление внесли труды Вильгельма фон Гумбольдта [3; 19]. Лингвистический детерминизм связан с гипотезой Сепира — Уорфа, в соответствии с которой мысли и действия человека определяются его языком [24; 25]. Взаимосвязь культуры, языка и мышления представляет собой одну из важнейших тем для желающих понять природу человеческого познания [21]. Подобные идеи находят отклик в работах, в которых отмечается необходимость описания языка и культуры как единого структурного целого [17, с. 12]. Стремление к осмыслению языка как средства интерпретации феномена человеческой культуры способствовало развитию лингвокультурологии, перспективного лингвистического направления, сформировавшегося в результате интегрирования языкознания со смежными дисциплинами — культурологией, этнологией и этнографией. Термин «лингвокультурология» был использован одним из основателей области когнитивной лингвистики Р. Лангакером, указавшим на взаимосвязь между культурными знаниями и грамматикой [20, с. 31]. Проблемам взаимосвязи языка и культуры посвящены работы В. И. Карасика [9], Ю. С. Степанова [11], Н. Д. Арутюновой [1], А. Вежбицкой [5; 6; 26–30], С. Г. Тер-Минасовой [12] и других исследователей.

Культурная коннотация отличается прецедентностью и стереотипностью. В результате взаимодействия культуры и языка культурные смыслы, порождающие актуальные для человека представления, образы, символы и другие проявления этнокультурных стереотипов, обретают языковое воплощение [8]. Исследования, основанные на положениях лингвистического детерминизма, выявляют уникальные способы актуализации окружающей действительности средствами различных языков. Тезис о прямом влиянии культуры народа на его язык находит подтверждение на различных уровнях языка. Сигнификативные для культуры значения лингвистически объективируются не только в лексическом составе языка, но и грамматикализуются — воплощаются в структурных моделях языка.

Причинно-следственная обусловленность событий выступает одной из важнейших составляющих бытия наряду с временем, пространством, движением и другими его аспектами. В связи со своей универсальностью каузация требует осмысления с позиций антропологической парадигмы. Каузативные глаголы содержат в себе полный цикл причинно-следственной цепи. Значимая роль каузативов в тексте обуславливает необходимость их перевода на другой язык, поскольку потеря коннотации каузации влечет за собой искажение семантики [14].

Каузация в различных лингвокультурах проецируется по-разному, в связи с чем сопоставительное исследование ее лингвистической объективации в разноструктурных языках представляет особый лингвокультурный интерес. Компаративный подход позволяет выявить универсальные и национально-специфические особенности языковой фиксации окружающей действительности, которые могут остаться нераскрытыми при их обособленном изучении. Обеспечению плодотворного и бесконфликтного межкультурного взаимодействия способствует как понимание универсального и общечеловеческого в культуре, так и постижение уникальной этнокультурной информации.

Методология

Необходимость установления особенностей взаимодействия языка и культуры в рамках языковой актуализации причинно-следственных связей при формировании каузативных конструкций в разноструктурных языках определила применение комплекса общенаучных и собственно лингвистических методов, таких как методы компаративного, этимологического, концептуального и компонентного анализа, интерпретации и обобщения. Привлечение богатого исследовательского материала (как устных, так и письменных источников, включая разговорную речь, лексикографические издания и интернет-ресурсы), а также опора на научные труды отечественных и зарубежных ученых по рассматриваемой проблематике способствуют достоверности результатов исследования и обоснованности выводов. Введение в научный оборот нового языкового материала содействует дальнейшим исследованиям в лингвокультурологии.

Результаты

Причинно-следственные отношения находят свое выражение в языковой каузации, выражающейся в каузальности или каузативности. Каузальность отражает весь спектр связей между событиями окружающей действительности и реализуется в языке посредством синтаксических средств. Под каузативностью понимается лексико-грамматическая категория глагольных предикатов, отражающая причинно-следственные отношения между субъектом и объектом (лат. *causa* — причина, основание, англ. *cause* — причина (someone or something that makes something happen — кто-либо или что-либо, благодаря кому или чему

что-либо происходит), повод, основание (a reason to feel something or to behave in a particular way – причина чувствовать что-либо или вести себя определенным образом), дело (a principle or aim that a group of people support or fight for – принцип или цель, которую группа людей поддерживает или за которую борется); причинять, быть причиной (to make something happen – сделать так, чтобы что-либо произошло, стать причиной какого-либо действия, события) [16].

Каузативность является связующим звеном между глаголом действия и глаголом состояния: как правило, результатом воздействия субъекта (каузатора) становится состояние каузируемого объекта [17]. Каузативность можно отнести к некатегориальным значениям, близким к категориальным и входящим в сферу «скрытой грамматики» [14]. Основным критерием выделения каузативных глаголов служит побудительность, а повелительного наклонения – модальность [13].

Принятые в научной литературе классификации каузации по семантике, делящие ее на «прямую и косвенную», «контактную и дистантную», «сильную и слабую», «фактивную и пермиссивную», «манипулятивную и директивную» и др., основаны на характеристиках метаязыка (главным образом английского) и не учитывают уникальные черты отдельных языков. Фактивность каузации (обязательная успешность действия) выступает важным свойством каузативных конструкций. Полагается, что в оппозитивных сочетаниях «фактивная каузация» (каузатор заставляет каулируемого сделать что-либо) и «пермиссивная каузация» (каузатор позволяет каулируемому сделать что-либо) к прототипической каузации ближе первый тип. Если каузация контактна, высока вероятность того, что она будет фактивной. Фактивный тип в языках мира чаще выражается посредством каузативных аффиксов, в то время как пермиссивный – аналитическими способами. По способу каузации выделяют каузацию действием и просьбой (рогативную) каузацию. Грамматикализованные показатели для каузации просьбой встречаются реже [10].

Специфика лингвистической трансляции каузативных отношений в кабардино-черкесском языке представляет интерес для постижения сравнимых разноструктурных языков. Кабардино-черкесский язык проявляет лингвокультурную особенность в оформлении семантических противопоставлений каузации деривационными каузативными префиксами *гъэ-/гъа-* и *у-*: есть – кормить, eat – feed, шхэн – гъэшхэн; щабэ (мягкий) – гъэщэбэн (смягчить,) ущэбын (измельчить); писать – заставить писать, write – make (force, get, let, ask, persuade и др.) (somebody) write, тхэн – гъэтхэн. Семантический тип кабардино-черкесского каузатива не дифференцирован и не является важным параметром – пермиссивное или фактивное понимание может возникать в зависимости от контекста.

В языках мира дистантную каузацию выражают аналитические конструкции, в отличие от контактной, кодируемой морфологическими средствами. В кабардино-черкесском языке морфологические и лексические маркеры каузации могут сочетаться в одной конструкции.

Каузация в кабардино-черкесском языке отличается продуктивностью. Каузативные префиксы комбинируются с другими деривационными показателями. Категория каузатива маркируется в грамматической системе кабардино-черкесского языка и оказывает влияние на морфологию и синтаксис: переходность и непереходность, динамичность и статичность, лабильность и стабильность, возвратность и невозвратность, залог и валентность глагола, синтаксические конструкции предложения.

Склонность английской культуры к «точности» и неприятие «преувеличений» связывают с ценностью «правильности». Народы Востока ожидают, что о них будут судить главным образом по тому, что они имеют в виду, а не по их словам, не понимая, как много вещей народы Запада имеют в виду, но не говорят [23]. Приписывание преуменьшений преимущественно английской языковой модели поведения зафиксировано во многих работах, посвященных английскому образу жизни [18; 27].

Наиболее распространенные причинные глаголы в английском языке – have (иметь), let (позволить), get (получить), make (сделать). Некоторыми исследователями эти глаголы рассматриваются как «истинные» каузативные. При этом используются и другие глаголы, функционирующие в качестве каузативных: cause (вызвать), allow (разрешить), help (помочь), enable (дать возможность), force (заставить), require (потребовать), persuade (убедить) и др.

Предполагается, что, за исключением каузативного глагола to force (принудить), вспомогательные каузативы можно расположить по шкале начиная с let по направлению к make, поместив get и have ближе к make. Центральный вопрос, стоящий за этими конструкциями, заключается в том, по собственной ли воле совершается действие [27].

Интересно сравнить каузативные глаголы make и force: force интуитивно является более «принудительным», чем make; make предполагает «субъективную необходимость» (каузируемый думает: «Я должен это сделать»), тогда как force – «объективную необходимость» («Я вынужден это сделать»). Force подразумевает, что каузируемый думает: «Я не хочу этого делать», тогда как в случае с make такой импликации нет, и каузируемый полагает: «Я должен это сделать» [Там же].

В английской лингвокультуре в каузативной конструкции с make целью каузатора является каузируемый, в то время как в каузативной конструкции с have каузируемый выступает всего лишь инструментом для достижения цели каузатора.

Используя такие предложения, как «I'll get you to sign this» (Я дам тебе / Вам подписать это), а не прямое выражение желания, как в «I want you to sign this» (Я хочу, чтобы ты / Вы подписал(и) это), говорящий сигнализирует о том, что не считает свое желание достаточной причиной для действия каузируемого, а также что он ожидает от собеседника добровольного действия (в соответствии с желаниями говорящего, однако «свободно»).

Формы выражений с have (иметь) и get (получить) проецируют ориентированность английской культуры на осуществление действия.

Высокая культурная значимость темы каузации находит свое выражение в английских каузативных конструкциях, основанных на вспомогательном глаголе *let*, общая тема которых включает в себя идею «refraining from doing something» (воздержание от совершения чего-либо), а также «refraining from doing something to other people» (воздержание от совершения чего-либо по отношению к другим людям). Грамматикализуя это значение в различных каузативных конструкциях с *let*, английская лингвокультура предполагает, что иногда важно воздержаться от каких-либо действий по отношению к другим людям, что созвучно англоязычному нравственному образу *noninterference* (невмешательство) [30].

Императивные выражения с *let* можно рассматривать как выражающие «каузацию действием»: «Let me have a look» (Позволь(те) / дай(те) мне взглянуть), «Let me see it» (Позволь(те) / дай(те) мне посмотреть на это), «Let me have a copy» (Дай(те) / позволь(те) получить (иметь) мне копию). Предложения такого типа передают директиву без видимого «навязывания». Прямой императив или предложение с «I want» (Я хочу) может показаться в подобной ситуации актом импозиции: «I want to have a look» (Я хочу посмотреть), «I want to see it» (Я хочу увидеть это), «Show it to me» (Покажи его / ее / это мне), «Give me a copy» (Дайте мне копию). Такие каузативные конструкции, как «Let me know» (Дай(те) мне знать), «Let me see» (Дай(те) мне посмотреть) или «Let me have a copy» (Дай(те) мне копию), не могут быть точно переведены на русский язык. Самыми близкими к указанным выражениям в русском языке, по мнению А. Вежицкой, могут быть повелительные конструкции «Скажи(те) мне» (Let me know), «Покажи(те) мне» (Let me see) или «Дай(те) мне копию» (Let me have a copy), лишенные «тактичного» и «ненавязчивого» содержания [27].

Ближайшим русским аналогом английских каузативных конструкций с *let* считают семейство каузативов с глаголом *дать* (*давать*). Однако ареал использования каузативных конструкций с *дать* в русском языке более ограничен по сравнению с каузативными конструкциями с *let* в английском языке. Необычайное богатство в английском языке типов каузативных предложений, основанных на *let*, указывает на одну из важных черт современной англоязычной культуры, которая отводит ключевую роль желанию каждого «компетентного взрослого человека», чтобы его действиям, свободе и вниманию не препятствовали другие [15; 22; 30].

Конструкции с *let* в английском языке подразумевают «не делать чего-либо» (не мешать), в то время как принимаемые за их эквиваленты в русском языке конструкции с *дать* — «сделать что-либо» (дать возможность). В отличие от английского языка, в котором каузатор не предпринимает действий (не мешает), русский вариант подразумевает совершение каузатором действия — не только предоставление каузируемому возможности и условий, но и воздействие на каузируемого — обеспечение каузатором выполнения каузируемым желаемого (в данном случае и каузатором, и каузируемым) действия.

Каузативные конструкции, отличающиеся отсутствием прямого повелительного наклонения, в английском языке имеют важное культурное значение, которое проявляется в выражениях «Would you do...» (Не мог(ли) бы ты / Вы сделать...), «Will you do...» (Ты / Вы бы сделал(и)...), «Could you do...» (Не мог(ли) бы ты / Вы сделать...), «Would you mind doing...» (Не мог(ли) бы ты / Вы сделать...), направленных на исключение впечатления навязывания своей воли другому.

В славянских языках, в частности в русском, нет единого формального показателя каузативности, что затрудняет выделение и изучение каузативных глаголов. В русском языке парность глагола по каузативности и некаузативности является обязательным признаком каузативного глагола. Некаузативный коррелят выражает то действие или состояние, которое возможно в результате воздействия: разбудить — проснуться, отправить — уйти. В связи с тем что глаголы волевого воздействия не выражают потенциального действия, обозначая только значение воздействия, они не имеют некаузативных коррелятов [7].

В русском языке продуктивным средством передачи каузативного значения полагаются префиксально-суффиксальные формы с приставками *из-/ис-, о-/об-* и суффиксом *-и-*: испепелить, обуглить. Также употребляются образования с суффиксом *-и-* (ожесточить) с каузативным значением и их дериваты с возвратным суффиксом *-ся* (ожесточиться). Каузативное значение манифестируется и при помощи описательных конструкций: сделать что-либо черным или стать причиной того (привести к тому), чтобы что-либо почернело. Широко употребляются в русском языке перифрастические структуры: сделать(ся) жестоким — ожесточить(ся) [14].

Суффикс *-и-* в русском языке самостоятельно или в связке с другими способами деривации образует большинство каузативных глаголов, создавая пары каузативных и некаузативных глаголов: *молодить* — *молодеть*, *худить* — *худеть*, *крепить* — *крепнуть*, *сушить* — *сохнуть*. В кабардино-черкесском языке в подобных конструкциях эквивалентом выступают префиксы *y-* и *гъэ-*: *щабэ* (мягкий) — *ущэбын* (измельчить) — *гъэщэбэн* (смягчить); *фъыццэ* (черный) — *гъэуфъыццэын* (сделать так, что он(а/о) стал(а/о) черным — стать причиной потемнения (образования синяка)).

Каузативные глаголы в супплетивных оппозициях в русском языке *гореть* — *жечь*, *устать* — *утомить*, *спешить* — *торопить*, *лежать* — *класть*, *есть* — *кормить*, *падать* — *валить*, *проснуться* — *разбудить*, *растаться* — *разлучить* и др. в кабардино-черкесском языке можно выразить морфологически — каузативным префиксом *гъэ-*: *исын* — *гъэсын*, *ешын* — *егъэшын*, *пъэщээн* — *гъэпъэщээн*, *щыльын* — *гъэгъуэльын* (*гъэгъыльын*), *шхэн* — *гъэшхэн*, *ехуэхын* — *егъэхуэхын*, *уклурийн* — *гъэуклурийин*, *къэушын* — *къэгъэушын*, *зэфъэклуэдын* — *зэфъэгъэклуэдын* и др.

Глагол со значением 'отдыхать' (*зыгъэпсэхун*) в кабардино-черкесском языке обладает грамматическими свойствами каузатива и возвратности, а каузативная конструкция «дать отдохнуть» (*let rest*) обретает двойную каузацию — *зегъэгъэпсэхун*.

Автокаузативный глагол *обидеться* в русском языке оформляется показателем возвратности *-ся*; в английском языке эквивалентом выступает форма с каузативным глаголом *get (get upset)*; кабардино-черкесский язык проецирует показатели как возвратности, так и каузатива: *зыгъэгусэн*, а каузативная форма обретает черты двойной каузации: *зегъэгъэпсэхун*.

Заключение

Каузативные значения в разносистемных языках выражаются по-разному. Для передачи каузативной семантики используются лексические, морфологические и синтаксические средства.

Каузативные глаголы являются переходными, однако не каждый переходный каузативный глагол имеет побудительную коннотацию. В кабардино-черкесском языке каузативная форма с префиксом *гъэ-/гъа-* может иметь значение советования: *УзгъэкIуэнут* (Я посоветовал(а) бы тебе (Вам) идти туда), перевод которой в русском и английском языках не является советованием, а сохраняет каузативную стратегию: *Я отправил(а) бы тебя туда; I would make you go there*. Данное выражение в зависимости от интенции говорящего может также заключать в себе значение собственно каузатива (*Я отправил(а) бы тебя (Вас) туда*), субъективное мнение говорящего в пользу содержания действия (*Я хотел(а) / предпочел(а) бы, чтобы ты (Вы) туда пошел(а/и)*), а также условно-сослагательное наклонение, передаваемое в кабардино-черкесском языке суффиксом *-т-* (*Я отправил(а) бы тебя (Вас) туда, если бы не...*).

Лингвокультурная особенность кабардино-черкесского языка проявляется в его полисинтетических свойствах, а также в том, что целый ряд каузативных значений, связанных в сравниваемых русском и английском языках с причинностью, побуждением, просьбой, заставлением, вдохновением, содействием, помощью и другими коннотациями воздействия, обозначается в нем деривационными префиксами *гъэ-/гъа-* и *у-*, имеющими местоименное происхождение, что подтверждает выполнение действия другим лицом по отношению к говорящему.

В русской лингвокультуре, как и в английской, различные каузативные коннотации выражаются соответствующими лексемами, в то время как в кабардино-черкесской эти значения могут быть переданы как морфологически (аффиксально), с обретением указанных оттенков значений в контексте, так и дополнительными лексическими средствами: *игъэкIуащ* – позволил(а) (ей / ему) пойти (разрешил(а), не стал(а) препятствовать, заставил(а), сделал(а) так, чтобы он(а) пошел(а)) – *allowed (forced, let, made, got, asked) (her / him) to go*; *залымыгъэкIэ игъэкIуащ* – заставил(а) (ее / его) пойти – *forced (her / him) to go*; *кIуэну хуит ищIащ* – разрешил(а) (ей / ему) пойти – *allowed (permitted) (her / him) to go*; *кIуэну тригъэгущуащ* (къару къыхильхъащ, иригъэхъуэпсащ) – воодушевил(а) (смотивировал(а), соблазнил(а)) (ее / его) пойти – *encouraged (motivated, seduced) (her / him) to go*; *кIуэну елъэуащ* – попросил(а) (ее / его) пойти – *asked (her / him) to go*.

При этом термины побуждения (motivation), поощрения (encouragement), вдохновения (inspiration), соблазнения (seduction) и другие, используемые в сравниваемых русском и английском языках для образования каузативных конструкций, в кабардино-черкесском языке по своей структуре имеют каузативную форму с префиксом *гъэ-/гъа-*: побудить (хуэ-гъэ-ушын), вдохновить (те-гъэ-гушхуэн), соблазнить (е-гъэ-хъуэпсэн). Так, каузативные конструкции в русском и английском языках «побудить к чтению» (encourage reading), «вдохновить к сочинению музыки» (inspire to compose music) в кабардино-черкесском языке будут иметь усиленную каузативную структуру: еджэным хуэгъэушын, макъамэ зэхэльхэным тегъэгушхуэн.

Английская конструкция с let (Mary let John come / go) – Мэри позволила Джону прийти / уйти) кодирует идею воздержания от совершения чего-либо по отношению к другому человеку и, таким образом, предоставляет этому человеку право выбора, что подчеркивает значимость данной темы для английской лингвокультуры.

В английском языке каузативное выражение Let's go (Пойдем! Давай пойдём!) имеет буквальное значение «Позволь нам пойти» (Let us go – ты / Вы позволь(те) (приложи(те) усилия, и мы с тобой / Вами (я и ты / Вы) пойдём), которое вызывает совместное усилие, основанное на консенсусе и предполагающее добровольное действие свободных и равных людей. В русском языке данное выражение имеет менее вежливый, более того, императивный, на английский взгляд, характер: Пойдем! Давай пойдём! В кабардино-черкесском языке возможная императивность русского выражения *Пойдем!* нивелируется способностью кабардино-черкесского языка заключать в минимальном количестве знаков большой объем культурной информации, для интерпретации которой потребуются знание как контекста, так и особенностей национального мышления носителей языка: ДыгъакIуэ! (Давай пойдём! Пойдем! Позволь нам пойти! Разреши нам пойти! Дай нам разрешение пойти!). При этом, в отличие от русской и английской лингвокультур, в которых в подобных каузативных конструкциях каузатор выступает также в качестве казулируемого (Let's go – Let us go – Ты / Вы позволь(те) нам с тобой / Вами (тебе / Вам и мне) пойти, где *ты / Вы* – каузатор(ы), *мы (я и ты / Вы)* – казулируемые; Давай пойдём! Позволь нам пойти! Пойдем!, где *ты / Вы* – каузатор(ы), *нам (ты / Вы и я)* – казулируемые), в кабардино-черкесской лингвокультуре каузатор (ты) становится и казулируемым только при соответствующей интенции говорящего: ДыгъакIуэ (Давай мы с тобой (я и ты) пойдём (*ты* – каузатор, *мы (я и ты)* – казулируемые); Дай нам (мы) пойти (без тебя); Дай нам (мы – без тебя) разрешение пойти; Разреши нам (мы – без тебя) пойти); Позволь нам (мы – без тебя) пойти (*ты* – каузатор, *нам (мы)* – казулируемые).

В английском языке предложение Let me open the door for you (Позволь(те) мне открыть тебе / Вам дверь) звучит вежливее, чем его аналог,

который заявляет о намерении говорящего — I will open the door for you (Я открою тебе дверь *или* Я хочу открыть дверь для тебя). В отличие от английской лингвокультуры, в русской и кабардино-черкесской подобная вежливая коннотация чаще передается не каузативной конструкцией, а формой будущего времени или самим действием без объявления, предупреждения или получения разрешения: Я открою тебе дверь; Подожди, я тебе открою дверь (Сэ бжэр пхуIусхынщ; Зэ къэувыIэ, сэ бжэр Iусхынщ).

Категория каузатива в кабардино-черкесском языке превращает непереходные глаголы в переходные, увеличивает количество лиц глагола на одну единицу, переводит глагол из статического состояния в динамическое, из лабильного — в стабильное, нейтрализуют номинативную и инверсивную синтаксические конструкции и превращает их в эргативную: ЩIалэр машхэ (Парень кушает / ест). — ЩIалэм хьэр егъашхэ (Парень кормит собаку — *букв.*: делает так (прилагает усилия), чтобы собака кушала / ела).

Кабардино-черкесский каузатив фиксирует большее внимание на каузируемой ситуации, чем на каузирующей, и это определяет особые синтаксические и семантические свойства каузатива. Русские конструкции с каузативными глаголами *дать, заставить, попросить* обычно переводятся кабардино-черкесскими глаголами с морфологическими показателями каузативности. Следовательно, наиболее релевантен для говорящего именно факт осуществления каузируемой ситуации, а не ее каузация.

Компаративное исследование на материале разноструктурных языков каузативных конструкций, манифестирующих особенности лингвокультурной объективации причинно-следственных отношений между явлениями и событиями окружающего мира, способствует выявлению культурно специфических и универсальных сторон национального мышления, что содействует установлению и развитию эффективно межкультурного взаимодействия.

Культурно-исторический опыт и аксиологическая информация отдельных народов, зафиксированные в языке, формируют мировую сокровищницу духовных ценностей.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.
2. Бицилли П. М. Избранные труды по филологии. М., 1996.
3. Бородай С. Ю. Язык и познание: Введение в пострелятивизм. М., 2020.
4. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973.
5. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
6. Вежицкая А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифичных контекстах // Thesis. М., 1993. Вып. 3. С. 185–206.
7. Дадиева Е. А. Общая характеристика каузативных глаголов // Вестник СибГУТИ, 2011. №2. С. 76–81.

8. Иванова С.В., Чанышева З.З. Семантика и прагматика языкового знака как драйверы культуранности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Лингвистика. 2014. №4. С. 155–166.

9. Карасик В.И. Этноспецифичные концепты // Иная ментальность. М., 2005. С. 8–100.

10. Летучий А.Б. Каузатив, декаузатив и лабильность // Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М., 2009.

11. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М., 2007.

12. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.

13. Хачемизова М.А. Каузатив в адыгейском языке: его сущность, маркированность, функционирование : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2003.

14. Шорохова И.А. Семантика каузативных глаголов в русском и польском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007.

15. Brown P., Levinson S. Universals in language usage: Politeness phenomena // Questions and politeness: Strategies in social interaction. Cambridge University Press, 1978. P. 56–310.

16. Cambridge Dictionary : [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/cause> (дата обращения: 25.04.2024).

17. Halliday M.A.K. Language as social semiotic: the social interpretation of language and meaning. Baltimore, 1978.

18. Hübler A. Understatements and hedges in English. Amsterdam, 1983.

19. Humboldt W.F. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Berlin, 1836. URL: <https://books.google.ru/books?id=ВКрWAAAАсAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 25.03.2024).

20. Langacker R.W. Culture, cognition, and grammar // Language Contact and Language Conflict. Amsterdam ; Philadelphia, 1994. P. 25–53.

21. Lucy J. Language Diversity and Thought: A Reformulation of the Linguistic Relativity Hypothesis. Cambridge University Press, 1992.

22. Matsumoto Y. Reexamination of the universality of face: Politeness phenomena in Japanese // Journal of Pragmatics, 1988. №12. P. 403–426.

23. Rihbany A.M. The Syrian Christ. L., 1920.

24. Sapir E. Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture and Personality. Berkeley, 1958.

25. Whorf B.L. Language, thought, and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf. Technology Press of Massachusetts Institute of Technology, 1956.

26. Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. Berlin ; N. Y., 2003.

27. Wierzbicka A. English: Meaning and Culture. N. Y., 2006.

28. Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. Oxford, 1992.

29. Wierzbicka A. Semantics: Primes and Universals. N. Y., 1996.

30. Wierzbicka A. Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. N. Y., 1997.

Об авторе

Эллеонора Владимировна Маремукова — канд. филол. наук, главный специалист-эксперт, Министерство культуры Кабардино-Балкарской Республики; Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Россия.

E-mail: elleonora16@mail.ru

SPIN-код: 5605-7947

E. V. Maremukova

**GRAMMATICAL FEATURES OF THE EXPLICATION
OF THE CAUSATION IN DIFFERENT LINGUOCULTURES**

Ministry of Culture of the Kabardino-Balkarian Republic,
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov,
Nalchik, Russia

Received 15 May 2024

Accepted 4 February 2025

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-1

16

To cite this article: Maremukova E.V. 2025, Grammatical features of the explication of the causation in different linguocultures, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №2. P. 5–16. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-1.

Causation is one of the fundamental conditions of existence. The cause-and-effect relationships between elements of reality, which possess universal significance, are reflected differently across linguocultures and manifest at various levels of language. A comparative analysis of the grammatical features of causative expression in structurally diverse languages – Kabardian, or East-Circassian, Russian, and English – has revealed differences in communicative behavior shaped by the cultural backgrounds of speakers. English causative constructions, whose cultural elaboration constitutes a distinctive typological feature of the language, emphasize the autonomy and freedom of the causer. In the Kabardian linguoculture, unlike in Russian and English, permissive or imperative meanings of causation are determined by context. For native speakers of Russian and Kabardian, a direct imperative is not perceived as less polite compared to permissive causative constructions, as is often the case in English-speaking cultures. In today's integrated world, intercultural adaptation represents a central and defining challenge. Decoding ethnocultural differences in the formation of causative constructions across diverse linguistic systems contributes to a deeper understanding of the unique mental frameworks of speakers and fosters more effective intercultural communication.

Keywords: language, culture, linguoculture, causation, linguistic explication, grammaticalization, intercultural communication

The author

Dr Elleonora V. Maremukova, Ministry of Culture of the Kabardino-Balkarian Republic, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia.

E-mail: elleonora16@mail.ru

SPIN code: 5605-7947

А. К. Гатилова, Т. В. Первак

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК В РАЗВИТИИ: ИСТОРИКО-ГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Государственный университет просвещения, Москва, Россия

Поступила в редакцию 20.03.2024 г.

Принята к публикации 27.10.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-2

Для цитирования: *Гатилова А.К., Первак Т.В.* Немецкий язык в развитии: историко-графический аспект // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2025. №2. С. 17–26. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-2.

Цель исследования заключается в том, чтобы описать изменения, происходившие в графической системе немецкого языка в древневерхненемецком, средневерхненемецком и ранненоверхненемецком периодах, а также выявить современные тенденции графического письма в немецком языке. Ключевыми методами исследования стали сопоставительный анализ графики памятников письменности немецкого языка и метод графематического анализа. Эмпирическим материалом послужили письменные памятники трех периодов истории немецкого языка, в том числе молитва Vaterunser («Отче наш»). Проведенный графический анализ памятников немецкой письменности на примере молитвы Vaterunser позволил выявить изменения в графической системе немецкого языка на протяжении трех указанных периодов его развития. Представленный материал может быть использован в курсах лекций и практических занятий по истории немецкого языка и теоретической фонетике.

Ключевые слова: периодизация немецкого языка, письменность, графика, диакритический знак, умлаут, дифтонг, циркумфлекс

Введение

Начиная с эпохи Античности главный интерес исследователей языка был направлен на изучение его звуковой стороны, а письмо не рассматривалось как отдельный объект исследования. На протяжении долгого времени «многие исследователи не различали понятия графики и орфографии, объединяя их под общим понятием “орфография”, а также пытались смешивать данные понятия, что препятствовало правильному пониманию отношений между языком и письмом» [4, с. 29]. Сейчас история письма осознается как отдельная область языкознания. Данные памятников письменности, относящиеся к трем периодам в истории немецкого языка, предлагают достаточно богатый материал, который подлежит исследованию и поможет четко проследить изменения, происходившие в графике немецкого языка в различные периоды его развития¹.

Уникальным памятником письменности является молитва *Vaterunser* («Отче наш»). Как пишет Э. М. Афанасьева, «молитва Господня — это своеобразный концентрат общечеловеческих ценностей. Она сопровождает жизнь христианина и включается в важнейшие христианские таинства» [1, с. 50].

Цель данного исследования заключается в том, чтобы на примере молитвы *Vaterunser* («Отче наш») описать изменения, происходившие в графической системе немецкого языка в древневерхненемецкий, средневерхненемецкий и ранненоверхненемецкий периоды.

Поставленная цель определила задачу исследования: описать состояние графической системы немецкого языка на основе анализа текста молитвы в древневерхненемецком, средневерхненемецком и ранненоверхненемецком периодах. Текст молитвы *Vaterunser* присутствует во все периоды развития литературного немецкого языка, что позволяет выявить графические изменения на временной оси на материале одного текста. Этим определяется актуальность предпринятого исследования.

Исторические основы развития графики немецкого языка

Если обратиться к древней немецкой письменности, то главными ее аспектами являются алфавит и графика, исследованием которых занимались многие лингвисты: Ю. В. Вельдина и А. А. Олейникова, А. В. Фадеева, Н. В. Шилина, С. Калета, П. А. Овсински, В. Флейшер и др. [2; 6; 9; 11; 13–15]. В языкознании известны следующие определения данных понятий: «Алфавит — это перечень букв, которые используются в письме, независимо от того, что они обозначают; графика — совокупность средств, служащих в данном языке для передачи на письме фонем и их сочетаний при помощи букв алфавита; орфография представляет собой перечень правил написания слов и морфем, использующих графическую систему языка» [8, с. 41]. Что касается орфографии, то данное понятие в эпоху древности было недостаточно развито. Об этом свидетельствуют встречающиеся в одном и том же произведении различные написания букв в одних и тех же словах:

(1) *Huuanda chiuuis so dhazs ir man uuardh uuordan unsih hilpit, endi bidhiu uuard ir uns chiboran* [24];

(2) *So sun zi muater scal: mit gotkundlichen rachon skal man sulih machon* [26];

(3) *So Dioterih mit temo uuorte ze Italia cham. Sô châmen aber nordenan Langobardi unde uuîelten Italiæ mêr danne ducentis annis* [25];

(4) *Deme sich daz wite mere nieth irwere. Nieth ich uznime, iz ne uolg ime. Ioh of-fono sindun siniu. Ih nam in ze mir unte ne lâzzen* [20].

Следует отметить, что некоторые древние писцы предлагали собственную графическую систему, например Ноткер и Отфрид (однако и их система не обладала четкостью и последовательностью). Заслуживает внимания древневерхненемецкий трактат, выполненный епископом Исидором в 636 г. Особенностью этого памятника является попытка создания собственной графической системы. Краткое *e* обозначается Иси-

дором как **ae** перед сочетанием «r + согласный» в слове **aerdha** (земля). Долгие гласные **i, u, o, a** обозначаются двойным написанием буквы: **miin, huus, booh iaar**. Префикс **ge-** пишется как **chi-**: **chisehan** (**gesehen**), а сочетание **qu** обозначается как **quh**: **quheman** (**kommen**).

Как отмечает Л.Р. Зиндер, «причина несовершенства графики древнейших эпох состоит не в том, что она не располагала специальным алфавитом, а в том, что писцы, как правило, не создавали своей системы графики, а бессознательно использовали правила латинской графики. Таким образом, древненемецкая письменность выступает перед нами в весьма запутанном и многообразном виде» [3, с. 29].

Обратимся теперь к рассмотрению графики памятников письменности средневерхненемецкого периода. Исследование графической системы средневековых рукописей позволяет заключить, что авторы произведений XII–XIII вв. пытались подобрать к латинской графике способы для обозначения фонем, морфем, а также слов немецкого языка. Рассмотрим в качестве примера отрывок из стихотворения фламандского рыцаря XII в. Генриха фон Фельдеке:

(5) *Tristrant mûste âne sînen danc stâde sîn der koningenen, want poisûn heme dâr tû dwanc mêre dan dî cracht der minnen. Sint dî sunne heren lîchten schîn tût den kalden hevet geneiget ende dî cleine vogelîn heres sanges sîn gesweiget, trûrech is dat herte mîn, want et wele nû winter sîn, dê uns sîne cracht* [22].

Как показывает пример (5), кроме букв латинского алфавита появляются буквы с диакритическими знаками (**â, ê, î, û, ô**), которые также встречались в конце древневерхненемецкого периода. Использовался циркумфлекс (**^**), который ставился обычно над гласной буквой. Данный феномен можно проследить на примере прилагательного *weise* (мудрый), которое в древневерхненемецком языке графически передавалось как *wîsi, wîs*, а в средневерхненемецком — как *wîse, wîs* [12].

Следует отметить, что и «этот знак использовался в рукописях также непоследовательно. Многочисленны и разнообразны обозначения дифтонгов. В средневековых рукописях можно встретить теперь обозначение дифтонгов **uo, iu, ou, ie**» [7, с. 97]. Удвоение букв, характерное для древневерхненемецкого периода, в средневековых текстах уже не отмечается. Кроме латинских букв в памятниках письменности встречаются теперь буквы **ä, ü, ö, sch**. Приведем отрывок из «Песни о Нибелунгах», который также наглядно показывает графические изменения в эпоху Средневековья:

(6) *Nu kleidet iuch, mîn mûgede, ez muoz âne schande beliben hie mîn lîp. Ir sult wol lâzen schouwen, si mac sin gerne lougen, des Prûnhilt verjenede hât. Do muost in verkiesen, daz er dir immer bî wone deheîner dienste, er ist tiwerr danne sî Gunther mîn bruoder, der vil edele man. Du ziuhest dich ze hôhe, sprach des kûniges wip* [21].

В ранненововерхненемецком периоде начиная с 1350 г. в немецкой графике происходят существенные изменения. Правила графики ран-

ненововерхненемецкого периода уже позволяют различать долгие и краткие гласные на письме, а в области согласных звуков фонема [tʃ] становится причиной возникновения буквенного сочетания *tsch*. Появляются новые буквы *ß* и *j*, о чем свидетельствует отрывок из произведения страсбургского священника Фридриха Клозенера, написанного в 1362 г.:

(7) *In dem jore do man zalte von gottes gebürte 1260 jor, an dem zistag noch dem sünndage in der vasten der do heiβet Reminiscere, der ist aht tage noch der großen vastnaht, do starb bischof. Heinrich zu Stroßburg, geborn von Stachelecke, und donoch an samestage vor dem palmetage wart erwelet zu bischof, der liehtmeße sang [23].*

20

В приведенной ниже таблице представлено состояние графической системы немецкого языка в течение трех периодов его развития (табл.).

Графическая система немецкого языка

Период	Памятники письменности	Состояние немецкой графики
Древневерхненемецкий (770–1050 гг.)	«Der althochdeutsche Isidor», «Otfrieds Evangelienbuch», «Notkers des Deutschen Werke», «Tatian», «Heliand», «Abrogans», «Altdeutsche Genesis», «Die Strassburger Eide», «Übersetzung und Erklärung des Hohenliedes» (Williram)	<ol style="list-style-type: none"> Преобладание латинской графики: буква <i>Z</i> была исключена из алфавита, буква <i>C</i> использовалась для обозначения звуков [k], [g], буква <i>G</i> появилась путем прибавления поперечной черточки к букве <i>C</i>. Отсутствие обозначения долгих гласных и дифтонгов. Разное написание букв в одних и тех же словах: <i>scal</i> (<i>skal</i>), <i>ioh</i> (<i>ih</i>). Префикс <i>ge-</i> пишется как <i>chi-</i>: <i>chisehan</i> (<i>gesehen</i>), а сочетание <i>qu</i> обозначается как <i>quh</i>: <i>quheman</i> (<i>kommen</i>). Долгие гласные <i>i</i>, <i>u</i>, <i>o</i>, <i>a</i> обозначаются двойным написанием буквы: <i>miin</i>, <i>huus</i>, <i>iaar</i>. Буквенное сочетание th вместо d: <i>двн. thi</i> – <i>свн. die</i>. Буквенное сочетание sc вместо sch: <i>двн. sculdi</i> – <i>свн. schuld</i>. Краткое <i>e</i> обозначается как ae перед сочетанием «г + согласный» в слове <i>aerdha</i> (земля). Умлаут краткого <i>a</i> пишется как <i>e</i>, например: <i>gast</i> – Pl. <i>Gesti</i>; <i>двн. alt</i> – <i>Komp. el tiro</i> – <i>Superl. el tisto</i>.

Период	Памятники письменности	Состояние немецкой графики
Средневерхненемецкий (1050 – 1350 гг.)	«Das Nibelungenlied», «Gedichte» (Heinrich von Veldeke), «Iwein» (Hartmann von Aue), «Tristan» (Gottfrids von Straßburg), «Der Pfaffe Amis» (Stricker)	1. Появление новых букв: ä, ü, ö, sch , например: <i>mägede, küniges, schande</i> . 2. Использование циркумфлекса (^), который ставился обычно над гласной буквой (â, ê, î, û, ô), например: <i>âne, mîn, lîp</i> . 3. Обозначение дифтонгов <i>uo, iu, ou, ie</i> , например: <i>muost, schouwen, ziuhest, dienste</i> .
Ранненововерхненемецкий (1350 – 1650 гг.)	«Das Narrenschiff» (Sebastian Brant), «Till Eulenspiegel» (Volksbuch), «Ein Geisshelfart» (Fritsche Cloesner), «Reynke de Vos» (Volksbuch)	1. Появление новых букв: ß, j, tsch , например: <i>liehtmeße, jore</i> . 2. Дифтонгизация долгих закрытых гласных <i>i – ei, u – au, iu – eu</i> , например: <i>wîp – Weib, hus – Haus, hiute – heute</i> . 3. Монофтонгизация узких дифтонгов <i>ie – ie [i:], uo – u:, üe – ü</i> , например: <i>liêp – lieb, kluoc – klug, grüen – grün</i> . 4. Буква y часто обозначает гласный i , например: <i>hug, beghynt</i> , а буква v обозначает гласный u , например: <i>vnde</i> .

Графическая система немецкого языка на примере молитвы *Vaterunser* («Отче наш»)

Рассмотрим на примере христианской молитвы *Vaterunser* («Отче наш») изменения в графической системе немецкого языка в течение трех периодов его развития. В современном немецком языке текст молитвы выглядит следующим образом:

Ökumenisches Vaterunser

Vater unser im Himmel,
geheiligt werde Dein Name.
Dein Reich komme.
Dein Wille geschehe, wie im Himmel so auf Erden.
Unser tägliches Brot gib uns heute.
Und vergib uns unsere Schuld,
wie auch wir vergeben unsern Schuldigern.
Und führe uns nicht in Versuchung,
sondern erlöse uns von dem Bösen.
(Denn Dein ist das Reich und die Kraft und die Herrlichkeit in Ewigkeit.)
Amen [27].

Ниже показана динамика графических изменений в тексте молитвы «Отче наш», существовавшем в древневерхненемецкий, средневерхненемецкий и ранненововерхненемецкий периоды.

Древневерхненемецкий период.

Fater unsêr, **thû** in himilom bist, giuûihit sî namo **thîn**. Quaeme rîchî **thîn**. Uuerdhe **uuilleo thîn**, sama sô in himile **endi** in erthu. **Broot** unseraz emezzigas gib uns **hiutu**. Endi farlâz uns **sculdhi** unsero, sama sô **uuir** farlâzzêm scolom unserem. **Endi** nigileidi unsih in costunga. Auh arlôsi unsih fona **ubile**.

amen [28]. (манускрипт, IX в.).

Состояние немецкой графики:

1. Сочетания **thû**, **thîn**. В VIII в. в южнонемецких диалектах начался переход германского R в двн. d через промежуточную ступень ð [ð], которая во франкских письменных памятниках передавалась как **th (dh)**.
2. Отсутствие редукции гласных (в окончаниях возможны краткие и долгие гласные, ср. **himile**, **ubile**).
3. Буквенное сочетание **sc** вместо **sch**: двн. **sculdhi** — свн. **schuld**.
4. Удвоенное написание **uu** вместо **w**: двн. **uuir** — нвн. **wir**.
5. Двн. **endi** — свн. **unt** — нвн. **und**.
6. Отсутствие умлаута: двн. **ubile** — свн. **übele**.
7. Долгий гласный **o** обозначается двойным написанием буквы **o**: двн. **broot** — свн. **brot**.
8. Удвоенное написание букв: **farlâzzêm**, **emezzigas**.

Средневерхненемецкий период.

Vater unser der da bist in den himeln.
geheiliget wert din name.
zuo kom din rieh.
din **wille** gewerde in der erden als in dem himele.
unser tegelich brot gib uns **hiute**.
unt vergip uns unser schulde, als wir vergeben unseren **schuldigern**.
unt enleite uns nit in bekorunge,
sunder verlose uns von **übele**.
amen [27].

Состояние немецкой графики:

1. Написание **w** вместо **uu**: **wille**, **gewerde**.
2. Обозначение дифтонгов: **hiute**.
3. Написание **sch** вместо **sc**: **schuldigern**.
4. Становление умлаута: двн. **ubile** — свн. **übele**.
5. Отсутствие циркумфлекса.

Ранненововерхненемецкий период.

Vnser vater **ynn** dem hymel.
Deyn name sey heyilig.
Deyn reych kome.
Deyn wille geschehe auf erden wie **ynn** dem hymele.
Vnser teglich brott gib vnns **heutt**,
vnd vergib vns vnser schulde, wie wyr vnsemn schuldigern vergeben,
vnnd füre vnns nitt ynn Versuchung,

sondern erlose vns von dem vbel,
denn **deyn** ist das **reych**, vnd die krafft, **vnnd** die herlickeyt
in ewickeyt.
Amen [19] (Luther, 1522).

Состояние немецкой графики:

1. Дифтонгизация: **deyn**, **sey**, **heylicg**.
2. Удвоенное написание букв **nn**: **vnnd** вместо und.
3. Обозначение буквой **v** гласного **u**, например: **vnser**, **vnns**.

Таким образом, детальный анализ молитвы «Отче наш» позволил проследить становление графики на временной оси и констатировать характерные для каждого из трех периодов графические признаки.

Современные тенденции развития немецкой графики

Обратимся к современным тенденциям развития немецкой графики, которые тесно связаны как с реформой немецкого правописания, так и с эпохой компьютерных технологий. Согласно реформе немецкого правописания 1996 г., принятой в Австрии, «тем, кто изучает немецкий язык как иностранный, придется запоминать слова, которые пишутся с удвоенной буквой **ss** вместо прежней буквы **ß**: Rußland (Russland), Fluß (Fluss), daß (dass), а также написание заглавной буквы внутри существительных (Herkunfts**W**örterbuch, Schreib**W**erkstatt)» [17, S. 244]. В связи с развитием цифровых технологий «возникло новое упрощенное правописание, вошедшее в повседневную жизнь немцев, а именно необычные графические явления, не регламентированные нормами немецкой орфографии» [16, S. 219]. Заданные авторами текстов буквы, имеющиеся только в немецкой графической системе, заменены компьютерной программой на другие знаки. Это происходит потому, что «для обмена информацией в компьютерной сети не учитываются графические знаки, которые имеются в том или ином национальном письменном языке, а лишь используется американский набор знаков (American Standard Code for Information Interchange)» [18, S. 112]. В орфографическом словаре Дуден имеются рекомендации, «согласно которым отсутствующие на клавиатуре пишущей машинки знаки в некоторых случаях могут быть заменены комбинациями других знаков». В международной электронной переписке было принято решение «отказаться от умлаутов, так как эти знаки часто не передаются соответствующим образом на мониторы адресата» [10, S. 142], однако успешное развитие компьютерных технологий в настоящее время обеспечивает возможности для корректной передачи умлаута.

Заключение

Результаты графического анализа памятников немецкой письменности позволяют сделать вывод об изменениях в графической системе немецкого языка в течение трех периодов его развития. Об этом свиде-

тельствует и динамика графических процессов, выявленных в ходе анализа уникальной христианской молитвы *Vaterunser* («Отче наш»). Для современного немецкого языка характерны новое упрощенное правописание, необычные графические явления, не регламентированные нормами немецкой орфографии.

Список литературы

1. Афанасьева Э.М. «Отче наш...» в русской лирике XIX века // Вестник Томского государственного педагогического университета. Сер.: Гуманитарные науки (Филология). 2004. Вып. 3 (40). С. 50–55.
2. Вельдина Ю.В., Олейникова А.А. История немецкой письменности и эволюция шрифта // Концепт : науч.-метод. электрон. журн. 2019. №3. С. 176–180.
3. Зиндер Л.Р. Очерк общей теории письма. Л., 1987.
4. Зиндер Л.Р., Строева Т.В. Историческая фонетика немецкого языка. М.; Л., 1965.
5. Москальская О.И. История немецкого языка = Deutsche Sprachgeschichte. М., 2006.
6. Фадеева А.В. Из истории немецкого письменного языка // Вопросы современной лингвистики. 2010. №1. С. 195–199.
7. Филличева Н.И. История немецкого языка. М., 2003.
8. Фридрих И. История письма. М., 2007.
9. Шилина Н.В. К вопросу о закономерностях унификации орфографии немецкого языка в средневерхненемецкий и ранненововерхненемецкий периоды // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. №4. С. 64–67.
10. *Der Große Duden*. Wörterbuch der deutschen Rechtschreibung. Leipzig, 2000.
11. Fleischer W. Zum Verhältnis von Phonem und Graphem die der Herausbildung der neuhochdeutschen Schriftsprache // WZ der Friedrich-Schiller-Universität. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe. 1965. Aufl. 14. S. 461–465.
12. Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch. Digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 01/21. URL: <http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui.py> (дата обращения: 20.10.2023).
13. Günther T. Deutsche Orthographie: historisch, systematisch, didaktisch. Oldenburg, 2018.
14. Kaleta S. Graphematische Untersuchungen zum Codex Picturatus von Balthasar Behem. Krakow, 2004.
15. Owsiński P.A. Zur Normlosigkeit der Schreibung aus der Vergangenheit anhand von in Schrift festgehaltenen, dialektalen frühneuhochdeutschen Merkmalen in den Krakauer Willküren aus dem Jahrhundert // Linguodidactica. 2022. Vol. 26. S. 163–179. doi: 10.15290/lingdid.2022.26.11.
16. Portmann P.R. Schreiben und Lernen. Tübingen, 2018.
17. Pogner K.H. Raus aus der Alltagskiste. Erfahrungen mit funktionalen Texten in einer Schreibwerkstatt. Bochum, 2021.
18. Probleme der geschriebenen Sprache: Beiträge zur Schriftlinguistik auf dem XIV. Internationalen Linguistenkongress 1987 in Berlin / hrsg. von D. Nerius, G. Augst. Berlin, 1988.

Источники

19. Большой катехизис. Мартин Лютер // Soteria.ru : [онлайн-библиотека]. URL: <https://soteria.ru/> (дата обращения: 23.10.2023).

20. *Das Annolied* / hrsg. von M. Roediger. Hannover, 1895.
21. *Das Nibelungenlied* / hrsg. von K. Bartsch. 8. Aufl. Leipzig, 1923.
22. *Deutsche Liederdichter des zwölften bis vierzehnten Jahrhunderts*. Eine Auswahl von Karl Bartsch. 2. Aufl. Stuttgart, 1879.
23. *Die Chroniken der deutschen Städte vom 14. bis ins 6. Jahrhundert*. Leipzig, 1862.
24. *Isidorus*. Der althochdeutsche Isidor / hrsg. von G. A. Hench. Straßburg, 1893.
25. *Notkers des Deutschen Werke* / hrsg. von E. H. Sehart, T. Starck. Halle, 1933.
26. *Otfrieds Evangelienbuch* / hrsg. von O. Erdmann. Hildesheim ; N. Y., 1979.
27. *Vater unser*. URL: <https://homepage.univie.ac.at/hans.platzer/vu/vu2.htm> (дата обращения: 21.10.2023).
28. *Vater unser* // Goeff. 91 Weiss. Herzog August Bibliothek, Wolfenbüttel. URL: <https://diglib.hab.de/?db=mss&lang=en> (дата обращения: 21.10.2023).

Об авторах

Алевтина Константиновна Гатилова — канд. филол. наук, доц., Государственный университет просвещения, Россия.

E-mail: catsaid@mail.ru

ORCID: 0009-0003-6863-3285

SPIN-код: 6235-5800

Татьяна Владимировна Первак — канд. филол. наук, доц., Государственный университет просвещения, Россия.

E-mail: alexfirst@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3427-3317

SPIN-код: 3056-0249

A. K. Gatilova, T. V. Pervak

GERMAN LANGUAGE IN DEVELOPMENT: HISTORICAL AND GRAPHIC ASPECT

Federal State University of Education, Moscow, Russia

Received 20 March 2024

Accepted 27 October 2024

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-2

To cite this article: Gatilova A. K., Pervak T. V. 2025, German language in development: historical and graphic aspect, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №2. P. 17–26. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-2.

The aim of this study is to describe the changes that occurred in the graphic system of the German language during the Old High German, Middle High German, and Early New High German periods, as well as to identify current trends in German orthographic writing. The key research methods employed include a comparative analysis of the script found in German written monuments and the method of graphematic analysis. The empirical material comprises written records from the three historical periods of the German language, including the

Vaterunser (*The Lord's Prayer*). The conducted graphic analysis of German written monuments using the Vaterunser as an example revealed changes in the graphic system of the German language across these developmental stages. The presented material may be helpful in lecture courses and practical classes on the history of the German language and theoretical phonetics.

Keywords: periodization of German, writing, graphics, diacritics, umlaut, diphthong, circumflex

The authors

Dr Alevtina K. Gatilova, Associate Professor, Federal State University of Education, Russia.

E-mail: catsaid@mail.ru

ORCID: 0009-0003-6863-3285

SPIN code: 6235-5800

Dr Tatiana V. Pervak, Associate Professor, Federal State University of Education, Russia.

E-mail: alexfirst@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3427-3317

SPIN code: 3056-0249

Т. В. Лопашенкова, Л. М. Бондарева

**ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ
ТАКТИКИ ПРИЗЫВА К ДЕЙСТВИЮ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 20.01.2025 г.

Принята к публикации 27.02.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-3

27

Для цитирования: Лопашенкова Т. В., Бондарева Л. М. Особенности языковой реализации тактики призыва к действию в англоязычном экологическом дискурсе // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2025. №2. С. 27–40. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-3.

Исследуется прагматический потенциал средств экспликации тактики призыва к действию в англоязычном экологическом дискурсе. Определено место экологического дискурса в совокупном дискурсивном пространстве, представлен краткий обзор исследований данного типа дискурса с позиции учета его субстанциальных языковых характеристик. На основе анализа статей англоязычного издания The Ecologist устанавливается факт текстовой реализации тактики призыва к действию с помощью совокупности средств объективной и субъективной модальности. В качестве репрезентантов категории объективной модальности фиксируются глаголы в форме повелительного и сослагательного наклонений. Основным средством субъективной модальности выступает модальная лексика, представленная соответствующими глаголами, частицами, словами и словосочетаниями. Констатируется наличие в интерпретируемых текстах дополнительных языковых средств, способствующих усилению лингвопрагматического потенциала англоязычного медийного экологического дискурса.

Ключевые слова: экологический дискурс, коммуникативные стратегии, тактика призыва к действию, языковые средства

Понятие «дискурс» приобрело особую актуальность в лингвистических исследованиях второй половины XX в. в связи с увеличением интереса ученых к функционированию языковых структур, выходящих за уровень текста. Проблемы дискурса освещены в работах зарубежных лингвистов — основателей теории критического дискурс-анализа (Т. Ван Дейк, Р. Водак, Н. Фэрклоу, Л. Чоулиараки), а также представителей социального конструкционизма (теория дискурса Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф) и дискурсивной психологии (Дж. Поттер, М. Уэзерел). Дискурс-анализу посвящен ряд работ таких отечественных ученых, как Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, О. В. Александрова, В. И. Карасик и др.

Несмотря на большое количество исследований подобного рода, в настоящее время не существует единого подхода к пониманию данного феномена. Как отмечает Л. М. Бондарева, можно выделить по крайней мере три подхода к вопросу разграничения понятий «текст» и «дискурс»: разграничение на основе оппозиции «статика — динамика», полное разграничение текста и дискурса и отождествление этих терминологических номинаций [3]. Наиболее убедительной нам представляется трактовка, предложенная Н. Д. Арутюновой: «Дискурс — связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте» [1, с. 136].

Следующая проблема в этой области связана с принципами выделения типов дискурса для осуществления их инвентаризации, унификации и классификации. К числу подразумеваемых критериев могут относиться такие параметры, как сфера общения, жанровая специфика, индивидуально-личностные или профессиональные особенности речевого субъекта и т. д. В процессе исследования мы основывались на точке зрения Е. В. Ивановой, которая, выбирая в качестве критерия типологизации дискурса параметр «тема», говорит о существовании экологического типа дискурса и определяет его как «совокупность устных и письменных текстов различных функциональных стилей и жанров, обусловленных ситуацией общения на экологические темы» [6, с. 134].

В свою очередь, А. В. Зайцева дает более широкое определение экологического дискурса, понимая под ним «совокупность экологических текстов различных коммуникативно-речевых сфер (науки и публицистики, художественной литературы, официально-делового и бытового общения), объединенных общей темой и формирующих экологическое сознание реципиентов» [5, с. 161].

Особый интерес к экологическому дискурсу возникает в конце XX в. в связи со смещением фокуса внимания ученых в сторону объективизации антропогенной нагрузки на природу, более глубокого осознания проблем окружающей среды в целом и роста вследствие этого понимания той важной роли, которую играет язык в решении экологических проблем. В настоящее время существуют исследования экологического дискурса с позиции учета его субстанциальных языковых характеристик. Так, А. В. Зайцева рассматривает проблему типологии текстов экологического дискурса в языковых дискурсивных практиках ФРГ [4], Е. В. Иванова исследует роль метафоры при описании экологических проблем на материале немецкоязычных СМИ [7], О. Г. Каленова анализирует англоязычный экологический дискурс в стилистическом аспекте [8], а М. В. Басинская характеризует лексико-семантические особенности англоязычного медийного экологического дискурса [2].

Предметом нашего исследования является прагматический потенциал англоязычного экологического дискурса в сфере СМИ, что подразумевает интерпретацию арсенала соответствующих стратегий, тактик и реализующих их языковых средств. В данной статье представлены

результаты анализа функционирования *тактики призыва к действию*, которая была выделена нами как одна из тактик в рамках актуализации глобальной стратегии убеждения.

Предварительно необходимо отметить, что в работах Е. Б. Павловой, которая занимается изучением лингвопрагматической организации англоязычного экологического интернет-дискурса, встречается термин «тактика призыва». Автор считает, что данная тактика служит для реализации стратегии повышения активности адресата [10]. На наш взгляд, функционал этой тактики у Е. Б. Павловой ограничен, так как под ним подразумеваются в основном случаи обращения адресанта к адресату с просьбой об ответной коммуникации (например, призыв вступить в ряды экологического сообщества). В связи с этим мы вводим собственный термин «тактика призыва к действию», что позволяет расширить диапазон референциально соотносящихся с данной номинацией областей и акцентировать деятельностный посыл адресату со стороны автора как обязательную характеристику экологического дискурса в целом.

Языковым материалом послужили 10 статей за 2024 г. из авторитетного англоязычного интернет-издания *The Ecologist*, которое специализируется на освещении широкого спектра экологических вопросов и популяризирует в своих статьях системное экологическое мышление.

В процессе исследования было установлено, что тактика призыва к действию эксплицируется в этих текстах рядом языковых средств, к которым в первую очередь относятся средства объективной и субъективной модальности. Обратимся к примерам, являющимся маркерами реализации подразумеваемой тактики в результате использования прагматического потенциала категории глагольного наклонения. В данном контексте важную роль играют глаголы повелительного наклонения, служащие для призыва читателей вступить в ряды экологически мотивированного сообщества. Подобная ситуация встречается, в частности, в статье «Podcasts for navigating climate crises» (дата публикации 05.06.2024):

*If you crave depth, thirst for knowledge, and yearn for meaningful change, **tune in, explore, and join us** in forging a positive impact on the world [12].*

В данном примере глаголы *to tune in*, *to explore* и *to join* образуют перечислительный ряд, тем самым ритмически усиливая побудительную силу авторской интенции. Также стоит отметить, что в высказывании содержатся эмоционально окрашенные прилагательные с положительной коннотацией (*meaningful, positive*), способствующие созданию общего положительного образа экоактивистской деятельности. Для усиления убедительности высказывания автор использует три глагола, принадлежащие к одному синонимическому ряду (*to crave, to thirst, to yearn*).

В статье «Sing a song of urban nature» (дата публикации 21.06.2024) использование повелительного наклонения позволяет осуществить призыв горожан к жизни в гармонии с природой. Тактика призыва к

действию эксплицируется уже в заголовке статьи, где автор побуждает жителей «петь песню городской природы», жить в гармонии с природой и бороться за ее восстановление. Эта мысль проходит лейтмотивом через весь текст статьи, реализуясь на основе использования метафоры:

Nature sings to us with the dawn chorus to welcome every day, let's sing back just as often as we fight to restore it [18].

Глагол *to sing* в данном примере встречается дважды: сначала в составе глагольной метафоры (*Nature sings to us*), а затем в своем прямом значении, употребляясь с местоимением *us* (*let's sing back...*). Подобное использование языковых средств помогает публицисту выразить единение с читателем в деле борьбы за сохранение природы.

30

Интересный пример реализации тактики призыва к действию содержится в статье «Movement power: a shock doctrine for the left?» (дата публикации 07.06.2024) [13], которая посвящена обсуждению представленных в книге Г. Джонса «Шоковая доктрина левых» инструментов для адекватного понимания и реагирования на климатический кризис. Репрезентация тактики призыва происходит здесь в визуальной форме — в виде активистского слогана на расположенной в начале статьи, сразу под ее названием, фотографии, на которой запечатлены сотни людей, вышедших на улицы Парижа на демонстрацию против действий, ведущих к изменению климата. Часть фото занимает большой белый плакат с надписью огромными буквами *Change the System, Not the Climate!* Глагол *change* в повелительном наклонении становится здесь средством, позволяющим проиллюстрировать основную цель статьи — побудить читателя к активным действиям по преодолению экологического кризиса. Автор текста пытается таким образом привлечь всеобщее внимание к необходимости взаимодействия с идеями, изложенными в статье.

Следующим способом языковой реализации тактики призыва к действию является использование глагольных форм сослагательного наклонения. Согласно М. В. Ляпон, сослагательное наклонение относит высказывание в план желаемого, требуемого или необходимого [9]. В процессе исследования нами было установлено, что в текстах экологического дискурса сослагательное наклонение гораздо чаще используется авторами не для прямого, а для косвенного призыва. Такой подход позволяет адресату ознакомиться с возможными вариантами развития событий, что наблюдается в статье «Post-election battlegrounds for climate and social justice» (дата публикации 19.06.2024):

Such changes would make it possible to replicate the success of Energy Local in Bethesda, north Wales, which supplies locally-produced hydro power to households at below-grid prices. In April, the Common Wealth think tank proposed a "public-commons partnership" as the institutional form under which local authorities could develop such projects [14].

Использование сослагательного наклонения в данном примере (*would make it possible, could develop*) позволяет автору описать желатель-

ные с его точки зрения изменения в политике партии, интересы которой он представляет, что в сочетании с упоминанием фактических данных (*which supplies locally-produced hydro power to households at below-grid prices*) способствует укреплению позиции публициста в рамках применения глобальной стратегии убеждения.

Сослагательное наклонение также может придавать высказыванию оттенок желательности. Так, в вышеупомянутой статье «Sing a song of urban nature» сослагательное наклонение используется для акцентуации контраста желаемого будущего с неприглядным и суровым настоящим в следующем текстовом фрагменте:

But today we are living through a mass extinction event, the result of a neglectful, destructive relationship between humanity and the rest of nature. And in harming nature we harm ourselves. We have the chance to become re-enchanted though, if we connect, respect and enjoy nature in the towns and cities where most people live [18].

31

Употребление эмотивной лексики с негативной семантикой (*a mass extinction event, a neglectful, destructive relationship, harming*) приводит к усилению картины экологического кризиса в настоящем. Выход из сложившейся ситуации автор видит в объединении усилий горожан и выражает это с помощью условного придаточного предложения (*if we connect, respect and enjoy...*). Прагматика данного высказывания усиливается благодаря трехкратному повторению глаголов с положительной семантикой (*connect, respect and enjoy*), стоящих в сослагательном наклонении, что способствует передаче мнения автора о необходимости применения вполне очевидных действий, требуемых от общества для борьбы с насущными экологическими проблемами.

Еще одним заслуживающим внимания примером экспликации косвенного призыва с помощью сослагательного наклонения является фрагмент статьи «A breach of trust» (дата публикации 29.12.2024), в которой излагается призыв правительства Австралии к усилению превентивных мер по подготовке населения к возможным последствиям стихийных бедствий:

People can only be pushed so far. The ripple will become a wave. Soon, these isolated events will coalesce into climate fury. Soon that wave will become radical. If Australia does not empower communities to help themselves, it will face the wrath of communities scorned. It's a lesson for the world [16].

Автор метафорически изображает страшное будущее, грозящее правительству Австралии в случае непринятия им соответствующих действий, используя синтаксический параллелизм в четырех предложениях, которые следуют одно за другим (*will become... will coalesce... will become... will face...*). Тем самым он убеждает читателя в неизбежности приближающейся катастрофы, одновременно с помощью условного придаточного предложения *If Australia does not empower communities...* акцентируя реальность описываемой угрозы. Смена времени с будущего на настоящее в финале высказывания резюмирует общий посыл автора о том, что всему миру необходимо извлечь урок из этой ситуации: *It's a lesson for the world.*

Таким образом, тактика призыва к действию в англоязычном экологическом медийном дискурсе эксплицируется с помощью ряда средств объективной модальности, к которым относятся глаголы в повелительном и сослагательном наклонениях, сочетающиеся с эмотивной лексикой положительной и негативной коннотации, ритмической организацией текста и метафорами.

Теперь обратимся к рассмотрению особенностей реализации тактики призыва к действию с помощью языковых средств, относящихся к категории субъективной модальности и репрезентируемых модальными глаголами и модальной лексикой.

32

Как было установлено, в текстах исследуемых нами статей наиболее употребительными являются модальные глаголы, которые позволяют адресантам передать семантику необходимости, долженствования, возможности и желательности.

К языковым средствам, эксплицирующим интенцию автора придать высказыванию семантику необходимости, относится модальный глагол *need*. О его важности для выражения анализируемой тактики может свидетельствовать, в частности, функционирование данного глагола не просто в тексте статьи, а в ее заголовке. Речь идет о статье, носящей название «Caroline Lucas: environmental NGOs need to be more radical» (дата публикации 13.06.2024), в которой сообщается о Каролине Лукас, единственном члене парламента от партии «зеленых», призывающей неправительственные организации занять более радикальную позицию в вопросе решения экологических проблем. Усилению прагматического потенциала глагола *need* способствует употребление оценочного прилагательного в сравнительной степени (*more radical*).

Говоря о семантике необходимости, следует отметить разнообразие адресатов, к которым обращаются авторы статей с призывом к конкретным действиям. В проанализированных нами текстах в качестве таких адресатов выступают природоохранные объединения (1), (2), политические партии (3), все граждане (4), а в некоторых случаях и сама природа (5).

В примере (1), взятом из статьи «Caroline Lucas: environmental NGOs need to be more radical», в которой автор цитирует речь Каролин Лукас, речь идет о том, что необходимым условием успеха является корректировка коммуникационной стратегии экологических активистов. Косвенный призыв реализуется за счет употребления модального глагола *need*, а адресантом выступают природоохранные объединения (*environmental campaigners*):

(1) *In order to win the debate, environmental campaigners **needed** to spend more time talking to those who were yet to be persuaded, rather than “talking to each other on Twitter”, she said [11].*

В примере (2) корректировки, по мнению Каролины Лукас, требует также общая программа действий природоохранных движений. Экоак-

тивистка, которую цитирует автор статьи, обращается к подобным движениям в форме прямой и косвенной речи, употребляя в обоих случаях глагол *need*:

(2) *The environmental movement **needs** to have a broader agenda, she said. "You do need to care about the wealth tax, you do **need** to care about the redistribution of funds, otherwise this is simply not going to happen, it just isn't. That joined-upness has got to be taken forward in the next 14 years, because we haven't got it right in the last 14" [11].*

В контексте прямой речи данный глагол функционирует в виде усиленной двойным повторением конструкции с вспомогательным глаголом *do* (*You **do need** to care about the wealth tax, you **do need** to care about the redistribution of funds*). Следует отметить, что использование личного местоимения *you* обусловлено стремлением автора сократить дистанцию между собой и членами природоохранных движений. Аналогичная интенция публициста представлена в другом примере, где Каролин Лукас для сближения с аудиторией помимо личного местоимения 1-го л. мн. ч. *we* использует также обращение *friends*:

*"Friends, we urgently **need** to close the gap between what's scientifically and ethically essential, and what is currently deemed to be politically possible," she said [11].*

Употребление этих языковых средств наряду с контрастирующим по своей негативной окраске выражением *to be deemed to* («быть обреченным»), примененным к описанию настоящего положения дел (*what is currently deemed to be politically possible*), позволяет максимально убедительно передать основную идею о необходимости срочно предпринять совместные усилия в ключевых, по мнению Лукас, направлениях.

В ходе исследования мы также обратили внимание на то, что при реализации субъективной модальности характерной чертой становится объединение автором личного и общего за счет использования личных и притяжательных местоимений 1-го л. (*we, my, our*), что наглядно демонстрируют примеры (3)–(5):

(3) *...our movement **needs** serious conversation about how to fight for working people's livelihoods and run down oil and gas production simultaneously [14];*

(4) *...this is the conversation we urgently **need** [14];*

(5) *...nature doesn't just **need** us to protect it, we need it to thrive [18].*

В примере (3) из статьи «Post-election battlegrounds for climate and social justice» (дата публикации 19.06.2024) автор, объединяя себя с одной из политических партий с помощью фразы *our movement*, обозначает тем самым свою вовлеченность в ее деятельность, а затем переходит к призыву всем вместе предпринять определенные меры. В примере (4) из той же статьи мы наблюдаем схожую ситуацию, но здесь автор адресует свой призыв ко всем людям, также объединяя себя с ними за счет

употребления местоимения *we*. Наконец, в примере (5) из статьи «Sing a song of urban nature» адресантом выступает природа, а местоимение *us* автор использует для вовлечения читателя в круг собственных прокламируемых идей.

Говоря о функционировании глагола *need* в качестве важного средства субъективной модальности, мы пришли к выводу о том, что он позволяет авторам текстов экологического дискурса выражать призыв к самым различным действиям, направленным на активизацию мер по защите природы. Таковыми являются:

- призыв к экологически ориентированному мышлению:

To act effectively on climate, we need to keep in mind the necessity of holistic solutions, and reject illusory technofixes and greenwash narratives that claim to reduce emissions with one hand, and pour them into the atmosphere with the other [14];

- призыв к увеличению инвестиций, выделяемых на защиту окружающей среды:

He agreed there had been a lack of investment over the years, saying: “We need investment, but the right kind of investment by investors who are in for the long term, rather than those who only come in and strip cash out” [15];

- призыв к контролю действий компаний по водоснабжению:

He said the regulator had “utterly failed”, coupled with a lack of political oversight, adding: “We need a root and branch review of water companies” [15].

Следующим средством субъективной модальности является глагол *must*, маркирующий переход от состояния необходимости к состоянию долженствования и обладающий в соответствии с этим большей убедительной силой. Именно на данном основании глагол *must* употребляет в своих высказываниях ранее упоминавшаяся Каролин Лукас, говорящая о том, какие действия должен предпринять сектор неправительственных организаций, чтобы переломить сложившуюся неблагоприятную ситуацию, в которой главенствуют политические и экономические законы, препятствующие борьбе с экологическим кризисом:

The environmental NGO sector must challenge the economic and political rulebooks or risk colluding in maintaining the status quo, according to outgoing Green Party MP Caroline Lucas [11].

В этой же статье глагол *must* употребляется в специфическом элементе оформления журнальных статей — так называемой врезке. Врезка — это графически оформленный фрагмент текста (как правило, выделенный цветом прямоугольником), в котором заключен основной посыл автора. Такой способ типографического выделения ведет к визуальной акцентуации соответствующего текстового отрывка для реализации в данном случае более эффективной стратегии убеждения. Ниже цитируется текст врезки:

*The current political rules are an obstacle to securing a liveable future, and until the rulebook is torn up, we **must** all be alert to the possibility that, rather than being the agents for real change, we are colluding in maintaining the status quo [11].*

В статье «Sing a song of urban nature» модальный глагол *must* используется для выражения настоятельного совета с оттенком долженствования и побуждения читателей к выполнению обязательных, по мнению автора, действий:

*Running over the uneven trails forced intimate attention on the nature around you and the presence of water everywhere is an inescapable reminder of the vulnerability of cities to rising water, leading easily to the idea that we too **must** rise up for change [18].*

35

В данном примере сочетание глагола *must* с местоимением 1-го л. мн. ч. *we* и фразовым глаголом *to rise up* позволяет автору адресовать свое обращение широкому кругу читателей с призывом подняться на борьбу, ведущую к положительным переменам в экологической ситуации в городах (*we too must rise up for change*). Трехкратное употребление форм на *-ing* (*running, rising, leading*) способствует, на наш взгляд, созданию эффекта благозвучия, усиливающего общий положительный потенциал прагматического воздействия высказывания на адресата.

Очередным средством субъективной модальности являются глаголы *can* и *could*, которые помогают автору описать имеющиеся у читателя возможности воздействия на развитие экологической ситуации, а также вероятные последствия действий, к которым он призывает. Однако по сравнению с призывом, который реализуется за счет использования глаголов *need* и *must*, модальные глаголы *could* и *can* употребляются для выражения более мягкого призыва. Так, в статье «Can tennis achieve net zero?» (дата публикации 28.06.2024) автор мотивирует в этой форме игроков в теннис взять на себя ответственность за воздействие на окружающую среду и активно участвовать в усилиях по обеспечению устойчивого развития данного вида спорта:

*However, to show an interest and speak up about concerns authentically **can** make a real difference, with a likely ripple effect, as the ATP may show [19].*

В процитированном фрагменте текста глагол *can* вместе с фразовым глаголом *to make a difference*, усиленным эмоционально окрашенным прилагательным *real*, позволяет автору деликатно оформить косвенный призыв к коллективным усилиям по снижению уровня негативного воздействия тенниса на экологическую обстановку.

Однако в отрицательной форме глагол *can* в сочетании с глаголом *to afford* может использоваться говорящим для выражения крайней степени несогласия с действиями, которые могут привести к экологическим проблемам, как это наблюдается в следующем примере, представляющем собой очередную цитату из речи Каролин Лукас:

*“When I have put my head above the parapet, it did sometimes feel to me that some of you were keeping yours down in damage limitation mode. I understand that instinct, but at such a serious moment in human history, we **can't** afford to settle for anything less than what the science demands,” she said [11].*

Как очевидно, автор высказывания переходит на уровень лексики возвышенного, философского характера (*a serious moment in human history*), чтобы создать у читателя впечатление важности происходящего, подчеркнуть ответственность каждого за принимаемые решения и призвать к объединению в вопросах защиты окружающей среды. Повтор глаголов с семантикой активного действия (*to afford, to settle for, to demand*) также способствует усилению общего прагматического эффекта.

Известно, что в рамках субъективной модальности с помощью глаголов *can, could*, а также *would* в текстах может передаваться оттенок желательности, что наблюдается в следующем текстовом примере из статьи «Can tennis achieve net zero?»:

*Tennis players **can** use their social platforms to help educate and inspire millions of fans around the world, whilst also encouraging the corporate leaders of the sport to keep making bold decisions to positively shape the future direction of travel [19].*

Автор структурирует косвенный призыв, объясняя целесообразные с его точки зрения действия, которые должны привести к наилучшему результату. Призыв выражается здесь в более решительной форме по сравнению с примерами, в которых употребляются модальные глаголы *could* и *would*.

В следующем фрагменте, взятом из той же статьи, теннисистам предлагается участвовать в развитии природоохранной деятельности путем коллаборации с представителями других видов спорта:

*The tour **could** also collaborate with other global sports such as golf or Formula One to showcase its environmental agenda and create efficiencies at scale [19].*

Высказывание выстроено в форме «мягкого» призыва с помощью глагола *could*, а его убеждающая сила увеличивается за счет использования автором ключевой леммы экологического дискурса *environmental agenda* и предложного словосочетания *to create efficiencies at scale* («для повышения эффективности **в масштабе**»).

Аналогичная ситуация наблюдается в очередном примере из этой статьи, где в тексте функционирует модальный глагол *would*, структурирующий ситуацию «мягкого» призыва в сочетании с эмоционально окрашенным прилагательным *fantastic*:

*Many players have considerable charitable commitments and causes, but it **would** be fantastic to see them speak up on environmental issues too, which is quite an ask when a career depends on international travel, not to mention the laser-like focus needed to reach peak performance [19].*

Отдельно следует рассмотреть примеры использования модальных частиц, слов и словосочетаний, которые в исследованных статьях позволяют передать оттенок уверенности или неуверенности адресанта в своих словах.

В статье «Can tennis achieve net zero?» автор выражает с помощью наречия *probably* предположение о том, что протесты экоактивистов, вероятно, будут продолжаться, если теннисисты не покажут свою заинтересованность в развитии экологической устойчивости этого вида спорта:

*The effects of climate breakdown, with soaring temperatures and flooding, will affect players at all levels. Protests will **probably** continue to disrupt play if tennis cannot show that it genuinely cares and is willing to adapt and fully engage with the issues [19].*

Включение данного вида модальности в структуру повествования наряду с ключевой лексикой экологического дискурса и упоминанием пугающих фактов действительности (*climate breakdown, soaring temperatures, flooding*) позволяет акцентировать внимание читателей на угрозах для экологической ситуации в мире, исходящих, по мнению автора статьи, от некоторых видов спорта.

В следующем примере, взятом из статьи «Grassroots power» (дата публикации 11.06.2024), субъективная модальность представлена наречием *only*, встречающимся в примере дважды, что подчеркивает уверенность автора в необходимости совместных действий в борьбе за экологическое благополучие и усиливает убедительность экспликации тактики призыва к действию:

*We are **only** going to win the environmental struggle if we get mass movements engaged. That is the **only** way to do things because environmentalism from above, despite some of its successes, is clearly always going to be vulnerable to political backlash [17].*

В приводимом ниже примере из статьи «Caroline Lucas: environmental NGOs need to be more radical» в цитате из речи экоактивистки Каролин Лукас обращает на себя внимание асерторический оборот *there's no way to... without...*, выражающий ее твердую уверенность в том, что для борьбы с экологическим кризисом необходима трансформация существующей экономической и политической системы:

*"There's **no way** to seriously address the triple crisis of climate, nature, inequality without transforming the economic and political systems," she said [11].*

Таким образом, совершенно очевидно, что в текстах англоязычного экологического дискурса для экспликации тактики призыва к действию авторами активно используются соответствующие языковые средства субъективной модальности:

- модальный глагол *need*, помогающий придать высказыванию оттенок необходимости;
- модальный глагол *must*, придающий сообщению семантику долженствования;
- модальные глаголы *can / could*, позволяющие выразить возможности и вероятные последствия действий, к которым призывает автор;
- модальные глаголы *can / could* и *would*, передающие оттенок желательности;

• модальные частицы, слова и словосочетания (например, *probably, only, no way*), позволяющие передать оттенок уверенности или неуверенности автора в сказанном.

Выводы

На основе проведенного исследования текстов десяти статей англоязычного экологического дискурса, содержащихся в интернет-издании *The Ecologist*, представляется возможным сделать следующие выводы:

• экспликация тактики призыва к действию в данных текстах реализуется с помощью набора языковых средств, относящихся к категориям объективной и субъективной модальности;

• в рамках объективной модальности тактика призыва к действию эксплицируется с помощью глаголов в форме повелительного и сослагательного наклонений, а субъективная модальность реализуется на основе использования модальной лексики, представленной модальными глаголами, частицами, словами и словосочетаниями;

• прагматический потенциал высказываний, содержащих средства объективной и субъективной модальности, усиливается за счет применения личных и притяжательных местоимений, эмотивной лексики с положительной и негативной коннотацией, метафор, ритмической организации текста, фразовых глаголов, асерторических оборотов, ключевых лексем экологического дискурса и в отдельных случаях внетекстовых элементов (фото, врезок).

Такой спектр языковых средств позволяет адресантам успешно эксплицировать тактику призыва адресатов к действию в рамках реализации глобальной стратегии убеждения.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136–137.
2. Басинская М.В. Исследование лексико-семантических особенностей экологического дискурса в рамках языковой экологии // Вестник Московского государственного областного университета. 2014. Вып. 20 (706). С. 32–41.
3. Бондарева Л.М. Ретроспекция как фактор структурирования дискурса и текста. Калининград, 2019.
4. Зайцева А.В. К проблеме типологии текстов экологического дискурса ФРГ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. №7 (25) : в 2 ч. Ч. 2. С. 92–96.
5. Зайцева А.В. Типология текстов экологического дискурса ФРГ : дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2014.
6. Иванова Е.В. К проблеме исследования экологического дискурса // Политическая лингвистика. 2007. №23. С. 134–137.
7. Иванова Е.В. Эколингвистика и роль метафоры при описании экологических проблем // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Филология. Искусствоведение. 2007. №13. С. 32–36.
8. Каленова О.Г., Дубровская Т.В. К проблеме определения экологического дискурса и его жанров // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. №2 (16). С. 6–12.

9. Ляпон М. В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 303–304.

10. Павлова Е. Б. Лингвопрагматическая организация англоязычного экологического интернет-дискурса // Научный диалог. 2019. №1. С. 88–100.

11. Early C. Caroline Lucas: environmental NGOs need to be more radical. URL: <https://theecologist.org/2024/jun/13/caroline-lucas-environmental-ngos-need-be-more-radical> (дата обращения: 15.11.2024).

12. Harbour R. Podcasts for navigating climate crises. URL: <https://theecologist.org/2024/jun/05/podcasts-navigating-climate-crises> (дата обращения: 15.11.2024).

13. Montague B. Movement power: a shock doctrine for the left? URL: <https://theecologist.org/2024/jun/07/movement-power-shock-doctrine-left> (дата обращения: 15.11.2024).

14. Pirani S. Post-election battlegrounds for climate and social justice. URL: <https://theecologist.org/2024/jun/19/post-election-battlegrounds-climate-and-social-justice> (дата обращения: 15.11.2024).

15. Press Association Public “scammed” by water companies. URL: <https://theecologist.org/2024/jun/12/public-scammed-water-companies> (дата обращения: 15.11.2024).

16. Prideaux M. A breach of trust. URL: <https://theecologist.org/2024/feb/29/breach-trust> (дата обращения: 15.11.2024).

17. Rappel I. Grassroots power. URL: <https://theecologist.org/2024/jun/11/grassroots-power> (дата обращения: 15.11.2024).

18. Simms A. Sing a song of urban nature. URL: <https://theecologist.org/2024/jun/21/sing-song-urban-nature> (дата обращения: 15.11.2024).

19. Slater L. Can tennis achieve net zero? URL: <https://theecologist.org/2024/jun/28/can-tennis-achieve-net-zero> (дата обращения: 15.11.2024).

Об авторах

Татьяна Владимировна Лопашенкова – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: bamh@mail.ru

Людмила Михайловна Бондарева – д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: bondareva.koenig@mail.ru

T. V. Lopashenkova, L. M. Bondareva

WAYS OF EXPRESSING THE CALL-TO-ACTION TACTICS IN ENGLISH-LANGUAGE ENVIRONMENTAL DISCOURSE

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 20 January 2025

Accepted 27 February 2025

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-3

To cite this article: Lopashenkova T. V., Bondareva L. M. 2025, Ways of expressing the call-to-action tactics in English-language environmental discourse, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №2. P. 27–40. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-3.

*This study explores the pragmatic potential of linguistic means used to explicate the call-to-action strategy in English-language environmental discourse. The position of environmental discourse within the broader discursive space is defined, and a brief overview of relevant studies is provided, with a focus on its substantive linguistic characteristics. Based on an analysis of articles published in the English-language edition of *The Ecologist*, the study identifies the textual realization of the call-to-action strategy through a combination of means reflecting both objective and subjective modality. Verbs in the imperative and subjunctive moods are identified as primary markers of objective modality. The main indicators of subjective modality include modal vocabulary, represented by specific verbs, particles, words, and phrases. The presence of additional linguistic devices in the analyzed texts is also noted, contributing to the enhancement of the linguo-pragmatic potential of English-language media-based environmental discourse.*

40

Keywords: environmental discourse, communicative strategies, call-to-action tactics, language means

The authors

Tatyana V. Lopashenkova, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: bamh@mail.ru

Prof. Lyudmila M. Bondareva, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: bondareva.koenig@mail.ru

О. Г. Твердохлеб

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
СЛОВ С КОРНЕМ РЫЖ- В ПОЭЗИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, Россия

Поступила в редакцию 03.03.2024 г.

Принята к публикации 28.06.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-4

41

Для цитирования: *Твердохлеб О. Г.* Лексико-грамматическая характеристика слов с корнем *рыж-* в поэзии первой трети XX века // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2025. №1. С. 41 – 50. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-4.

Представлено описание цветового художественного пространства, организуемого с помощью разных по грамматической характеристике лексем с корнем *рыж-* в текстах русской поэзии первой трети XX в. Выявлено, что наименования со значением 'рыжий' используются поэтами преимущественно в 1916 г., а наиболее широкое употребление указанных цветоименований встречается в поэзии Э. Г. Багрицкого, И. Л. Сельвинского, В. В. Маяковского, Саши Черного и М. И. Цветаевой. Обнаружена неодинаковая частотность употребления в поэзии указанного периода разных по грамматическим особенностям номинаций с корнем *рыж-*. Показано, что разнообразие этих цветоименований обеспечивает поэтический язык различными по грамматической характеристике средствами, способствуя осуществлению художественного замысла творца. Предложена структурно-морфологическая классификация номинаций рыжего цвета, учитывающая количество основ. Приведен богатый материал из поэтических текстов первой трети XX в., иллюстрирующий пять языковых групп цветоименований, включающих корневую морфему *рыж-*: 1) одноосновные простые номинации, репрезентированные разными частями речи; 2) сложные адъективные формы; 3) синтаксические конструкции; 4) сравнительные конструкции и 5) образно-семантические единства нескольких языковых элементов. Полученные результаты могут быть интересны для литературоведов, исследующих творчество русских поэтов Серебряного века, а также найти применение и в практике составления словарей.

Ключевые слова: прилагательные, цветообозначение, *рыжий*, поэзия, Серебряный век

Введение

Первая треть XX в., неразрывно связанная с трагической историей России (предреволюционная эпоха, Февральская революция, октябрьский шторм Зимнего, победа большевиков, первая волна русской эми-

грации, Гражданская война), рассматривается рядом литературоведов ([3; 4] и др.) как целостный период развития русской литературы, в который она сформировалась и достигла определенных вершин. Эта эпоха породила множество направлений и течений в культуре, в том числе в русской поэзии.

В современной лингвистике не ослабевает интерес к исследованию цветоименований. В первую очередь описывается семантика, символика, мифология цветообозначений в одном или в различных языках и культурах, например в славянских [7; 12] или (в сопоставительном плане) в русском и венгерском языках [2], у британцев и славян [8]. Также исследователи обращаются к анализу семантики и функции обозначений цвета в текстах разных функциональных стилей, в частности в художественных произведениях (проза, поэзия) [15; 16] и в массмедийном политическом дискурсе [18], проводятся исследования семантики одного конкретного цвета, например зеленого [19] или черного [13]. Появляются работы, описывающие культурное функционирование рыжего цвета, например образ и статус рыжеволосого человека в Средневековье и в современности [6] или литературный типаж «рыжий» в русской и зарубежной литературе [20]. Однако целостный лексико-грамматический анализ функционирования лексем с корнем *рыж-* в русской поэзии определенного периода начала XX в. пока не проводился. Добавим, что настоящая работа, связанная с исследованием языка в единстве с поэтикой, носит значимый в современной науке междисциплинарный характер, что усиливает ее актуальность.

Методика исследования

Так как нас интересовали особенности функционирования лексем с корнем *рыж-* в русской поэзии первой трети XX в., то в поэтическом подкорпусе Национального корпуса русского языка (НКРЯ [21])¹ было закреплено ограничение в «Основных параметрах текста» по дате создания: 1900–1930. По нему система выдала 3995793 примера, 34652 текста. Затем в поле «Лемма» сделан запрос: *рыж** (где символ* обозначает любую последовательность символов в начале или в конце лексемы / словоформы), что позволило выявить значительное количество слов, морфемный состав которых содержал корень *рыж-* (725 примеров из 552 текстов, то есть 0,018 % от общего количества слов в указанном подкорпусе).

Результаты

Как показало проведенное исследование, лексемы с корнем *рыж-* в русской поэзии первой трети XX в. играют важную роль в организации цветового художественного пространства.

¹ Далее в статье все примеры даются по этому источнику.

По материалам НКРЯ, лексемы с корнем *рыж-* используют в своих поэтических творениях в период 1900—1930 гг. 142 автора¹: Н. Я. Агнивцев, В. Д. Александровский, Дж. Алтаузен (3), И. Ф. Анненский, П. Г. Антокольский, Н. Н. Асеев (4), А. А. Ахматова (4), Э. Г. Багрицкий (27), Т. А. Баженова, К. Д. Бальмонт (7), А. А. Баркова, Н. Н. Белоцветов, Андрей Белый, Н. Н. Берберова, О. Ф. Берггольц (3), А. А. Блок (8), С. П. Бобров, Н. Болеслис, В. Я. Брюсов (14), И. А. Бунин (5), Д. Д. Бурлюк, К. К. Вагин, П. Н. Васильев (18), А. И. Введенский (5), А. Н. Вергинский, Ю. Н. Верховский, Т. Вечорка, В. В. Воинов, М. А. Волошин (10), М. П. Герасимов, А. К. Герцк, З. Н. Гиппиус (10), И. Н. Голенищев-Кутузов, М. Г. Горлин, С. М. Городецкий (13), Максим Горький, В. И. Горянский, Н. С. Гумилев (19), Е. Г. Гуро, Н. И. Дементьев (3), И. И. Доронин, Е. И. Дмитриева, С. А. Есенин (20), Л. Е. Ещин, К. Ф. Жаков (86), Н. Н. Зарудин (5), Б. С. Земенков, М. А. Зенкевич (2), В. И. Иванов (10), Р. Ивнев, М. Н. Имрэй, В. В. Каменский (6), С. И. Кирсанов (15), Д. И. Кленовский (10), Н. А. Клюев (14), Д. Кнут (6), В. А. Комаровский, В. Л. Корвин-Пиотровский (10), Б. П. Корнилов (5), Н. В. Крандиевская, Е. Л. Кропивницкий, А. Е. Крученых (3), М. А. Кузмин (13), Л. А. Лавров, В. М. Лебедев, Б. К. Лившиц, В. С. Логинов, А. К. Лозина-Лозинский (4), М. Лохвицкая (3), В. А. Луговской, А. Макаров, О. Э. Мандельштам (11), А. Б. Мариенгоф (5), С. Н. Марков, Л. Н. Мартынов, В. В. Маяковский (22), В. А. Меркурьева, В. А. Моница, М. Л. Моравская, В. В. Набоков (5), В. И. Нарбут (9), Н. В. Недоброво, С. Е. Нельдихен, А. И. Несмелов (14), Г. Н. Оболдуев (7), С. А. Обрадович, Н. А. Оцуп (5), В. Я. Парнах (4), С. Я. Парнок (4), Б. Л. Пастернак (2), Г. Н. Петников, А. П. Платонов, Е. Г. Полонская (4), П. П. Потемкин (4), А. С. Присманова, А. А. Прокофьев (4), А. Н. Ракитников, С. М. Рафальский, С. А. Родов, Вс. А. Рождественский, И. И. Савин, Саша Черный (22), В. М. Саянов, М. А. Светлов, И. Северянин (7), И. Л. Сельвинский (25), Б. К. Семенов (3), Д. Н. Семеновский, Г. А. Сидоров, А. Д. Скалдин, И. В. Соколов, Ф. К. Сологуб, Л. Н. Столица, П. С. Сухотин, М. А. Тарловский (7), А. И. Тиняков, Н. С. Тихонов (8), А. Н. Толстой, С. М. Третьяков (10), Н. Н. Туроверов, И. П. Уткин (6), Н. Н. Ушаков (4), Е. Феррари, Н. П. Хабиас (3), Д. Хармс (8), В. В. Хлебников (10), В. Ф. Ходасевич (8), М. И. Цветаева (22), К. И. Чуковский (5), Г. И. Чулков, Т. В. Чурилин, Г. А. Шенгели (7), С. В. Шервинский, В. Г. Шершеневич (6), М. М. Шкапская, Т. Л. Щепкина-Куперник, В. Е. Щировский (2), А. В. Эйсер, Элис (Л. Л. Кобылинский), И. Г. Эренбург (4), И. В. Юрков (3), П. Ф. Якубович.

Как видно из приведенного перечня, наибольшую частотность лексем с корнем *рыж-* обнаруживает поэтическое творчество К. Ф. Жакова (86 примеров), однако все они употреблены для номинации главного действующего лица в поэме «Биармия» (Коми литературный эпос). В разных стихотворных произведениях более 20 раз употребляют описываемые лексемы Э. Г. Багрицкий (27 случаев), И. Л. Сельвинский (25), В. В. Маяковский (22), Саша Черный (22) и М. И. Цветаева (22), от 10 до

¹ Приведен полный список авторов в алфавитном порядке; цифры в скобках указывают количество репрезентаций в поэзии данного автора. Жирным шрифтом выделено значительное число репрезентаций, при единичности цифры отсутствуют.

20 раз – П.Н. Васильев, З.Н. Гипшиус, Н.С. Гумилев, С.М. Городецкий, В.И. Иванов, С.И. Кирсанов, Д.И. Кленовский, Н.А. Клюев, М.А. Кузмин и С.М. Третьяков. У остальных поэтов находим немногочисленные или единичные случаи употребления.

Лексико-грамматическая классификация слов с корнем *рыж-*

Поэты первой трети XX в., стремясь к максимальной реализации разнообразных средств русского языка, творчески использовали богатейший словообразовательный потенциал, в том числе имени прилагательного *рыжий*. Словообразовательная активность этого цветоименования, обуславливающая неодинаковую частотность употребления разных по грамматическим признакам лексем с корнем *рыж-*, позволяет обеспечить поэтический язык разнообразием слов с этим корнем, способствуя осуществлению художественного замысла.

Взяв за основу уже разработанные классификации лексики цвета [1, с. 19; 9; 10; 11, с. 28; 14, с. 17; 17, с. 158], в данной работе мы предлагаем свою, несколько уточненную и расширенную классификацию обнаруженных нами цветоименований, включающих в свой состав корневую морфему *рыж-*. С учетом количества основ, входящих в состав цветолексем, номинирующих *рыжий* цвет, в поэтических произведениях первой трети XX в. нами было обнаружено пять структурно-морфологических групп (и подгрупп).

1. Одноосновные простые названия рыжего цвета, употребленные в абсолютном большинстве случаев (540 употреблений, или 74 % от всего количества выявленных лексем), представлены разными частями речи:

а) непроизводные имена прилагательные (459 примеров, или 63 % от всего количества выявленных лексем), репрезентированные в полной и краткой форме, ср.: *фавны рыжие* (Д.И. Кленовский. Ваза, 1922), *снег, как назло, рыж* (Б.Л. Пастернак. Спекторский, 1925–1931); суффиксальные прилагательные: *днем рыжеватым* (В.Г. Шершеневич. «Кто-то на небе тархтел звонком, и выскакивала...», 1913), *рыженький студент* (Саша Черный. Настроение, 1910); префиксально-суффиксальные прилагательные: *копыт порыжелых* (Б.Л. Пастернак. «Сумерки... словно оруженосцы роз...», 1909);

б) имена существительные: безаффиксные, адъективного склонения (47 примеров), ср.: *Кому урожай? – рыжим* (С.М. Третьяков. Рычи Китай, 1924), и отъадективные суффиксальные, ср.: *одинокий рыжик* (Саша Черный. Обстановочка, 1909);

в) глаголы и глагольные формы (причастие, деепричастие) (29 примеров), ср.: *Порыжел от солнца* (И.В. Юрков. Мефистофель у нас, 1925), *Льдов порыжевших руда* (М.П. Герасимов. На фронт труда, 1921), *ржавчиной рыжея* (Н.Н. Ушаков. Яблоки, 1925);

г) наречия и слова категории состояния (5 примеров), ср.: *мир хорохорится рыже* (В.В. Маяковский. 150 000 000, 1919–1920), *Желто, рыже, буро, ало – Гул спящих голосов* (С.М. Городецкий. Осенний вихрь, 1907).

2. Сложные адъективные формы, производные от основного цветоименования *рыжий* (150 примеров, или 20 % от всего количества выявленных лексем), представлены в поэтических текстах рассматриваемого времени следующими группами:

а) цвето-цветовые, конкретизирующие значение цвета или его интенсивность (типа: *рыже-красный*, *ярко-рыжий* и др.), в том числе окказиональные цветоименования (*огненно-рыжий* и др.), ср.: *И краснорыжие трамваи, погромыхивая мордами* (Э.Г. Багрицкий. Дерибасовская ночью, 1915), *Темно-рыжий комочек глядит на прохожих людей / Это белка — мой новый и радостный друг...* (Саша Черный. «На берлинском балконе...», 1923), *Дымно-рыжих огоньков* (П.П. Потемкин. Дьявол, 1906);

б) цвето-нецветовые (типа: *рыжегривый* и др.), ср.: *Своротить белозубые челюсти / Львам рыжегривым* (Э.Г. Багрицкий. Песня пьющих солнце, 1928).

Отметим, что адъективы, образованные с помощью повторения основы *рыж(ий)* для обозначения интенсивности цвета (типа: *рыжий-рыжий*, *рыжий-прерыжий*), нами обнаружены не были.

3. Выразительное акцентирование «рыжего» создается при помощи синтаксических конструкций (словосочетаний) (17 случаев, или 2,3 % от всего количества выявленных лексем), в которых:

а) имя прилагательное *рыжий* (его суффиксальное производное *рыжеватый*) согласуется (в роде, числе, падеже) с видовым именем существительным *цвет* (*оттенек*), ср. следующие стихотворные строки: *...если крашено / рыжим цветом, / а не красным, — / время?!* (Н.Н. Асеев. «Где же жизнь...», 1924), *И волны рыжего оттенка* (Н.Н. Ушаков. Три лета, 1927), *В волос ее волне / Оттенек рыжеватый* (Д.И. Кленовский. Неумелые подарки, 1917);

б) имя прилагательное *рыжий* вместе с предложно-падежной формой «с + творительный падеж» другого именного цветоименования употребляется для выражения ассоциативного соединения двух цветов (2 случая): *Спи, мой кошачий голубок, / Мой рыжий с белым!* (М.И. Цветаева. «Собаки спущены с цепи...», 1914), возможно и более сложное метафорическое цветоименование: *Здесь сыроежка и рыжий рыжик / С малиновой кровью* (В.В. Хлебников. «Русь зеленая в месяце Ай...», 1921);

в) прилагательное *рыжий* повторяется в поэтической строке для усиления выражения цвета (единично, только в контаминации со сравнением) (подробнее об этом ниже).

4. Лексема «рыжий» является частью сравнительной конструкции (13 случаев, или 1,7 % от всего количества выявленных лексем), которая как бы демонстрирует раздельность цветоименования. Неожиданные, созданные на основе личных (жизненных, энциклопедических) знаний поэта и устанавливающие черты сходства между предметами и явлениями, принадлежащими к разным семантическим классам, они характеризуются своеобразием способов грамматического выражения.

В трехкомпонентных конструкциях в качестве основы сравнения (basis) выступает (реально воспринимаемый) рыжий цвет, общий для сравниваемого предмета / явления (subject) и того, с чем сравнивается предмет / явление (object). Могут сопоставляться между собой:

а) два предмета по степени присущего им рыжего цвета:

– краткие сравнения, представленные емкими и лаконичными трехчленными компаративными конструкциями из трех компонентов: *basis* (краткая форма адъектива в позиции предиката: *рыж, рыжа*), *subject* (имя существительное / местоимение: *земля, он*) и *object* (сравнительный оборот: существительные *ржа, ирландец* с предназначенными для выражения значения сравнения союзами *как, словно*): *Он, как ирландец, рыж* (П.Г. Антокольский. Гулливер, 1929), *Словно ржа, земля рыжа* (С.М. Городецкий. Скорбящая весна, 1911);

– развернутые сравнения, создающие более объемный образ и состоящие из имени существительного и зависимых от него слов: *Рыжая, как ржавое железо / <...> / Знойная, песчаная пустыня* (Максим Горький. «Рыжая, как ржавое железо...», 1918–1929), *Он, как заря каракольская, рыж* (С.Н. Марков. Семиреченский тигр, 1927), *...сосны, / Зеленые и рыжие, как косы / Наяд приморья и нагорных вил* (И.Н. Голенищев-Кутузов. После грозы в Дубровнике, 1928);

б) два состояния цвета у разных предметов по степени сходства проявляемого ими рыжего цвета, например:

– краткое четкое сравнение, выраженное сравнительным оборотом: *Вода, как железо, делалась рыжей* (И.Л. Сельвинский. Улялаевщина, 1924);

– развернутое сравнение, выраженное сравнительным придаточным (с союзом *как*) и описывающее более сложные, глубокие связи между сравниваемыми поэтическими событиями: *На солнце хны рыжет кровь, / Как ржавчина, в косичке мелкой* (С.Я. Парнок. «Безветрием удвоен жар...», 1922), *Где рыжели, ржавая, осенние рожи, / Как гербы на решетках дворцовых оград* (В.М. Лебедев. Сентиментальные короли, 1929).

В нашем материале представлены (единично) и *двухкомпонентные конструкции* с формально отсутствующим объектом сравнения, требующие от читателя дополнительных активности и сотворчества. Формально отсутствующий объект сравнения выражается имплицитно, совпадая с субъектом поэтического сравнения, а основание сравнения (цветовая характеристика) опирается на абстрактно существующие нормы (обычные, стандартные) рыжего цвета. «Объективная степень признака относительно нормы и выражение субъективного впечатления от него» [5, с. 115] обозначается интенсификаторами (наречиями степени: мотивированными (на *-o, -e*) *немного, зловеще* и немотивированным *чуть*), указывающими на большую / меньшую степень интенсивности рыжего цвета и выступающими в качестве модификации цветообозначения-предиката (*basis*), ср. экспрессивно-усилительные компоненты в соединении (по способу примыкания) с грамматически главным словом — адъективным обозначением рыжего цвета:

– в полной форме: *На поиск! — / Пропавшего солнца. / <...> / Оно такое: / Немного рыжее* (В.В. Хлебников. Синие оковы, 1922), *Чуть рыжеватая, с загаром* (В.Л. Корвин-Пиотровский. «О, понимаю, понимаю...», 1920–1966);

– в краткой форме (множественного числа): *Зловеще рыжи срывы стен отвесных* (В.Я. Брюсов. Уныние, 1920).

5. Для усиления / уточнения семантики «рыжего» используется необычное, индивидуально-авторское образно-семантическое **единство нескольких языковых элементов** разных уровней (5 случаев, или 0,6 % от всего количества выявленных лексем). Таковы сложные цветообозначения, созданные по моделям:

а) «*рыжий* + *рыжий* + *рыжий* + сравнительная степень прилагательного *рыжий* + имя существительное в родительном падеже»: *...снег дымится кружевом **рыжим, рыжим, рыжим, рыжей вина*** (З.Н. Гиппиус. Лазарь, 1918–1938);

б) «*рыжий* + сравнительный оборот + *рыжий* + сравнительное придаточное»: *Не позабудь, что приду я – **рыжей** / <...> / **Рыжей**, как этот кленовый лист, **Рыжей**, как тот, что в лесах повис* (М.И. Цветаева. Памяти Г. Гейне, 1920);

в) «сложное адъективное цвето-цветовое наименование (со второй корневой морфемой *рыж-*) + субстантивная лексема с метафорическим переносным цветовым значением»: ***Бледно-рыжее** золото кос, / *Зелень глаз и аттический нос / – В медном зеркале все отразится* (И.А. Бунин. Цирцея, 1916);*

г) «сложное адъективное цвето-цветовое наименование (со второй корневой морфемой *рыж-*) + сравнительный оборот с союзом *как*»: *...с распущенными волосами, **огненно-рыжими**, как язык огня* (Т.Л. Щепкина-Куперник. Сон зимней ночи, 1922);

д) «интенсификатор + отадъективное глагольное цветообозначение + деепричастный оборот со значением другого цветообозначения»: *Кое-где **чуть рыжеет** жнивье, / По межам голубя* (Н.Н. Зарудин. Польша, 1926).

Выводы

Проведенное исследование показало, что смысл «рыжий цвет, его оттенки» обозначается в русских поэтических текстах первой трети XX в. разными языковыми структурами. Для организации цветового художественного пространства различные по грамматическим признакам лексемы с корнем *рыж-* вводятся с разной частотой (пик их использования приходится на 1916 г.) и становятся особенно важными для таких поэтов, как Э.Г. Багрицкий, И.Л. Сельвинский, В.В. Маяковский, Саша Черный и М.И. Цветаева.

С учетом количества основ, входящих в состав номинаций рыжего цвета (его оттенков), в поэтических произведениях первой трети XX в. мы выявили пять структурно-морфологических групп (и подгрупп): 1) одноосновные простые названия рыжего цвета (абсолютное большинство случаев), представленные разными частями речи (непроизводные, суффиксальные и префиксально-суффиксальные имена прилагательные; безаффиксные, адъективного склонения и отадъективные суффиксальные имена существительные; глагольные формы; наречия

и слово категории состояния); 2) сложные адъективные формы, производные от основного цвета «рыжий» (цвето-цветовые и цвето-нецветовые); 3) синтаксические конструкции, один (и более) из компонентов которых связан с номинацией рыжего цвета; 4) сравнительные конструкции (трех- и двухкомпонентные); 5) образно-семантические единства нескольких языковых элементов.

Полученные сведения расширяют общее представление о языковых процессах в поэзии начала XX в. Дальнейшее изучение предполагает детальное описание семантики и функционирования лексем каждой из выявленных групп.

Список литературы

1. *Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С.* Цвет и названия цвета в русском языке. М., 2005.
2. *Гуськова А.П.* Цветообозначения в различных языках и культурах (на материале русско-венгерских словарей) // Финно-угорский мир. 2019. №2. С. 136 – 142.
3. *Давыдова Т.Т.* Творческая эволюция Евгения Замятина в контексте русской литературы первой трети XX века. М. ; Берлин, 2021.
4. *Егорова Л.П.* К проблеме периодизации русской культуры XX века // Проблема эволюции русской литературы XX века. М., 1994. С. 59 – 60.
5. *Зайков Д.В.* Семантические свойства фразеологических единиц, составляющих макрополе меры и степени статичного признака (на материале русского и английского языков) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Лингвистика. 2013. Т. 10, №1. С. 112 – 117.
6. *Иванова Д.А., Насипова А.И.* Как живет рыжим: образ и статус рыжеволосого человека в Средневековье и в современности // Вестник педагогического опыта. 2022. №52. С. 91 – 98.
7. *Искандарова Г.Р.* Славянские прилагательные с семантикой цветообозначения // Глобальный научный потенциал. 2022. №2 (131). С. 189 – 191.
8. *Ким А.А., Шановалова Ю.Ю., Минеев-Ли В.Е.* Лингвокультурологические особенности символики некоторых цветообозначений у британцев и славян // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. №3 (221). С. 34 – 45.
9. *Косых Е.А.* Система цветообозначений в русском языке: к созданию и публикации «Русской энциклопедии цвета» // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. Сер.: Психолого-педагогические науки. 2002. №2-2. С. 28 – 34.
10. *Кульпина В.Г.* Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер. М., 2019.
11. *Макеенко И.В.* Семантика цвета в разноструктурных языках (универсальное и национальное) : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999.
12. *Манасеев Д.Д.* Политическая мифология цвета и функционирование цветообозначений в культуре // Культура и цивилизация. 2023. Т. 13, №1А-2А. С. 252 – 258. doi: 10.34670/AR.2023.89.59.038.
13. *Мартынов М.Ю.* Радикальный черный. К вопросу о семантике черного цвета в анархическом дискурсе // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8, №4. С. 41 – 55. doi: 10.5922/2225-5346-2017-4-4.

14. Масевич А.Ц., Захаров В.П. Диахронические изменения частотности цветообозначений в русских поэтических текстах // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, №4. С. 5 – 35.

15. Масолова Е.А. Семантика и функции колоративов в поздней художественной прозе Толстого // Культура и текст. 2019. №2 (37). С. 26 – 41.

16. Павлова Л.В., Романова И.В. Неканонические обозначения цвета в «Словаре цветообозначений в лирике Владимира Набокова» // Русская филология: ученые записки Смоленского государственного университета. 2020. №20. С. 105 – 123.

17. Перфилова М.Н. Динамика лексики цвета в русском языке : дис. канд. ... филол. наук. Пенза, 2022.

18. Суздальцева В.Н. Символика цвета и функционирование цветообозначений в массмедийном политическом дискурсе // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2014. №1. С. 80 – 95.

19. Таныгина Е.А. Исследование образа цветообозначения *зеленый* в сознании носителей русской культуры // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: Лингвистика и педагогика. 2021. Т. 11, №3. С. 79 – 94.

20. Цыганова Н.Д., Аникин Д.С. Литературный типаж «рыжий» в русской и зарубежной литературе // Современное педагогическое образование: теоретический и прикладной аспекты. Красноярск, 2022. С. 117 – 121.

21. Национальный корпус русского языка : [электронный ресурс]. URL: <http://search.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 07.12.2023).

Об авторе

Ольга Геннадьевна Твердохлеб – канд. филол. наук, доц., Оренбургский государственный педагогический университет, Россия.

E-mail: ogtwr@gmail.com

SPIN-код: 2149-7656

O. G. Tverdokhle

LEXICAL AND GRAMMATICAL CHARACTERISTICS WORDS WITH THE ROOT *РЫЖ-* (*RED-*) IN THE POETRY OF THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

Received 03 March 2024

Accepted 28 June 2024

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-4

To cite this article: Tverdokhle O.G. 2025, Lexical and grammatical characteristics words with the root *рыж-* (*red-*) in the poetry of the first third of the XX century, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №1. P. 41 – 50. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-4.

*The study examines the description of the artistic color space constructed with lexemes containing the root *ryzh-* (“reddish-brown” or “ginger”), which differ in their grammatical characteristics, in Russian poetry of the first third of the 20th century. It is revealed that color designations with the meaning *ryzhiy* were predominantly used by poets in 1916, with the*

most frequent usage observed in the poetry of E. Bagritsky, I. Selvinsky, V. Mayakovsky, Sasha Chyorny, and M. Tsvetaeva. Uneven frequency of use is identified among the various grammatical forms of lexemes with the ryzh- root in the poetry of this period. The study demonstrates that the diversity of these color terms supplies the poetic language with grammatically varied means that contribute to realizing the author's artistic vision. A structural-morphological classification of ryzhiy color nominations is proposed, taking into account the number of stems. The research draws upon a rich body of poetic material from the first third of the 20th century, illustrating five linguistic groups of color terms containing the ryzh- root morpheme: simple single-stemmed nominations represented by different parts of speech; compound adjectival forms; syntactic constructions; comparative constructions; and figurative-semantic units composed of several linguistic elements. The findings may be of interest to literary scholars researching the works of Russian poets of the Silver Age and may also be applicable in the practice of lexicography.

Keywords: adjectives, color designation, red, poetry, Silver Age

The author

Dr Olga G. Tverdokhleba, Associate Professor, Orenburg State Pedagogical University, Russia.

E-mail: ogtwrd@gmail.com

SPIN code: 2149-7656

УДК 821.111(73).0

Э. В. Васильева

ТОПОС ЛЕСА В РОМАНЕ Н. ГОТОРНА «АЛАЯ БУКВА»

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Поступила в редакцию 04.11.2024 г.

Принята к публикации 03.02.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-5

51

Для цитирования: Васильева Э. В. Топос леса в романе Н. Готорна «Алая буква» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2025. №2. С. 51–64. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-5.

*В статье раскрывается символизм топоса леса в романе Н. Готорна «Алая буква». Цель исследования состоит в том, чтобы не только истолковать значения этого топоса, но и показать его роль в построении трех внутренних сюжетов романа. Краткий обзор истории рецепции леса как символического пространства в европейской культуре позволил выделить четыре основных значения данного топоса: лес как материя и ресурс, лес как ад, лес как рай, лес как пограничье (пространство инициации героя). Предлагаемое прочтение романа «Алая буква» с позиций культурно-исторической и мифологической школ показало, что Готорн иронически переосмыслил все четыре интерпретации топоса леса, высветив через них внутренние противоречия в истории родного региона Новая Англия: страх перед лесом как «обителью Черного человека» не помешал пуританам использовать добытую в лесу древесину для строительства своего Нового Ханаана, а мечта о земном рае не остановила их от вырубки леса, представленного на страницах романа в качестве *locus amoenus*. Топообраз леса как пространства трансформации раскрывается в судьбах главных героев, причем успешно проходит «лесную инициацию» только Эстер Прин, что позволяет сделать вывод об истинном отношении автора к легенде о Черном человеке в лесу. Актуальность исследования обусловлена важностью обращения к классическим текстам, заполнения существующих лакун, каковой является, в частности, поэтика пространства в творчестве Готорна, недостаточно исследованная в литературоведении.*

Ключевые слова: Натаниэль Готорн, «Алая буква», поэтика пространства, лес, топос леса

Введение

Роман американского романтика Натаниэля Готорна «Алая буква» (*The Scarlet Letter: A Romance*, 1850) можно с уверенностью назвать одним из основополагающих текстов всей американской литературы, и в каче-

стве такового он неоднократно становился объектом интерпретативных прочтений с позиций разных школ литературоведения. При этом, несмотря на критическую «освоенность» этого текста, сравнительно мало внимания уделялось и продолжает уделяться поэтике пространства в романе, хотя разработанные Готорном локусы (например, локусы леса¹ и общины в «Алой букве», локус «нехорошего дома» в его следующем романе «Дом о семи фронтонах» (*The House of the Seven Gables*, 1851)) стали важной частью американской литературы, сыграв особенно значимую роль в развитии собственной американской готической традиции, а впоследствии и американской литературы ужасов.

В настоящем исследовании мы сосредоточимся на локусе леса в романе «Алая буква». Лес у Готорна — не просто фрагмент диегетической реальности, но особый топос², полноценное символическое пространство трансформации, играющее ключевую роль в создании нескольких внутренних сюжетных линий в романе. Как и сам роман, топос леса в нем неоднозначен; его смыслы кажутся противоречащими друг другу, но, как будет показано ниже, они тесно связаны между собой и именно совокупность этих значений порождает важный контекст для понимания замысла автора.

Топос леса: основные комплексы смыслов

Анализ топоса леса в романе Готорна следует начать с определения тех культурных и художественных основ, исторически сложившихся в западном мире представлений о лесе, которые могли повлиять на писателя³.

С древнейших времен лес вызывал у человека сильные, но сложные чувства. Дремучие, непроходимые леса, покрывавшие послеледниковую Европу, на правах архетопоса вошли в мифы, легенды и сказки как пространственный символ опасности и хаоса внешнего мира⁴. Однако представление о лесе как о темной чаще, в которой легко заплутать, стать добычей диких зверей или столкнуться с неведомыми чудовищами, всегда соседствовало в сознании людей со здоровым пониманием то-

¹ Значимым исключением является статья Р. Димера «Мечта Готорна о лесе» [10], в которой исследователь на материале трех текстов Готорна — романа «Алая буква» и новелл «Молодой Браун» и «Майское дерево Мерри-Маунта» — рассматривает символизм леса в контексте религиозных и философских воззрений писателя.

² Вслед за В.Ю. Прокофьевой под локусом мы будем подразумевать лишь фрагмент диегетической реальности, а под топосом — фрагмент художественного пространства, наделенный символической, смыслообразующей функцией [5, с. 88–89].

³ Уточним, что здесь мы не ставим перед собой цель проследить эволюцию представлений о лесе в культуре с древности до наших дней. Задача этого раздела заключается в том, чтобы высветить лишь некоторые ассоциации, наиболее важные для дальнейшего анализа текста романа.

⁴ И сегодня, в XXI в., страх перед лесом усваивается детьми с первых лет жизни. Лес фигурирует в сказках и в детском фольклоре («В темном-темном лесу...»), именно на лесные болота уводит непослушных детей «Бабай(ка)».

го, что ресурсы леса — дрова для топки и древесина для строительства, мясо, птица, плоды, грибы, ягоды, орехи, лекарственные травы и пр. — необходимы для выживания.

В античную эпоху по лесам проходили границы между различными провинциями Римской империи, а в «темные века» лес как символ геополитической границы естественным образом превратился и в символ пограничья (неслучайно во всех легендах и сказках именно лес оказывается местом обитания фантастических существ — гномов, эльфов и фейри, великанов, троллей и т.д.). В глубине лесной чащи нередко живет колдун или мудрец — добрый наставник главного героя (к примеру, придворный волшебник короля Артура Мерлин) или же наделенный магическими силами людоед, победа над которым составляет основной квест протагониста (как, например, в сказке о Гензеле и Гретель). Здесь уместно будет привести цитату из ключевого труда «Король и труп» (1948) историка искусства, индолога Г.Р. Циммера, так писавшего о глубинном символизме леса:

В волшебном лесу слышен зов приключений. Никто не может войти в него и не сбиться с пути. Но избранный — тот, кому суждено пережить все его смертельные опасности, — переродится и покинет его другим человеком. Лес во все времена был местом инициации, ибо там проявляют себя демонические сущности, духи предков, великие силы природы. Там человек встречает свое иное я, свое тотемное животное... Лес противостоит дому и очагу, деревне и возделанному полю, пространствам, где правят домашние боги и торжествуют человеческие законы и обычаи. В лесу скрываются темные запретные вещи — тайны и ужасы, несущие угрозу безопасной жизни в упорядоченном повседневном мире. Лес — это пугающая пропасть, полная странных форм и зловещих, едва уловимых голосов, но в нем содержится секрет великого путешествия души [23, р. 182]¹.

Французский медиевист Ж. Ле Гофф относил лес к тем пространственно-временным структурам, которые в сознании людей Средневековья обладали не только физическим, географическим значением, но и целым спектром значений символических, а также выстраивались в своего рода бинарные оппозиции. Пусть лес и был источником ценных ресурсов, однако зачастую простые люди не имели права свободно пользоваться дарами лесов, бывших частью владений королей или иных высокопоставленных особ. Это превращало лес в запретную территорию, территорию вне закона, что дополняло иное представление о лесе как об особом пространстве для добровольных беглецов от мира — отшельников, странствующих рыцарей, благородных разбойников, несчастных влюбленных² [17, р. 154–156].

¹ Примерно в те же годы В.Я. Пропп в «Исторических корнях волшебной сказки» (1946) писал о том, что «дорога в иной мир ведет через леса», а потому именно с лесом связан древний обряд инициации, нашедший отражение в бесчисленных сказочных сюжетах [6, с. 218–219].

² К. Сондерс исследовала средневековые представления о лесе на материале рыцарских романов и показала, что в многообразии интерпретативных прочтений топоса леса особняком стоит представление о лесе как о *locus amoenus*, где достижим идеал гармоничных любовных отношений (вспомним героев бретонских сказаний Тристана и Изольду) [21, р. xii].

В другой работе Ле Гофф на более глубоком уровне сравнивал топы леса и пустыни, доказывая, что в средневековом сознании лес был тем же, чем являлась пустыня в древности на Ближнем Востоке, — территорией чудес и кошмаров, местом, где просветленный отшельник преодолевает искушения и достигает единения с Богом либо становится жертвой темных сил. Вторя Циммеру, Ле Гофф противопоставлял лес замку и городу как средневековым оплотам культуры и цивилизации (см.: [18, р. 59–75])¹.

Таким образом, с одной стороны, лес сулит смертельную опасность; с другой стороны, преодоление этой опасности венчает путь инициации героя; лес может быть убежищем, земным вариантом Эдемского сада; наконец, лес можно воспринимать *per se*, без учета метафорических и символических обременений, как важнейшую «ресурсную базу», значимую для нас сегодня не меньше, чем для людей в далекой древности. И с этого последнего значения топоса леса мы и начнем рассмотрение его функций в романе Готорна «Алая буква».

«Алая буква»: лес как первоматерия

В романе «Алая буква» Готорн продуктивно работает со всем спектром значений топоса леса, создавая многоуровневое, противоречивое пространство-символ, дополняющее сложность самого произведения. Однако самым первым, самым очевидным становится материальное значение леса для истории новоанглийских² колоний.

Заселение этих неприветливых земель европейцами началось лишь в XVII в. Для первых поколений колонистов, годами борющихся с голодом, болезнями, неустроенностью быта, лес был видимым и осязаемым синонимом линии фронта — границы освоенных земель. Строительство первых поселений начиналось с вырубki лесов, выкорчевывания пней, расчистки территории под застройку и пастбища для скота. Срубленные деревья становились материалом для строительства домов — сперва церковей и общественных зданий, а затем и частных коттеджей³. Так дикость уступала место цивилизации, а природа — куль-

¹ В этом противопоставлении леса и города / замка угадывается заложенное еще в античную эпоху противопоставление *hyle* (греч. — досл. «лес», в философском смысле — «первоматерия») и *kosmos* (греч. — «порядок») (см.: [1; 2; 14]).

² Новая Англия — условно выделяемый регион на северо-востоке США, включающий в себя штаты Коннектикут, Мэн, Массачусетс, Нью-Хэмпшир, Род-Айленд и Вермонт.

³ Д.Ф. Хоук указывает на то, что к началу XVII столетия древесина в Англии стала редким, а потому чрезвычайно дорогим товаром: остатки английских лесов были вырублены при Елизавете I Тюдор в рамках масштабного проекта по превращению страны во «владычицу морей» (на постройку одного корабля уходило в среднем 2500 деревьев). В Новой Англии же древесина имела в избытке, и «привыкшие мерзнуть сырыми английскими зимами поселенцы наслаждались теплом очага» [14, р. 14–15]. Впрочем, власти колоний своевременно поняли, что нельзя допустить бесконтрольного истощения этого ценного ресурса, и ввели строгие ограничения на лесозаготовку и использование древесины (см.: [13, р. 27, 29]).

туре. В некотором роде история Новой Англии (да и почти всей Америки в целом) — это история преобразования лесов в города¹.

Неслучайно с первых же строк Готорн так часто упоминает фактуру описываемых им зданий, объектов городской среды и предметов интерьера — «полуразрушенные *деревянные* склады» (decayed wooden warehouses), «груз *дров* у въезда в город» (cargo of firewood), «шесть *деревянных* колонн портика» (a portico of half a dozen wooden pillars), «старая *сосновая* конторка» (an old pine desk), «*бумажный* хлам» (heaped-up rubbish in the corner), корабли всех видов — еще на воде и уже покоящиеся на морском дне, «*бревенчатое* строение» (wooden edifice) и «массивные *дубовые* двери» (the door... heavily timbered with oak) бостонской тюрьмы, эшафот «из *дерева* и *железа*» (contrivance of wood and iron) на рыночной площади и т.д. (курсив мой. — Э.В.) [3, с. 7, 10, 36, 57, 66; 16, р. 7, 8, 26, 38, 44].

Не заостряя на этих деталях внимание читателя, автор тем не менее частыми и точными штрихами создает картину преобразования леса в город и в целую страну: безжалостно срубленные переселенцами «могучие дубы и сосны» (gigantic pines and oaks) [3, с. 58; 16, р. 39] превращаются в жилища и учреждения, мебель, транспортные средства, орудия бизнеса, документы, товар для продажи — одним словом, в зримые и осязаемые доказательства победы над дикостью осваиваемой колонистами прежде девственной земли.

Лес был не только умозрительным символом дикости, но и таил в себе вполне реальные опасности для новоангличан: дикие звери и индейцы, умевшие с легкостью ориентироваться в непроходимой чаще, представляли угрозу жизни и благополучию. К тому же в сознании суеверных пуритан лес населяли не только животные и дикари, но и гораздо более пугающие сущности, включая демонического Черного человека. Воспринимая лес сквозь призму унаследованных от предков страхов, новоангличане видели в нем не просто вход в иной мир, но целое враждебное им — избранным Божиим людям — царство Сатаны. Уничтожение леса должно было, таким образом, казаться им их подлинной сверхзадачей в Новом Свете, ведь торжество над этим врагом могло бы рассматриваться как закономерный итог победоносной борьбы Христа с дьяволом в Америке, триумф света истинной веры над мраком дремучих предрассудков.

Однако (и здесь просматривается мрачная ирония Готорна — любителя двусмысленных аллегорий) в действительности этот проект уничтожения леса сводился к масштабному использованию его ресурсов, и в результате древесина, добытая на «территории Черного человека», за тысячелетия пропитавшаяся «хаосом и дикостью» этих мест, становилась материалом, из которого доска за доской возводился утопический Новый Ханаан.

---

¹ Несмотря на то что освоение Новой Англии продолжается уже четыреста лет, согласно статистическим данным, и сегодня 81 % территории региона покрыт лесами [12].

Почти во всех своих произведениях Готорн рассуждает о грехе, его врожденности, неотвратимости, неистребимости¹, и «Алая буква» не стала исключением. И хотя тема греха наиболее очевидным образом разрабатывается автором в образах и историях главных героев, ее иллюстрирует и внутренний сюжет романа, связанный с попыткой превратить дьявольский лес в царство Христа на земле, трагически обреченной — как и все надежды и чаяния пуритан в Новом свете. Наивно верившие, что Провидение даровало им землю обетованную, которую они сумеют превратить в земной рай, они на самом деле попали если не в сам ад, то на самую его границу.

«Алая буква»: лес как ад и пространство инициации

Колониальный Бостон представлен в романе как крошечный островок христианской цивилизации в бескрайнем море варварского хаоса и первобытной дикости, олицетворением которых является окружающий поселение древний лес. Бостонцы говорят о лесе лишь шепотом и с недоверием смотрят на тех, кто не боится его, как, например, Эстер Прин, чей коттедж располагается на окраине города и выходит одной стороной на море (еще одно природное пространство-символ), а другой — на лесистые холмы. В «таинственной чаще первобытного леса» (the mystery of the primeval forest) [3, с. 206; 16, р. 132] Эстер любит гулять с дочерью, очевидно, чувствуя себя здесь в своей стихии.

Новоанглийский лес видится колонистам-пуританам вотчиной демонического Черного человека²: однажды попав в таинственный лес, человек рискует навсегда потерять самого себя³.

Впрочем, вероятно, правильнее было бы сказать, что герои романа не столько теряют, сколько *обретают* себя, — однако себя истинных,

¹ Герман Мелвилл так комментировал эту направленность творчества Готорна: «Несомненно, однако, что его [Готорна] великая мрачность обретает свою действительность благодаря близости ее к свойственному кальвинизму ощущению врожденной греховности, первородного греха — ощущению, от которого, в какой бы форме оно ни возникало, не может полностью и навсегда избавиться ни один глубоко задумывающийся человек» [4, с. 382].

² Ирония Готорна чувствуется в его описаниях невеселых игр детей пуритан и их странных предпочтений. Вместо сказки маленькая Перл просит мать рассказать ей про Черного человека: «...как он бродит по этому лесу и носит с собой книгу — большую, тяжелую книгу с железными застежками. И как этот страшный Черный человек протягивает свою книгу и железное перо всякому, кто встречается ему на пути, и заставляет его кровью расписаться в этой книге. А потом ставит клеймо ему на грудь» [3, с. 208].

³ Л. А. Фидлер в монографии «Любовь и смерть в американском романе» (1960) усматривал в романе Готорна и конкретно в микросюжете о Черном человеке фаустовский смысл. По мнению исследователя, Готорн «переизобрел» легенду о продаже души дьяволу, обновив ее основу: «...проблема для его [Готорна] героев заключается не в том, *заклучат ли* они такой договор [с дьяволом]... а в том, не *заклучили ли* они его *уже*; ибо в этой новой фаустовской легенде человек может продать свою душу и не заметить этого» [11, р. 515].

очищенных от всего, что было привнесено в их самоощущение культурой, религией, особенностями воспитания, общественными устоями. Древний лес не терпит притворства и с легкостью высвобождает то, что составляет самую суть их натуры, раскрывая молодость и сексуальность Эстер Прин, обличая скрытую в глубине души Чиллингуорта зависть и ненависть обманутого мужа к более успешному сопернику, заставляя Димсдейла забыть о своих обетах и покаянии. Рассмотрим эти три трансформации подробнее.

События романа разворачиваются на протяжении семи лет, и за это время Эстер Прин, вынужденная единолично нести ответственность за совершенный грех, каждодневно сталкивается с порицанием, бояться за дочь, вымаливать прощение хотя бы для нее своей самоотверженной благотворительностью, как будто безвозвратно утрачивает свою жизнь, молодость и привлекательность. Готорн описывает ее облик суровой пуританки, обращаясь к образности умирающей природы, иссохшего дерева:

Легкая и изящная листва ее внутреннего мира была иссушена этим докрасна раскаленным клеймом и давно опала, обнажив голый и суровый контур... Даже внешность ее претерпела такое же изменение. Возможно, что отчасти оно было вызвано подчеркнутой строгостью ее одежды и величайшей сдержанностью манер. Грустно было и то, что ее роскошные густые волосы не то были обрезаны, не то так запрятаны под чепец, что ни один блестящий локон никогда не выскальзывал на солнечный свет. ...Казалось, что в лице Эстер уже нет того, что могло бы привлечь взор любви... У нее исчезло какое-то качество, постоянное присутствие которого необходимо для того, чтобы женщина оставалась женщиной [3, с. 184–85].

Однако нескольких минут, проведенных с Артуром Димсдейлом в лесу, оказывается достаточно для того, чтобы — пусть и на время — обратить вспять все произошедшие перемены и вернуть к жизни первоначальную Эстер:

Сорвав с себя клеймо, Эстер глубоко вздохнула, и вместе с этим вздохом бремя стыда и муки спало с ее души. О, какое блаженство! Она не знала всей силы гнета, пока не ощутила свободы! В новом порыве она сбросила чепец, прикрывавший волосы, и они рассыпались по ее плечам; темные и необыкновенно густые, с переливами света и тени, они придавали мягкое очарование чертам ее лица. Нежная и светлая улыбка заиграла на ее губах, засияла в глазах; казалось, она исходит из самой глубины ее женственности. Яркий румянец разлился по ее щекам, которые так долго были бледны. Чувства женщины, молодость, пышная красота вернулись к ней из безвозвратного — как сказали бы люди — прошлого... [Там же, с. 228–29].

Срывая алую букву и чепец, Эстер отнюдь не соблазняет Артура, как полагал психоаналитический критик Р. Тодд [22, р. 426]: она снимает с себя именно атрибуты пуританского мира, символизирующие ее несвободу и ее греховность (алуя букву — символ совершенного ею преступления и принятия наказания, чепец — символ авторитета религии и одновременно покров для «греховных», соблазняющих женских волос), и возвращается к себе настоящей.

Однако в случае двух героев романа, Роджера Чиллингуорта и Артура Димсдейла — срывание покровов христианской цивилизации и культуры влечет за собой лишь моральную деградацию и погружение в свой внутренний мрак.

Трагические и пугающие перемены происходят в Роджере Чиллингуорте, когда-то бывшем ученым, гуманистом, врачом. Вернувшийся в Бостон со стороны леса, освободившись из индейского плена («Выходя из огромного сумрачного леса и вступая в этот населенный христианами поселок, я знал бы, Эстер Прин, что глаза мои прежде всего увидят тебя...» (здесь и далее в цитатах из романа курсив мой. — Э.В.) [3, с. 86] (...as I came out of the vast and dismal forest... [16, p. 56–57])), Чиллингуорт узнает о том, что за время его отсутствия оставшаяся без его попечения молодая жена вступила в связь с другим, родила ребенка и стала в поселении притчей во языцех. Вероятно, первоначальный импульс реакции составляет обида за жену, вынужденную единолично страдать за то, в чем повинны двое, а также за самого себя — обманутого мужа, — однако почти мгновенно праведный гнев уступает место садистическому желанию не просто найти и наказать «соучастника греха» своей жены, но превратить его жизнь в ад на земле. Крайняя жестокость Чиллингуорта обретает и внешнее выражение. Готорн описывает динамические изменения во внешнем облике персонажа, акцентируя те черты, которые вызывают ассоциации с усиливающимся в нем дьявольским началом:

Эстер... не могла не поразиться перемене, прошедшей в нем с тех давних пор, когда она близко его знала: он стал намного *безобразнее* — смуглые щеки еще больше *потемнели*, *искривленная фигура* совсем *сгорбилась* [3, с. 127];

Вначале у него было спокойное и задумчивое лицо настоящего ученого. Потом в этом лице появилось что-то *уродливое*, *злое*, какие-то черты, прежде никем не замеченные, но тем более явные, чем пристальной в них вглядываться [Там же, с. 144];

[Эстер] была изумлена и потрясена переменой, произошедшей в нем за эти семь лет. <...> ...Прежнее выражение лица... совершенно исчезло, уступив место настороженному, *хищному*, почти *жестокому*, хотя и тщательно запрятываемому взгляду. <...> Время от времени в его глазах сверкал *красный огонек*, будто душа старика, раскаленная, тлела в его груди... <...>

Словом, старый Роджер Чиллингуорт был ярким свидетельством того, что *человек может превратиться в дьявола*, если достаточно долго будет заниматься дьявольскими делами [Там же, с. 190–191].

Еще больше демоническое проявляет себя в словах и поступках Чиллингуорта, заставляя Эстер спросить в ужасе: «Может быть, ты — тот самый Черный человек, который бродит по лесу вокруг наших жилищ?» [Там же, с. 89].

Логика романа подсказывает, что и внутренние, и внешние перемены были подготовлены тем, что Чиллингуорту пришлось слишком долго прожить среди дикарей в лесу¹, в результате чего человек, кото-

¹ Описывая одежду Чиллингуорта во второй главе романа, Готорн упоминает о том, что она представляла собой «причудливую смесь одежды цивилизованной и первобытной» [3, с. 71], тем самым закрепляя представление об этом герое как о человеке, в котором неразрывно соединены европейское и дикарское, христианское и языческое, «городское» и «лесное» начала.

рым он был в Европе, если и не исчез бесследно, то редуцировался до маски, за которой врач прячет свое истинное лицо. В Бостоне врач Чиллингуорт пользуется всеобщим уважением, однако даже личина достойного члена пуританского сообщества не мешает ему сохранять свою связь с лесом, что проявляется и в том, как он «собирает травы, полевые цветы, выкапывает корни, срезает в лесу древесные ветки», и в том, как регулярно прогуливается с Димсдейлом «по морскому берегу или по лесу» [3, с. 136, 139], словно пытаясь тем самым увести пастора от света цивилизации, защиты города во мрак первобытного хаоса.

Еще более очевидна связь опыта пребывания в лесу и пугающих перемен, произошедших в Артуре Димсдейле. История этого героя — хроника его тайного покаяния, семи лет мучительных самоистязаний, еще более тяжкого чувства вины перед Эстер, перед Перл, перед общиной, а также жестокого самообмана. Восхищающиеся Димсдейлом прихожане видят в нем образец добродетельного христианина и не догадываются о том, что за маской харизматичного духовного лидера скрывается слабый грешник, ненавидящий себя за грех и одновременно смертельно боящийся разоблачения. Димсдейл наказывает себя, наивно полагая, что самоистязание — это путь к искуплению. Однако короткая лесная прогулка с Эстер и маленькой Перл разрушает эту иллюзию, и зло, семь лет дремавшее в душе священника, триумфально поднимает голову¹.

Обратимся к тексту Готорна, так описывающего внутреннюю трансформацию Димсдейла, возвращающегося в Бостон после тайного свидания с Эстер и Перл:

Тропинка в лесу казалась ему более дикой, более обильной естественными препятствиями и менее истоптанной ногами человека, чем она запомнилась ему, когда он шел из города. <...> Когда он приблизился к городу, ему показалось, что многие знакомые предметы изменились, словно он расстался с ними не вчера, не позавчера, а много дней или даже лет назад. <...>

Это... указывало не на внешнюю перемену, а на внезапный и глубокий внутренний переворот... <...> Город не изменился, изменился вернувшийся из леса священник. Он мог бы сказать своим друзьям, приветствовавшим его: «Я не тот, за кого вы меня принимаете! Его я оставил в лесу, в глухой ложбине, возле поросшего мхом упавшего дерева и меланхоличного ручья! Ступайте, поищите своего священника!..» <...>

<...> И действительно, только полной переменой династии и кодекса нравственности в этом внутреннем царстве можно было бы объяснить по-

---

¹ Р. Годд предположил, что в сцене в лесу содержится намек на стихийное возобновление связи Димсдейла и Эстер, следствием чего стало завершение героем процесса индивидуации, принятие им «темных глубин своего бессознательного», своих чувственных потребностей, иррационального начала, которые он отрицал и подавлял на протяжении семи лет [22, р. 428]. Т. Маджистрейл же в еще более мистическом ключе утверждает, что древний лес в романе Готорна выступает отражением собственной душе человека тьмы, природной склонности к греху; пребывание же в лесу лишь заставляет героя — осознанно или нет — принять свою исконную порочность [19, р. 10].

рывы, овладевавшие теперь несчастным растерявшимся священником. Ежеминутно он испытывал искушение совершать странные, безрассудные, дурные поступки, казавшиеся ему одновременно произвольными и умышленными, неприемлемыми для него и шедшими из более глубоких недр его натуры, чем сопротивление этим побуждениям [3, с. 243–245].

Непреодолимое желание Димсдейла богохульствовать, внушать прихожанам идеи, идущие вразрез с христианским учением («...не мог припомнить ни одного изречения из Священного Писания, а на ум ему пришел только короткий, сильный и, как ему тогда показалось, неопровержимый довод против бессмертия человеческой души» [Там же, с. 246]), вести себя недостойно своего положения («Ему внезапно захотелось... остановиться для того, чтобы научить дурным словам нескольких маленьких пуритан, игравших на дороге и едва только начинавших говорить» [Там же, с. 248]) представляется в романе как следствие его недолгого пребывания в лесу¹.

Возвращаясь к прежде выделенным нами комплексам смыслов, связанных с топосом леса, можно прочесть этот фрагмент романа как готическую интерпретацию Готорном мотива лесной инициации: Димсдейл попадает в лес, преодолевая границу реального и фантазмагорического миров («Мне чудится, — заметил чуткий священник, — будто этот ручей — граница между двумя мирами...» [Там же, с. 235]), и возвращается в город другим человеком. Однако, в отличие от героев мифов и сказок, встречающих в лесу свое высшее «я», в отличие от Эстер, обретающей в лесу себя настоящую, Димсдейл — как и Чиллингуорт — деградирует, высвобождая дикую, разрушительную сторону своей личности. «Лесное посвящение» в мире романа Готорна может быть преодолено лишь сильной душой, такой как Эстер Прин, но людей слабых, порочных (как бы сильно они ни прятали свои слабости и пороки за показными ученостью или духовностью) лес беспощадно уничтожает.

Таким образом, лес, по мысли автора, сам по себе не является злом или обителью зла, но лишь обладает сверхъестественной способностью срывать маски. Каждый из главных героев «Алой буквы» проходит своего рода посвящение, что составляет еще один внутренний сюжет романа: лишь Эстер благополучно завершает путь принятия себя, в то время как Чиллингуорт и Димсдейл становятся добычей Черного человека — не мистического хозяина леса, но той тьмы, что живет в их собственных душах.

«Алая буква»: лес как рай

Н. Хаггер, исследуя колониальную историю Америки, пишет о том, что «Новый Свет стал для пуритан утопическим Новым Иерусалимом, раем, обретенным в диких дебрях» [8, с. 31]. Действительно, провиден-

¹ Само пребывание Димсдейла в «сумрачном лесу» также можно рассматривать как метафору душевного смятения героя. В аналогичной функции образ леса уже использовался Готорном в новелле «Молодой Браун» (см.: [9, р. 479]).

циалистская, даже милленаристская риторика — вера в то, что обещанное Царство Христово на земле уже наступило или вот-вот наступит, и проводниками этого станут «пилигримы» Нового Света, — лежала в основе идеологии новоанглийских колонистов. Заимствованная из Нагорной проповеди Христа и использованная (предположительно) губернатором колонии Массачусетского залива Дж. Уинтропом в проповеди «Образец христианского милосердия» (*A Model of Christian Charity*, 1630) метафора Града на холме и сегодня, четыреста лет спустя, лежит в основе концепции американской исключительности.

Однако в романе Готорна унылое поселение колонистов далеко от прекрасного видения земного рая. Неслучайно основная часть открывается описанием бостонской тюрьмы — уродливого деревянного здания, находящегося в столь плачевном состоянии, «что, казалось, во всем Новом Свете не было ничего древнее этой тюрьмы» [3, с. 57]. Тюрьма в художественном мире «Алой буквы» представляет собой микрокосм всей пуританской Новой Англии, в ценностной системе которой существуют только грех и расплата за него, что вызывает ассоциации скорее с авраамическим адом. И если, по Циммеру, «дому и очагу, деревне и возделанному полю» противостоит лес [23, р. 182], то получается, что в романе Готорна именно лес должен быть земным воплощением рая — вопреки всем страхам и верованиям пуритан.

В прочтении локуса леса сквозь призму мотива земного рая Готорн парадоксально сближается с Генри Торо, умонастроения и сам тип личности которого он в целом не поддерживал (во всяком случае, в 1840—1850-х гг.). В «Алой букве» лес в художественной ипостаси рая на земле представлен как единственное убежище от гнета суровой пуританской цивилизации, дарующее приют свободолобивым душам вроде Эстер, маленькой Перл и даже сбившегося с пути, уставшего соответствовать идеалу пуританского пастора Артура Димсдейла. Наблюдая за игрой дочери в лесу, Димсдейл на мгновение прикасается к иному миру, существующему за гранью христианской бинарной догматики. Открывшийся ему лес не является ни территорией абсолютного зла, какой он видится бостонцам, ни территорией торжества добра в христианском понимании — это просто пространство, где каждый может быть самим собой без оглядки на социальные нормы и религиозные запреты. Таким образом, новоанглийский лес несет черты не антихристианского, а дохристианского бытия, гармоничного существования человека в мире и сосуществования с другими людьми¹.

---

¹ Юнгианский критик М.-Л. фон Франц писала о том, что «дремучий лес... является одним из символов бессознательной сферы», а блуждание сказочного героя по лесу, как правило, проходит в одиночестве, поскольку «изоляция и одиночество — типичные спутники путешествия в бессознательное» [7, с. 158]. В этом отношении показательно, что у Готорна Димсдейл находится в лесу не один, а вместе с Эстер и Перл, как бы показывающими ему иную, не связанную с христианской традицией благодать единения человека и природы.

В описаниях леса как *locus amoenus* у Готорна отчетливо ощущается романтическая ностальгия¹. Это рай, еще не потерянный окончательно, но постепенно, планомерно утрачиваемый: его масштабное уничтожение для нужд колонии, циничное использование святыни как ресурса может быть истолковано в апокалиптическом ключе — как отрыв человечества от своих корней, утрата невинности², что составляет третий внутренний сюжет романа.

Заключение

62

Роман «Алая буква», как и многие произведения Готорна, — текст, не поддающийся однозначной расшифровке. Он не просто допускает разные прочтения: его смысл порождается всем комплексом заложенных в него автором идей и внутренними противоречиями аспектов авторской позиции. И лес, являющийся одним из важнейших топосов романа, иллюстрирует эту готорновскую стратегию, вводя в повествование три выделенных нами внутренних сюжета — об обреченности мечты пуритан о Новом Ханаане, о глубинной ошибочности этой мечты (действительную возможность вернуться к истокам, прикоснуться к изначальной духовности колонисты упрямо променяли на проект по преобразованию лесов в города-тюрьмы), а также, более локально, о сложном пути героев романа к самопознанию, закончившемся духовной и физической гибелью для тех, кто не сумел пройти «лесную инициацию». «Переключка» этих прочтений придает изложенным в романе событиям — в духе готической традиции — характер универсального закона, заставляя читателя воспринимать сквозь призму авторской позиции прошлое и настоящее региона и всей страны, а также частные судьбы людей. Нежелание (или неготовность) Готорна ответить на вопрос, является ли, по его мнению, лес «царством теней» и обителью Черного человека или же прекрасным и диким пространством свободы и благодати, очищения и возвращения к истокам, создает в романе сложную атмосферу смутной тревоги и одновременно приобщения к древней тайне.

Список литературы

1. *Аристотель*. Метафизика. О душе / пер. А. В. Кубицкого, П. С. Попова // Сочинения : в 4 т. М., 1976. Т. 1. С. 63–368.

¹ Философ В. В. Бибихин уловил эту грань символизма леса: «Определяющей остается всеобщая растерянная ностальгия по лесу, безнадежная мечта все-таки еще как-то скрыться в нем...» [2, с. 56].

² Основоположник юнгианской экопсихологии М. Перлман видел в лесу именно такой позитивный художественный образ, очень важный для американского сознания, поскольку, по мнению исследователя, он максимально точно согласуется с исконным желанием американцев обрести свои корни [20, р. 57].

2. Бибихин В.В. Лес (hyle) (проблема материи, история понятия, живая материя в античной и современной биологии). СПб., 2011.
3. Готорн Н. Алая буква / пер. Н. Емельяниковой, Э. Линецкой. СПб., 2017.
4. Мелвилл Г. Готорн и его «Мхи старой усадьбы» / пер. с англ. А.М. Зверева // Эстетика американского романтизма. М., 1977. С. 376–396.
5. Прокофьева В.Ю. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. №11. С. 87–94.
6. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. М., 2024. С. 163–607.
7. Фон Франц М.-Л. Толкование волшебных сказок / пер. В.В. Зеленского. М., 2020.
8. Хаггер Н. Соединенные Штаты Америки: тайна рождения / пер. Р.А. Цфасмана. М., 2010.
9. Cook R. The Forest of Goodman Brown's Night: A Reading of Hawthorne's "Young Goodman Brown" // The New England Quarterly. 1970. №3. P. 473–481.
10. Deamer R.G. Hawthorne's Dream in the Forest // Western American Literature. 1979. №4. P. 327–339.
11. Fiedler L.A. Love and Death in the American Novel. N.Y., 1960.
12. Foster D., Johnson E.E., Hall B.R. et al. Wildlands in New England. Past, Present, and Future: a Harvard Forest, Northeast Wilderness Trust, and Highstead Foundation Report. May 2023. Cambridge, 2023.
13. Haller W., Jr. The Puritan Frontier Town-Planting in New England Colonial Development, 1630–1660. N.Y., 1968.
14. Happ H. Hyle: Studien zum aristotelischen Materie-Begriff. Berlin, 1971.
15. Hawke D.F. Everyday Life in Early America. N.Y. ; London, 2003.
16. Hawthorne N. The Scarlet Letter. An Annotated Text, Backgrounds, and Sources, Essays in Criticism / ed. by S. Bradley, R.C. Beatty, E. Hudson Long. N.Y., 1961.
17. Le Goff J. La civilisation de l'Occident médiéval. Paris, 1984.
18. Le Goff J. L'imaginaire médiéval: essais. Paris, 1985.
19. Magistrale T. Hawthorne's Woods Revisited: Stephen King's *Pet Sematary* // Nathaniel Hawthorne Review. 1988. №1. P. 9–13.
20. Perlman M. The Power of Trees: The Reforesting of the Soul. Dallas, 1994.
21. Saunders C. The Forest of Medieval Romance: Avernus, Broceliande, Arden. Cambridge, 1993.
22. Todd R. E. The Magna Mater Archetype in *The Scarlet Letter* // The New England Quarterly. 1972. №3. P. 421–429.
23. Zimmer H.R. The King and the Corpse: Tales of the Soul's Conquest of Evil. Princeton, 1971.

Об авторе

Эльмира Викторовна Васильева – канд. филол. наук, ст. науч. сотр., Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), Россия.

E-mail: elmvas@yandex.ru

SPIN-код: 4174-9756

ORCID: 0000-0003-4195-5658

E. V. Vasileva

THE TOPOS OF THE FOREST
IN N. HAWTHORNE'S "THE SCARLET LETTER"A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences (IWL RAS), Moscow, Russia

Received 4 November 2024

Accepted 3 February 2025

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-5

64

To cite this article: Vasileva E. V., 2025, The topos of the forest in N. Hawthorne's "The Scarlet Letter", *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philosophy, Pedagogy, Psychology*, №2. P. 51 – 64. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-5.

The article explores the symbolism of the forest in N. Hawthorne's "The Scarlet Letter." This study aims not only to interpret the meanings associated with this topos but also to illustrate its role in developing three internal plots within the novel. A brief overview of the forest's reception as a symbolic space in European culture reveals four primary interpretations: the forest as a source of materials and resources, the forest as hell, the forest as paradise, and the forest as a frontier – a space for the hero's initiation. This analysis of "The Scarlet Letter" through the lens of literary historicism and archetypal criticism demonstrates that Hawthorne ironically reinterpreted all four readings of the forest to highlight the internal contradictions in the history of his native New England. For instance, the Puritans' fear of the forest as the "abode of the Black Man" did not prevent them from using timber from the forest to build their New Canaan. Similarly, their dreams of an earthly paradise were contradicted by their act of cutting down the forest, which is depicted in the novel as a locus amoenus. The forest serves as a transformative space in the lives of the main characters; notably, only Hester Prynne successfully undergoes the "forest initiation." This observation allows us to draw conclusions about the author's true sentiment regarding the legend of the Black Man in the forest. The relevance of this research stems from the importance of engaging with classical texts and addressing existing gaps in scholarship, particularly the exploration of spatial poetics in Hawthorne's work.

Keywords: Nathaniel Hawthorne, "The Scarlet Letter", spacial poetics, forest, the topos of the forest

The author

Dr Elmira V. Vasileva, Senior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IWL RAS), Russia.

E-mail: elmvas@yandex.ru

SPIN code: 4174-9756

ORCID: 0000-0003-4195-5658

А. С. Косинская

**ЧЕТЫРЕ ВИДА ЛЮБВИ В РОМАНЕ К. С. ЛЬЮИСА
«ПОКА МЫ ЛИЦ НЕ ОБРЕЛИ»**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 27.07.2024 г.

Принята к публикации 13.01.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-6

65

Для цитирования: Косинская А. С. Четыре вида любви в романе К. С. Льюиса «Пока мы лиц не обрели» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2025. №2. С. 65–77. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-6.

Рассматривается художественное воплощение четырех видов любви, которые К. С. Льюис подробно описал в трактате «The Four Loves» («Любовь») и в мифологическом романе «Till we have faces» («Пока мы лиц не обрели»). Учитывая центральное место темы любви в романе, логично предположить, что в произведении, написанном в 1956 г., автор в художественной форме осмыслил те этико-психологические понятия, о которых позже будет рассуждать в трактате, изданном на основе радиобесед, проведенных Льюисом на американском радио в 1958 г. Книга «Любовь» была издана два года спустя, в 1960 г. При этом осмысление любви как сложного и многогранного явления происходит уже в художественной философии исследуемого романа. В настоящей статье прослеживаются основные особенности художественного воплощения понятий дружбы, милосердия, эротической и родственной любви в романе «Пока мы лиц не обрели». Все четыре формы любви рассматриваются на уровне сюжета, построения художественных образов главных героинь (Психеи и Оруали) и философской составляющей мифологического романа в контексте древнегреческого мифа об Амуре и Психее, который лег в основу произведения.

Ключевые слова: К. С. Льюис, четыре вида любви, мифологический роман, Амур и Психея, сюжет

**1. Античный миф о душе и любви
как сюжетная основа романа «Пока мы лиц не обрели»**

К. С. Льюис с юности увлекался мифологией. Еще в студенчестве он по меньшей мере трижды предпринимал попытки стихотворного изложения любимого им древнегреческого мифа об Амуре и Психее, в том числе в форме пьесы (неоконченной) [5, с. 315]. С одной стороны, повышенный интерес к мифу характерен для литературы эпохи модерна (ср. творчество Дж. Джойса, Х.Э. Носсака, Дж. Р.Р. Толкина и др.), с другой стороны, Льюису долго не удавалось написать мифоло-

гический роман, поэму или пьесу в рамках модернистской эстетики. Только через 30 лет переживший две мировые войны и принявший христианство автор вновь обращается к тому же мифу, вкладывая в него новое философское понимание феномена любви.

В сюжетном плане роман «Пока мы лиц не обрели» представляет собой вольный пересказ мифа об Амуре и Психее от лица старшей сестры героини. Если главная героиня мифа — похищаемая Амуром Психея, то в произведении Льюиса главной героиней становится Оруаль, сестра, движимая (в отличие от мифа) не завистью, а глубочайшей любовью к Психее. Роман состоит из двух частей и написан в форме воспоминаний Оруали, раскрывающих наиболее сокровенные переживания героини. Как отметила Т. В. Жаданова, «уникальность льюисовской рецепции античного мифа состоит в углубленном психологическом переосмыслении древнего сказания через призму христианских ценностей» [2, с. 75]. По мнению исследователя, писателю «удалось создать новый художественный вариант известного античного сюжета» [Там же], самая ранняя версия которого была записана во II в. Луцием Апулеем Платоником в романе «Метаморфозы», известном также как «Золотой осел». Миф имеет следующую сюжетную конструкцию [4, с. 37]: принцессу выдают замуж за божество, супруги счастливо живут на горе, героиню посещают старшие сестры, по совету которых она нарушает запрет видеть своего супруга. После того как Психея увидела Амура, он исчезает, и она вынуждена скитаться в его поисках. Во время скитаний героиня выполняет сложные задания Венеры и в финале счастливо воссоединяется с мужем.

О причинах обращения Льюиса к античному мифу рассуждает в своем диссертационном исследовании С. В. Максимова. Она приходит к выводу о том, что миф в понимании автора — это «способ выразить невыразимое» [7, с. 6]. В данном случае речь идет о взаимоотношениях человеческой души и Бога. Такое толкование мифа можно считать традиционным в европейской литературе. Возникшее в неоплатонизме, оно получило широкое распространение в средневековой религиозной культуре. Как отметила Ю. Г. Котариди, «неоплатоническая версия сюжета представлена в литературе у Фульгенция, Боккаччо, Гейне, Кольриджа, Жулавского и др.» [4, с. 36]. Среди писателей XX в., трактовавших античный сюжет в христианской традиции, исследователь называет К. С. Льюиса и выделяет такие особенности романа «Пока мы лиц не обрели», как использование «типичного модернистского приема масковой образности» и рецепцию «традиций средневековой аллегорической образности» [Там же, с. 49]. «Его повествование — “роман с ключом”, в котором зашифрованы многие символы христианской новозаветной культуры (дом на горе, свиток — атрибут бога и т. п.)» [Там же, с. 49].

Сочетание античного мифа с христианскими символами и христианской идеи с личной философией автора не раз становилось предме-

том филологических исследований. По мысли А. М. Власова, через античный миф Льюис «решает проблему взаимоотношения мира и человека, роли человека в жизни и истории» [1, с. 3]. Исследователь указывает на принципиально новое осмысление мифа в романе «Пока мы лиц не обрели». «В отличие от греческого мифа об Амуре и Психее, где нам неизвестна участь сестер, автор дает своей героине возможность новой жизни» [Там же, с. 3].

Особенности создания образа античного бога любви в романе Льюиса исследовала С. В. Шешунова. Она справедливо отмечает, что «черпавший свое вдохновение в евангельской вести и стремившийся поделиться ею с читателем, Льюис ни в одном произведении не изобразил персонажей античной мифологии в качестве “ложных богов”» [12, с. 316]. Более того, «античные боги предстают у Льюиса очищенными от всего грубо-телесного и жестокого, связанного с ними в древних мифах» [Там же]. В романе «Пока мы лиц не обрели» Психея описывает характер бога западного ветра (Westwind) как «веселый» и в то же время «дикий»: «The wind got wilder and wilder» [16, p. 53]; «Westwind is a merry, rough god» [Ibid.] (при переводе описания характера бога западного ветра упущены). При этом красота бога любви показана через сопоставление с человеком, большим проказой: «Рядом с богами мы — как прокаженные» [5, с. 118]. По мнению С. В. Шешуновой, «образ Амуре у Льюиса сближается с библейским Богом», а «брак Психеи становится образом соединения человеческой души с истинным, библейским Богом» [12, с. 320].

М. Хили в исследовании «Утрата и молчание. Аспекты модернизма в творчестве К. С. Льюиса, Дж. Р. Р. Толкина и Ч. Уильямса» отмечает, что обращающийся к традиционному мифологическому тексту Льюис «утверждает свой собственный текст как часть классической традиции и в то же время ставит перед этой классической традицией свой вопрос» [15, p. 188]. Предполагается, что именно этим вопросом задается имплицитный читатель Льюиса. В рассматриваемом романе это вопрос о возможности любви к богу (и спасения) старшей сестры из мифа об Амуре и Психее. Более того, по мысли Г. С. Кутсоны, в романе утверждается мысль о том, что любовь к Богу «не может быть умеренно важной в жизни человека: она совсем не важна, если ее нет, и становится центром жизни, когда появляется» [14, p. 15]. Как отмечает Т. А. Шарыпина, «каждый литературный памятник, основывающийся на известном из мифологии сюжете, воплощает в своем содержании свой, неповторимый миф» [10, с. 14]. О. Барфилд, друг и коллега Льюиса, вспоминал рассказ писателя «о личном мифе, который всю жизнь преследовал его. Это миф о герое, которого убивает внеприродное чудовище, порожденное им самим. Потом герой воскресает в чистоте для судьбоносной Встречи» [13, p. 5]. Барфилд считал, что роман «Пока мы лиц не обрели» стал вершиной мифопоэтического творчества писателя еще и потому, что Льюису «удалось сочетать любимый им классический миф об Амуре и Психее с личным мифом, который всегда преследовал его» [Ibid.].

2. Основная тема романа К. С. Льюиса «Пока мы лиц не обрели»

И. В. Кормильцев, известный поэт и переводчик романа «Пока мы лиц не обрели» на русский язык, утверждает, что произведение К. С. Льюиса – это прежде всего текст о любви. «В “Пока мы лиц не обрели” речь идет об искуплении Любовью. И об искуплении Любви. <...> Быть может, чтобы эта книга обрела свое лицо, [Льюису] нужно было самому столкнуться лицом к лицу с любовью» [5, с. 3–5]. Действительно, роман был написан вскоре после свадьбы с Джой Дэвидмен, во время ремиссии тяжело больной жены, в то недолгое время, когда Льюис был особенно счастлив в браке. Жене писателя и посвящен роман. Эпиграфом к роману послужила афористичная по сути первая строка 151-го сонета У. Шекспира: «Love is too young to know what conscience is» [16, р. 3] («Любовь слишком молода, чтобы знать, что такое совесть»). Для англоязычного читателя из окружения Льюиса продолжение мысли Шекспира очевидно из второй строки, не процитированной Льюисом: «Yet who knows not conscience is born of love?» [11, р. 308] («И все же кто не знает, что совесть рождается от любви?»). Если первая строка сонета, как мы уже отмечали, предельно кратко выражает основную идею первой части романа (обвиняющей богов, в особенности бога Седой Горы), то вторая строка может стать ключом к интерпретации второй, апологетической части [3, с. 146].

Любовь главной героини к сестре изначально действительно не знает совести как единого с богами знания (*con-science*, этимологически «совместное знание», подобно русск. *со-весть*). Этот языковой факт, безусловно, был хорошо известен Льюису как филологу-медиевисту, преподававшему в Кембридже средневековую литературу. Любовь Оруали к Психее – чувство глубоко личное и не учитывающее ничьи интересы, даже интересы Психеи. Чудо преображения, происходящее во второй части романа, показывает, как из несовершенной любви рождается совесть, возвышающая изначально деструктивное чувство до совершенной любви. Более того, сюжет и художественная философия романа «Пока мы лиц не обрели» воплощают не только идею преображения доминирующей в жизни Оруали сестринской любви, но и другие виды любви: любовь к родной земле, дружбу, эротическую любовь и любовь к Богу. Подробной характеристике всех этих видов любви Льюис посвятил трактат «Любовь».

3. Философия любви в трактате К. С. Льюиса «The Four Loves»

Следуя греческой традиции [8, с. 190], Льюис выделяет четыре вида любви: 1) *отωότη* (сторге) – любовь как привязанность, свойственная родственникам или друзьям детства, всякого рода долгие добрососед-

ские отношения; 2) φίλια (филия) – дружба, основанная на общих интересах, увлечениях; 3) ἔρως (эрос) – романтическая любовь; 4) ἀγάπη (агапэ) – милосердие, любовь как христианская добродетель [6]. Вероятно, Льюис выбирает из всего многообразия словесного обозначения разных видов любви в греческом языке именно вышеупомянутые концепты по двум причинам: во-первых, эти виды любви упомянуты в Библии (трактат «Любовь» имеет ярко выраженный этико-богословский характер) и, во-вторых, они представляются автору наиболее актуальными в современном ему мире.

Небезынтересно упомянуть те греческие обозначения разных видов любви, которые не вошли в книгу Льюиса как отдельно взятые разновидности любви, но все же вскользь упомянуты им как явления, близкие к рассматриваемым. Например, греч. ἐρωτοτροπία (ухаживание, любовь-игра, соответствующее лат. lūdus) рассматривает любовь как увлечение, интригу и своеобразную игру. В главе «Ἐρως (érōs)» трактата Льюиса ἐρωτοτροπία (любовь-игра) упоминается как один из аспектов влюбленности. «Страсть – насмешливое, лукавое божество, она ближе к эльфам, чем к богам. Она любит пошутить над нами» [Там же, с. 385]. А такую своеобразную форму любви, как мания, автор описывает как разновидность патологической влюбленности, ἔρως (эроса). По мысли Льюиса, всецело овладевая волей и умом человека, романтическая любовь способна принимать форму мании при условии, что влюбленные не признают авторитетов выше «священной любви». Такое чувство, как замечает автор, обычно быстротечно, а восприятие «смерти любви» или ее «падения» может быть весьма трагичным. При этом писатель воспринимает конец чрезмерно акцентированной романтической влюбленности как благо, потому что в его христианской системе ценностей влюбленность имеет положительную ценность только в том случае, если она подчинена высшим устремлениям человека (таким как совесть, милосердие, дружба и т. д.). «Как и все виды естественной любви, влюбленность своими силами устоять не может» [Там же, с. 397]. По мысли Льюиса, романтическая любовь, поставленная во главе иерархии человеческих ценностей, становится манией. «Она так сокрушительна, сладостна, страшна и возвышенна, что падение ее поистине ужасно. Хорошо, если она разобьется и умрет. Но она может выжить и безжалостно связать двух мучителей, которые будут брать, не давая, ревновать, подозревать, досадовать, бороться за власть и свободу, услаждаться скандалами. Прочитайте “Анну Каренину” и не думайте, что “такое” бывает только у русских» [Там же]. Таким образом, выделенные Льюисом четыре вида любви рассматриваются в трактате с точки зрения традиционных христианских ценностей, таких как вера, надежда на Спасение, благородство и альтруизм.

Последовательность глав в книге «Любовь» можно сопоставить с периодами возрастания личности: сначала речь идет о любви к тому, что ниже человека (дом, родные места, природа, родина), затем Льюис переходит к привязанности. Здесь уже речь идет о родственных связях

и любви, испытанной временем. Потом автор рассуждает о дружбе как о любви, которая в общем-то «не нужна для жизни», но «она — из тех вещей, без которых не нужна жизнь» [6, с. 368]. После главы о дружбе следуют размышления о романтической любви, и завершается книга главой, посвященной милосердию. В ней говорится о Божественной Любви и любви человека к Богу, а также о сознательно милосердном отношении к окружающим людям, обусловленном христианским мировосприятием. Представляется, что именно в такой последовательности разные виды любви могут встречаться в жизненном опыте человека: от любви к дорогим сердцу вещам (игрушкам, дому, природе) до любви к семье, от дружбы до влюбленности и от романтической любви до универсальной любви к Богу. При этом каждый из видов любви представлен как не вполне однозначное благо. С одной стороны, Льюис считает, что даже самая несовершенная любовь с точки зрения христианской этики, интересы которой он отстаивает, лучше черствости, бесчувствия или сознательного отказа от любви. С другой стороны, каждый из рассмотренных автором четырех видов любви может приобрести патологическую форму, причем чем выше духовный потенциал чувства, тем ужаснее, с точки зрения Льюиса, его искажения.

В рамках феноменологического подхода в литературоведении представляется целесообразным изучать формы отражения охарактеризованных в трактате Льюиса видов любви в конкретных произведениях автора. Такое исследование, на наш взгляд, способствует более объективному изучению художественной философии писателя. В американском льюисоведении примерами таких работ могут служить статьи Паулетты Саудерс [17; 18], анализирующей идеи любви в художественных произведениях автора в сопоставлении с философской мыслью, отраженной в трактате «Любовь». В нашем исследовании, пользуясь методом Саудерс, мы проследим развитие и трансформации основных форм любви в романе «Пока мы лиц не обрели» в контексте того же трактата.

4. Στορυή (сторге) как разновидность любви в романе «Пока мы лиц не обрели»

Преобладающим видом любви в жизни главной героини романа «Пока мы лиц не обрели» можно считать необычайную по глубине и силе чувства сестринскую любовь Оруали к Психее. «Один взгляд на Психею заменял мне ночной сон и придавал сил» [5, с. 30]. Любовь старшей сестры чрезмерно сильна и выходит за пределы обычной сестринской любви: «Я жалела, что я не жена Царя и не мать Психеи, жалела, что я не мальчик и не могу влюбиться в нее, жалела, что я довожусь ей только единокровной сестрой, жалела, что она не моя рабыня, потому что тогда я смогла бы даровать ей свободу и богатство» [Там же, с. 31]. Из этой цитаты видно, что любовь Оруали не только непрестанно стремится выйти за пределы оторυή (родственной любви), но склонна вбирать в себя другие виды любви (ἔρως, ἀγάπη) и в то же время желает об-

ладания и власти над Психеей. Если оторужь обыкновенно «тиха, о ней и говорить неудобно» [6, с. 346], то любовь старшей сестры в романе страстна, сильна и становится для Оруали смыслом жизни. В трактате «Любовь» Льюис отмечает, что все формы любви к человеку (и к тому, что ниже его) превращаются в патологическую любовь (манию), как только человек начинает ставить это чувство во главу своей иерархии ценностей. «Естественная любовь, став богом, не остается любовью. Ее называют так, но на самом деле — это усложненная *ненависть*» [Там же, с. 328] (курсив мой. — А. К.).

Именно по такому сценарию развивается чувство главной героини «Пока мы лиц не обрели»: от нежной покровительственной и заботливой любви до властного и требовательного чувства, причиняющего Психее сильнейшую душевную боль и страдания. Сначала старшая сестра забирает в свою спальню колыбель с новорожденной Истрой — Психеей, полностью берет на себя заботу о младшей сестре (вплоть до выбора кормилицы), потом тщательнейшим образом принимает участие в образовании девочки, которое по большей части состоит из их общих бесед с пленным греком Лисиасом (Лисом). Отметим, что первое слово, произнесенное Психеей, — это *Майя*, перевод имени *Оруаль* на греческий язык. Имя Майя переводится с греческого как матушка-кормилица, что вполне соответствует роли старшей сестры в жизни Истры, имя которой, в свою очередь, в переводе на греческий звучит как Психея, то есть душа. Как справедливо отметила Н. А. Чернявская, именем Майя главную героиню называет только Психея, что еще раз указывает на роль Оруали в жизни сестры [9, с. 77]. Таким образом, отношения Психеи и Оруали — это не только отношения двух сестер, но и своеобразная проекция детско-родительских отношений. «Мать ее умерла, и у нее нет другой матери, кроме меня», — признается Лису будущая царица Глома [5, с. 153].

Особое место в отношении Оруали к сестре занимает ревность и желание безраздельной власти над сестрой. Как только главная героиня узнает о мистической тоске Психеи по богу Горы, она прикладывает все усилия, чтобы этому чувству помешать. Наиболее отчаянно Оруаль вмешивается в счастье сестры, когда встречает ее в горах после жертвоприношения. «Только теперь я поняла, до какой степени можно возненавидеть того, кого некогда любил» [Там же, с. 134]. Не веря в существование чертога невидимого Бога, Оруаль настаивает на возвращении Психеи в Глом и в случае отказа готова убить сестру. Узнав об этом, Лис говорит ей: «Доченька, ты потеряла рассудок и погрешила против природы вещей. В сердце твоём на одну часть любви приходится пять частей гнева и семь частей гордыни» [Там же, с. 154]. Таков взгляд на это чувство со стороны мудрого грека. Автор описывает любовь Оруали непосредственно с точки зрения героини, извне (с точки зрения ее учителя) и, наконец, с точки зрения Психеи. Когда Оруаль наносит себе рану и принуждает Психею поклясться на клинке, влажном от ее крови, в том, что она нарушит запрет бога Седой Горы (которого считает

своим мужем), Психея замечает: «Я и вправду не со всякой любовью знакома. По мне, такая, как твоя, ничем не лучше ненависти. Я словно в темную яму заглянула» [5, с. 169–170]. Взгляд на чувство главной героини с трех точек зрения добавляет достоверности авторской интерпретации феномена родственной любви (оторυή).

Страдающая от бескомпромиссной жестокости сестры Психея упрекает Оруаль в том, что она злоупотребляет ее любовью: «Ах, Оруаль, ты взяла мою любовь к тебе, глубокую, из самого сердца, не меркнущую от того, что я люблю и другого, — эту любовь ты взяла в заложицы, чтобы обратить ее против меня. Ты превратила ее в орудие пытки» [Там же, с. 170]. В этой главе сначала Психея, а потом и Оруаль осознают, что земная родственная привязанность между ними умирает: «В любом случае, между нами произошло что-то непоправимое. Что-то умерло навсегда» [Там же]. На смену оторυή в художественном мире мифологического романа приходит любовь высшего порядка. Оруаль, как положено героине мифа об Амуре и Психее, требует, чтобы сестра нарушила запрет бога Седой Горы и увидела его лицо. Психея осознает трагические последствия этого проступка, но при этом она видит в нем высший смысл: «Я собираюсь предать моего возлюбленного, лучшего из всех. Возможно, не успеет и солнце взойти, как счастье мое разлетится вдребезги. Вот она, цена твоей жизни, и я заплачу ее» [Там же, с. 171]. Таким образом, в романе Льюиса, в отличие от классического мифа, Психея нарушает запрет ради спасения жизни сестры, поскольку Оруаль угрожает убить себя в случае отказа. С этого момента любовь Психеи к Оруали трансформируется из естественной родственной любви оторυή в сверхъестественную любовь ἀγάπη (милосердие), которая обычно проявляется как высшая степень добродетели в отношении тех, кого воспринимают как недостойных естественной любви, или в случаях, когда в силу каких-либо обстоятельств естественная любовь становится невозможной.

Мы рассмотрели воплощение оторυή в художественном мире романа «Пока мы лиц не обрели» на примере двух главных героинь, Психеи и Оруали. Здесь следует упомянуть и о третьей, старшей сестре Редивали, трагически переживающей одиночество и считающей, что она потеряла любовь Оруали после рождения Психеи. Подробный анализ воплощения концепта need-love как разновидности оторυή представлен в статье П. Саудерс [17, р. 2–3].

5. Ερως и φιλία как формы любви в романе «Пока мы лиц не обрели»

В романе «Пока мы лиц не обрели» главная его героиня Оруаль всю сознательную жизнь испытывает в отношении воина Бардии глубокое чувство уважения, доверия и дружбы. В художественном мире Льюиса, как и в его трактате, дружба понимается как «единственный вид любви, уподобляющий нас ангелам» [6, с. 362].

Дружба Оруали и Бардии является, по сути, художественной моделью вида любви, описанного в трактате «Любовь». «Дружба соединяет людей на высшем уровне их личностного развития» [6, с. 362], — замечает Льюис в трактате, в то время как в романе мы видим, как Бардия становится соратником Царицы во время войн, попутчиком в опасных приключениях и, наконец, главным советником при решении политических вопросов. В том же трактате Льюис отмечает, что, когда дружба возникает между мужчиной и женщиной, к ней очень скоро присоединяется и ἔρως [Там же, с. 366]. По такому сценарию и развивается чувство Оруали к Бардии, причем узнает об этом только Ансит, супруга Бардии, и только тогда, когда она овдовевает, а Царица придет, чтобы попытаться утешить ее. «Как ни странно, ненависть наша иссякла в тот самый день, когда Ансит узнала, что я всю жизнь любила ее мужа» [5, с. 262]. Таким образом, в романе «Пока мы лиц не обрели» изображен синтез дружбы и эротической любви главной героини.

Для Бардии дружба (и боевое товарищество) с Оруалью никогда не перейдут за свои границы. Более того, как отмечает П. Саудерс, «Бардия любит Королеву истинной любовью друга (φιλία), а свою жену — Ансит — истинной любовью мужа (ἔρως). Бардия и его жена не очень часто изображаются в романе вместе, но свидетельства любви и верности Бардии присутствуют» [17, р. 7]. Показателен эпизод, в котором Королева желает, чтобы Бардия подольше задержался во дворце, но он умоляет, чтобы его отпустили, потому что хочет быть со своей женой, когда у них родится ребенок. Кроме того, как отмечает П. Саудерс, «Оруали нередко приходится слышать от слуг о счастливом браке Бардии и Ансит» [Там же, р. 8]. Мудрый наставник Оруали Лис дает Бардии следующую характеристику: «Кто не знает, что Бардия у жены под каблуком», и, несмотря на то, что он один из лучших воинов королевства, грек отмечает, что «он влюблен, как Алкивиад» [5, с. 152]. «Парень женился на бесприданнице, взял за одну красоту, можно сказать. Весь город об этом знает. Она помыкает им как хочет» [Там же]. Таким образом, Бардия куртуазно влюблен в Ансит. По мнению П. Саудерс, «Бардия является истинным олицетворением Эроса в его лучшей форме и Дружбы в ее наилучшей форме» [17, р. 8].

В сюжетной линии Психеи и бога Седой Горы эротическая любовь девушки изображена как одна из граней духовной любви (ἀγάπη). Это напрямую связанное с верой: возвышающее героиню чувство дано, с одной стороны, в награду за праведность, с другой — как воплощение мечты и жизненного предназначения. В мировоззрении Психеи оно напрямую связано с обретением Небесной родины. «Я ухожу на Седую Гору. Как долго мы смотрели на нее, даже не мечтая взойти на ее вершину! Помнишь все наши разговоры о чертогах из золота и янтаря под самыми небесами, которые построит для меня величайший из царей!» [5, с. 82]. Амура Психея называет «богом», «богом Западного Ветра», «Западным Ветром во плоти», «женихом», «возлюбленным», «мужем» и «величайшим из царей». В целом эротическая любовь в чистом виде не

становится предметом изображения в мифологическом романе, но всякий раз речь идет о синтезе любви и дружбы, семейно-эротического чувства или возвышенно-религиозного благоговения, таинственным образом воплотившегося в брачной любви.

6. Ἀγάπη (агапэ) как всеобъемлющая любовь в романе «Пока мы лиц не обрели»

74

Любовь как главная христианская добродетель (ἀγάπη) в первой части романа «Пока мы лиц не обрели» проявляется лишь со стороны Психеи (Истры) к народу Глома, Оруали и к богу Горы. Необъяснимая тоска девушки по мистической Горе и обитающему там божеству становится в художественном мире романа первым проявлением любви к Богу как высшего человеческого призвания. «С тех пор как ты носила меня на руках, Майя, самым горячим моим желанием было попасть на Седую Гору, узнать, откуда исходит эта неземная красота... именно там моя родина, и там я хотела бы родиться вновь. <...> Всю жизнь бог Горы звал меня к себе, и вот — я иду к моему возлюбленному» [5, с. 82–83].

Любовь-милосердие в отношении народа Истра проявляет, когда, рискуя собственной жизнью, отправляется исцелять народ во время эпидемии. Ради Оруали Психея жертвует своим счастьем, которое заключалось в браке с возлюбленным божеством и блаженной жизни во дворце из золота и янтаря.

Во второй части романа все виды любви — *оторгή*, *φιλία* и *ἔρως* — преобразуются в осознанную и духовную ἀγάπη. Страдающая и не понимающая смысла своих страданий Оруаль обвиняет богов в том, что они лишили ее любви Психеи. Вся первая книга пишется как предельно откровенный дневник главной героини, цель которого — обвинение богов в страданиях человека. При этом обвиняющая личность убеждена, что ей уже нечего терять. Вторая книга представляет читателю другой взгляд на события, изображенные в первой книге. Повествование по-прежнему ведется от лица главной героини, но благодаря построению вертикального хронотопа (в форме видений и снов Оруали, ее путешествия в загробный мир) события предстают в ином свете. С изменением мировосприятия преобразуется и внутренний мир героини, и, соответственно, ее любовь к Психее и отношение к богам. На обвинительную речь Оруали боги отвечают, показывая ей и Лису ряд событий из жизни Психеи с точки зрения вечности. Героиня обсуждает увиденное с учителем:

- Неужели мы таковы, какими увидели себя? — спросила я.
- Да. Все здесь правда.
- Но мы же говорили, что любим ее.

— Это так. У нее не было врагов опаснее нас. И чем ближе день, когда боги станут прекрасными или, вернее, явят нам свою изначальную красоту, тем больше будет ревность смертных к тем, кто стремится слиться душой с Божественной Природой. Мать и жена, сын и друг станут стеной на пути у них [5, с. 299–300].

В разъяснении Лиса прочитывается аллюзия на 10-ю главу Евангелия от Матфея: «Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его» (Мф. 10: 35—36). Очевидно, Льюис как апологет христианства предлагает толкование этого непростого места Евангелия. Этим объясняется и уподобление в речи Психеи властной любви старшей сестры *ненависти*. Как мы видели, Оруаль изображается как *враг* Психеи во время последнего посещения Седой Горы, где, по меткому замечанию младшей сестры, родственная любовь (оторүі) умирает и благодаря жертве Психеи перерождается в милосердие (ауащ).

В первой книге Психея говорит, что пожертвовала своим счастьем ради жизни Оруали, в то время как в видении, описанном в конце второй книги, она отдает сестре ларец с «красотой для Унгит», и когда Оруаль принимает дар сестры, то слышит суд бога: «Теперь ты тоже Психея» [5, с. 303]. Таким образом, в свете второй книги слова младшей сестры о спасении жизни Оруали относятся к вечной жизни царицы Глома. Здесь же Психея говорит о преображенной любви сестер: «Разве я не говорила тебе, Майя, что настанет день, когда мы встретимся в моем дворце, и тогда уже ни одно облачко не пробежит между нами?» [Там же, с. 302].

Со стороны Оруали отношение к Психее также претерпевает изменения: если героиня первой книги, подобно Пигмалиону, заявляет: «Ведь она была все же моим творением» [Там же, с. 170], то во второй книге Оруаль отказывается от какой-либо власти над сестрой: «О Психея, богиня, никогда более не назову я тебя своей, но все, что считала моим, отдаю тебе. Увы, теперь тебе все ведомо. Я никогда не желала тебе истинного добра, никогда не думала о тебе так, чтобы не думать в первую очередь о себе. Я была алчущей бездной» [Там же, с. 301]. Таким образом, путем переосмысления своей любви к Психее Оруаль обретает новое чувство родственной любви (оторүі), преображенной любовью жертвенной (ауащ). Благодаря зародившемуся в ней новому желанию Оруали открывается причина ее многолетних страданий: «Психея подвергалась ужасной опасности, но при этом была чуть ли не счастлива, потому что другая взяла на себя все ее страдания и муки» [Там же, с. 296]. После этого открытия ненависть главной героини к богам также преображается в ауащ, и последние строки романа посвящены Богу (имя которого впервые пишется с заглавной буквы). «Теперь я знаю, Господи, почему Ты не отвечаешь нам. Потому что Ты сам — ответ. Пред твоим лицом умирают все вопросы. <...> Как долго я ненавидела тебя, как долго боялась! Я могла бы...» [Там же, с. 303].

В свете основной идеи романа К. С. Льюиса «Пока мы лиц не обрели» именно ауащ как вид любви, к которому стремится всякая естественная любовь, и экзистенциальный поиск смысла жизни наряду с повышенным психологизмом и сменой главной героини отличают роман от классического мифа.

Список литературы

1. Власов А.М. Мифы в романе «Пока мы лиц не обрели» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. №12-1. С. 242–244.
2. Жаданова Т.В. Особенности рецепции античного мифа в романе К.С. Льюиса «Пока мы лиц не обрели» // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2011. №3.
3. Косинская А.С. Художественная антропология К.С. Льюиса («Космическая трилогия», «Пока мы лиц не обрели», «Расторжение Брака»): дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2021.
4. Котариди Ю.Г. Философские версии «вечного» сюжета об Амуре и Психее: от неоплатонизма к христианству // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18, №1. С. 36–55.
5. Льюис К.С. Пока мы лиц не обрели / пер. с англ. И. Кормильцева. М., 2010.
6. Льюис К.С. Любовь // Льюис К.С. Христианство / пер. с англ. И. Череватой, Н. Трауберг. М., 2018.
7. Максимова С.В. Античный миф в прозе К.С. Льюиса и Г.Э. Носсака 40–50-х гг. : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008.
8. Николи А. Фрейд и Льюис. Дебаты о Боге / пер. с англ. М. Завалова. М., 2019.
9. Чернявская Н.А. Функции имен героев в романе К.С. Льюиса «Пока мы лиц не обрели» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Филология. 2003. №1. С. 75–78.
10. Шарыпина Т.А. Проблемы мифологизации в зарубежной литературе XIX–XX веков. Н. Новгород, 1995.
11. Шекспир У. Сонеты. Shakespeare's Sonnets. Ростов н/Д, 2001.
12. Шешунова С.В. Образы античных богов в творчестве К.С. Льюиса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. №6 (2). С. 316–320.
13. Barfield O. On C.S. Lewis. Oxford, 2011.
14. Cootsona G.S. C.S. Lewis and the Crisis of a Christian. Westminster John Knox Press, 2014.
15. Hiley M. The Loss and the Silence. Aspects of Modernism in the Works of C.S. Lewis, J.R.R. Tolkien and Ch. Williams. Zurich ; Jena, 2011.
16. Lewis C. S. Till we have Faces. A Myth Retold. Delphine Lettau, Stephen, 2016.
17. Sauders P. Through the Lens of *The Four Loves*: The Idea of Love in *Till We Have Faces* // *Inklings Forever: Published Colloquium Proceedings 1997–2016*. 2012. Vol. 8. URL: https://pillars.taylor.edu/inklings_forever/vol8/iss1/24 (дата обращения: 20.07.2024).
18. Sauders P. Through the Lens of *The Four Loves*: The Idea of Love in *The Screwtape Letters* // *Inklings Forever: Published Colloquium Proceedings 1997–2016*. 2014. Vol. 9. URL: https://pillars.taylor.edu/inklings_forever/vol9/iss1/15 (дата обращения: 20.07.2024).

Об авторе

Александра Сергеевна Косинская — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канга, Россия.

E-mail: aleksandra-hromo@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5893-8622>

SPIN-код: 8410-0619

A. S. Kosinskaya

THE FOUR LOVES IN C. S. LEWIS'S NOVEL "TILL WE HAVE FACES"

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 27 July 2024

Accepted 13 January 2025

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-6

To cite this article: Kosinskaya A.S. 2025, The four loves in C.S. Lewis's novel "Till we have faces". *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №2. P. 65 – 77. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-6.

77

*The article explores the artistic embodiment of the four types of love that C. S. Lewis discusses in detail in his treatise *The Four Loves* and in his mythological novel "Till We Have Faces". Given the centrality of the theme of love in the novel, it is reasonable to assume that in this 1956 work, the author was already artistically reflecting on the ethical and psychological concepts he would later elaborate in the treatise, which was based on a series of radio talks broadcast by Lewis on American radio in 1958. The book "The Four Loves" was published two years later, in 1960. At the same time, the conceptualization of love as a complex and multifaceted phenomenon is already present in the artistic philosophy of the novel under study. This article traces the main features of the literary representation of the notions of friendship, charity, erotic love, and familial love in "Till We Have Faces". All four forms of love are analyzed at the levels of plot development, the construction of the main female characters (Psyche and Orual), and the philosophical dimension of the mythological novel in the context of the ancient Greek myth of Cupid and Psyche, which serves as the narrative foundation of the work.*

Keywords: C.S. Lewis, the four loves, mythological novel, Cupid and Psyche, plot

The author

Dr Alexandra S. Kosinskaya, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: aleksandra-hromo@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5893-8622>

SPIN code: 8410-0619

С. В. Свиридов

**«ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТ» В. ВЫСОЦКОГО:
К ВОПРОСУ О ЗАГЛАВИИ**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 24.02.2025 г.

Принята к публикации 27.03.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-7

78

Для цитирования: Свиридов С. В. «Прерванный полет» В. Высоцкого: к вопросу о заглавии // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2025. №2. С. 78–87. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-7.

Каноническое название песни «Прерванный полет» с достаточной ясностью не фиксируется в рукописном или звуковом архиве Высоцкого. Это позволяет поставить вопрос о наличии в истории текста иных вариантов именованя, их генезисе и текстологическом статусе, об источнике заглавия «Прерванный полет» и причинах его текстологического закрепления. Творческая история текста прослеживается на основе сохранившихся рукописей, авторизованных машинописных списков и материалов фоноархива. В результате устанавливается, что в различные периоды истории песни автор давал ей различные названия; зафиксирован также ряд неавторских именованя, среди них переводческие заглавия на французском языке. Некоторые чужие варианты Высоцкий поддерживал, используя для номинации песни во время выступлений перед публикой. Однако ни один авторский либо неавторский вариант заглавия он не зафиксировал в качестве основного и предпочитал называть песню по первой строке: «Кто-то высмотрел плод». Именоване «Прерванный полет» получило распространение и было канонизировано после смерти поэта.

Ключевые слова: Высоцкий, текстология, заглавие, рукопись, фонограмма, фильм

Введение

В нашем культурном сознании «Прерванный полет» — не только название одной из песен Владимира Высоцкого, но и символическая номинация его трагического жизненного пути. Между тем это название, по-видимому, не является авторским. Песню, начинающуюся стихом «Кто-то высмотрел плод, что неспел...» [4, с. 219–221], Владимир Высоцкий написал в конце 1973 г. для кинокартины «Бегство мистера Мак-Кинли», созданной Михаилом Швейцером в качестве режиссера и соавтора сценария по киноповести Леонида Леонова. История этой киноработы Высоцкого подробно описана [5; 6; 9; 11], отражена в воспо-

минаниях М. Швейцера и его супруги, соавтора его режиссерских работ, С. Милькиной [12]. Напомним основные факты. Высоцкий должен был играть роль уличного певца Билла Сеггера¹, комментирующего сюжет своими песнями. В повести Леонова этой фигуры не было, ее придумал М. Швейцер. В сценарии намечено и содержание песен Билла в форме прозаических «подстрочников» или, по выражению Ю. Куликова, коротких «прозаических памфлетов» [6, с. 23]. Высоцкий в точности исполнил задание режиссера, но сумел при этом создать художественно оригинальные тексты, в своем значении сильно превосходящие заданную рамку [5]. Причем песня «Прерванный полет» сценарием вообще не предполагалась, ее инициативно предложил Высоцкий, соотнеся с одним из эпизодов фильма. В картину она не вошла, как и большинство написанных Высоцким «баллад», но не была автором забыта. Высоцкий многократно исполнял «Кто-то высмотрел плод...» и в частном кругу, и на концертах, в том числе в переводе на французский язык, записывал в домашней студии М. Шемякина и дважды — в профессиональной студии, включал в издания на виниле. Песня стала одним из самых известных, «прецедентных» произведений барда. Но ни в одном из авторских или авторизованных источников (по крайней мере, известных нам) она не имеет названия «Прерванный полет».

Прослеживая историю альтернативных названий «Прерванного полета», мы не преследуем цель повлиять на издательскую традицию. Название произведения искусства — рамочный элемент, стоящий на границе креативного и рецептивного горизонтов произведения и фактически связывающий их. Канонизация неавторских названий не так уже редка — достаточно вспомнить «Божественную комедию» или «Маленькие трагедии». В этих случаях заглавие выражает не столько авторскую интенцию, сколько инерцию восприятия культурным сообществом (как в случае с «Ночным дозором» Рембрандта или «Пряжами» Веласкеса, оказавшимися мифологической сценой). Но это не снимает вопросов, было ли в истории текста какое-либо иное авторское название, откуда происходит заглавие «Прерванный полет» и может ли оно быть каким-либо образом соотнесено с творческой волей автора. Если помнить о функции заглавия («индекс дискурсивной стратегии произведения» [8, с. 113], «место и момент встречи читателя с произведением», «эквивалент» произведения [10, с. 9, 10]), эти вопросы не покажутся маловажными.

Источники

Материалы, содержащие творческую историю песни «Кто-то высмотрел плод, что неспел...», разнородны: это черновые и беловые рукописи, авторизованные машинописные тексты, созданные переписчи-

---

¹ Высоцкий ошибочно называл своего героя Биллом Сиггером — возможно, по ассоциации с американским певцом Питом Сиггером [9, с. 30]. Примечательно, что данное «переименование» усвоил и сам М. Швейцер [7, с. 62, 89].

ками (Высоцкий сам, вероятно, не пользовался машинкой), фонограммы выступлений Высоцкого, интервью, обложки грампластинок. Большинство источников не имеют точной датировки, однако, как правило, для наших целей достаточно знать их хронологический порядок или хотя бы соотнесенность с основными периодами истории текста. Таких периодов можно выделить три: 1) досценический – время работы над фильмом, к этому периоду относится большинство рукописей, машинописей, а также ранние фонограммы (1973–1974); 2) сценический период концертных исполнений и студийных записей (1975–1977); 3) постсценический период, когда песня автором не исполнялась, представленный упоминаниями в интервью и других метавысказываниях Высоцкого (1978–1980). Обоснование датировки источников мы в большинстве случаев опускаем в связи с ограниченным объемом статьи. Во избежание путаницы далее мы будем называть рассматриваемый текст по первой строке «Кто-то высмотрел плод, что неспел...»¹.

«Мосфильм»: 1973–1974

В самых ранних источниках текст интересующей нас песни не озаглавлен, причем он остается без названия и тогда, когда некоторые другие «баллады» цикла свои заглавия уже получили. Первый набросок нескольких строф песни был сделан Высоцким на форзаце книги К. Симонова [2, т. 23, с. 14]. Затем последовали черновые рукописи. Первый черновик [Там же, т. 6, с. 122] демонстрирует начальный этап работы поэта: текст сильно перечеркан, некоторые строфы еще отсутствуют. Во втором черновике [Там же, т. 17, с. 20] тоже много исправлений, но имеются уже все строфы, этот лист отражает решающий этап работы, на котором в целом установился текст песни, дальнейшие правки были точечными. С данного черновика текст (пока еще безымянный) был перепечатан на машинке для подачи на утверждение студии вместе с другими заказанными «балладами». Комплект машинописных текстов с визами автора, режиссера и главного редактора объединения киноработников «Мосфильма» Н. Скуйбиной сохранился в архивном деле «Мосфильма» по расчету с авторами [6, с. 27]. Из девяти песен набранное на машинке заглавие имеется только у двух, к остальным названия приписаны чужой рукой (вероятно, рукой С. Милькиной), все они совпадают с титулами, затем закрепившимися как окончательные, или близки к ним, кроме песни «Кто-то высмотрел плод...», названной несколько неожиданно: «Плач о наших братьях» [2, т. 25, с. 60].

Может ли «Плач о наших братьях» быть авторским вариантом названия? Такая вероятность ничтожно мала и потому, что заглавие вписано чужой рукой, и потому, что оно встречается только в документах «Мосфильма». В договоре, который Высоцкий подписал со студией 3 декабря 1973 г. [7, с. 28], к заглавию «Плач о наших братьях» в косых

¹ Если не считать первых черновиков и одной ранней фонограммы, этот стих был стабилен на протяжении истории текста.

скобках приписано: «о погибших борцах за мир» со строчной буквы — вероятно, как возможный вариант *«Плач о погибших борцах за мир». Это название буквально описывает эпизод сценария, к которому песня относилась (похороны молодых людей, убитых во время разгона мирной демонстрации). И конечно, нельзя не заметить, что это название сильно выбивается из стиля Высоцкого. Скорее всего, в договор были внесены «рабочие» заглавия, формально необходимые для описания заказанной и выполненной работы, а поскольку песня о погибших демонстрантах не была заказана, ее название пришлось придумать «на ходу». Кстати, и в тексте договора речь идет буквально об «условных названиях». Характерно, что С. Милькина заглавие «Плач о наших братьях» забыла и в интервью 1981 г. называет текст «Кто-то высмотрел плод...» иначе: «Грустная песня» [12]. Отметим кстати: понятийная близость именовании «грустная песня» и «плач» укрепляет ту версию, что заглавие из документов «Мосфильма» придумано именно С. Милькиной.

81

Есть основания задуматься о том, насколько вообще мосфильмовская машинопись отражает творческую волю автора. Как уже говорилось, песня «Кто-то высмотрел плод...» была списана с известного черновика [2, т. 17, с. 20]. В этом убеждает сравнение дефектов рукописи и машинописи. В черновике довольно много исправлений, дополнений на полях и между строк, некоторые места объективно трудно разобрать. В этих трудных случаях переписчик буквально воспроизвел погрешности рукописного оригинала. Искажения имеются в 6-й строфе (рис. 1, 2), 12-й строфе и заключительной строфе 16, причем последние строки текста, написанные исчезающе мелким почерком на поле листа, с исправлением первого варианта «На всем скаку, как птица в лет», переписчик вообще не смог прочитать и оставил вместо них оформленный «нижним подчеркиванием» пробел (см. рис. 3, 4).

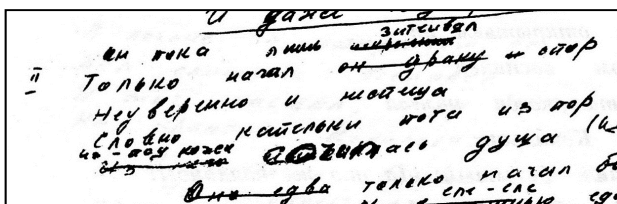

Рис. 1. Строфа 6 в черновике

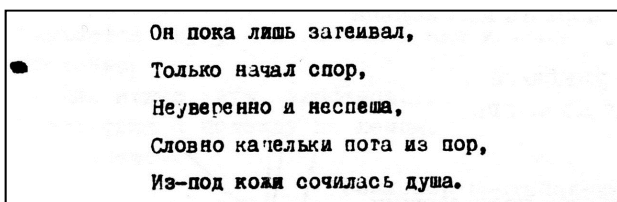

Рис. 2. Строфа 6 в мосфильмовской машинописи

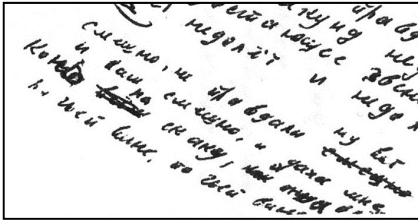
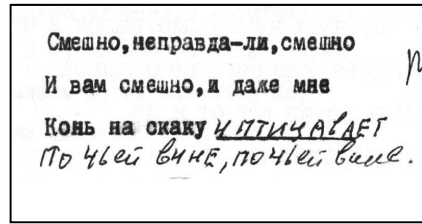

Рис. 3. Строфа 16 в черновике

Рис. 4. Строфа 16
в мосфильмовской машинописи

Машинописный текст был выполнен в нескольких экземплярах под копирку. Кроме поданного на студию (вероятно, первого) экземпляра известны еще два: один сохранился в фонде московского Музея Высоцкого¹, другой — в РГАЛИ [2, т. 6, с. 124]. Ошибки переписчика Высоцкий заметил и исправил во всех известных экземплярах, кроме поданного на студию. Следовательно, при сдаче работы заказчику Высоцкий внимательно не прочитал текст и стоящая на листе подпись не верифицирует заглавие, так же как не узаконивает опечатки. А в остальных авторизованных экземплярах заглавия нет.

Исправленный экземпляр РГАЛИ можно относительно датировать. В апреле 1974 г. в студии были записаны песни Высоцкого, предполагавшиеся к включению в фильм «Бегство мистера Мак-Кинли», в том числе и песня «Кто-то высмотрел плод...». На фонограмме отсутствует строфа со словами «Собака лаяла, а кот / Мышей ловил». Вероятно, представителю студии «прозаические» стихи не понравились, и их попросили убрать, поскольку во всех остальных источниках четверостишие не тронуто. И только в правленном экземпляре мосфильмовской машинописи из РГАЛИ оно зачеркнуто и заменено строфой «Не добежал бегун-беглец...» (на полях, почерк автора). Следовательно, правка проводилась также около апреля 1974 г. Над текстом имеется надпись «Песенка на эпизоде похорон (Мак Кинли идет на свидание с Беттл, панихида, без цветов)>», сделанная, вероятно, М. Швейцером. Таким образом, весной 1974 г. песня еще не имела стабильного авторского названия.

Концерты и студии: 1975–1977

В 1975–1976 гг. Высоцкий исполняет «песню о том, кто не спел» на концертах (официальных и неофициальных). Фонограммы этого времени сохранили несколько вариантов названия. Их все объединяет одна черта: так или иначе в заглавии обыгрывается речевой элемент *недо-* (или *не до-*, в раздельном написании), многократно звучащий в песне — вероятно, как самая запоминающаяся ее черта. Хронология этих вари-

¹ Автору статьи известен по ксерокопии.

антов не вполне ясна. Возможно, первым было самое короткое заглавие «Не до», сохранившееся в белой рукописи. Датировать этот лист сложно, ясно лишь, что он создан позже черновики.

В начале 1975 г. Высоцкий заключает соглашение с фирмой грамзаписи «Шан дю Монд» («Le Chant du Monde») и записывает более 20 песен в студии с оркестровым сопровождением. В авторизованной машинописи из архива фирмы песня «Кто-то высмотрел плод...» озаглавлена словом «Недолюбил» [2, т. 1, с. 72], это же название фиксируется в блокноте, где Высоцкий составляет списки песен для издания на виниле [Там же, т. 23, с. 166–168]. После весны 1975 г. название «Недолюбил» встречается и при концертной репрезентации песни. Однако период его стабильности был недолгим. Уже в 1976 г. Высоцкий отходит от этого варианта, используя на концерте заглавие «Баллада о том, кто недожил», а вскоре песня уходит из авторского концертного репертуара.

Далее в историю текста вмешивается французский перевод. Стучилось так, что песня «Недолюбил» фирмой «Шан дю Монд» не была издана при жизни автора, но в начале 1977 г. другая фирма грамзаписи, RCA, выпускает диск «Vladimir Vissotsky», включивший и песню «Кто-то высмотрел плод...». На обложке релиза были помещены стихи всех песен, переведенные на французский язык Максимом ле Форестье. Здесь-то и появляется название «Прерванный полет» — конечно, по-французски: «Le Vol Arrêté». Пластинка вышла в марте, а в сентябре на празднике газеты «Юманите» Высоцкий, исполняя песню во французском варианте, анонсирует ее, естественно, заглавием «Le Vol Arrêté», под которым она была издана. Очень скоро, осенью 1977 г., другой крупнейший издатель «винила», «Полидор», выпускает диск «La corde raide» («Натянутый канат») с авторским исполнением песни «Кто-то высмотрел плод...» на французском языке. Использован тот же текст Максима ле Форестье, но в списке песен он озаглавлен иначе: «Le fin du bal» («Конец бала»). И в декабре этого года, выступая в парижском театре «Элизэ», Высоцкий называет песню уже по новому издательскому наименованию — «Le fin du bal», авторизовав таким образом и второе французское заглавие.

Упоминания: 1978–1980

После выпуска удачного студийного варианта песни на пластинке «Vladimir Vissotsky» автор, вероятно, перестал ее петь, по крайней мере на фонограммах позже 1977 г. песня не встречается. Однако зафиксированы еще два ее упоминания. Первое — в ответе на записку слушателя во время концерта на геологическом факультете МГУ в 1978 г.:

«Нравятся ли мне песни на французском языке в моем исполнении?»
Нет! Нет. На русском нравятся больше. Вот. Я попробовал это сделать, но нужно еще работать для того, чтоб это делать хорошо. Потом, вероятнее всего... Э... Понимаете, одна из песен, которая называлась «Кто-то высмотрел плод», она называется «Прерванный полет», была переведена очень хорошим поэтом и прекрасным композитором — Максим Ле Форестье там

есть такой. Замечательный парень, вот, он это сделал очень хорошо, на высоком уровне. Но все равно, как ни странно, это все теряет в переводе! Вся острота проблемы и темы уходит. И в песне э... «Кто-то высмотрел плод» на русском языке — это песня трагическая. Песня о том, что человека убили, не дав ему... дав ему только попробовать и чуть-чуть начать... А по-французски это получилось — просто, ну, что как-то так... что-то с ним случилось, там, заболел да умер [3].

Противопоставляя французский вариант и оригинальный текст песни, Высоцкий упоминает «Прерванный полет» как название именно французское, переводное. Когда же он хочет назвать собственно свое, оригинальное произведение, в речи возникает мгновенная пауза, как будто Высоцкий задумался о подходящем случае заглавия, — и в результате песня именуется по первой строке.

Второе и последнее сохранившееся упоминание песни содержится в интервью корреспонденту Всесоюзного радио Ирине Шестаковой (январь 1980 г.). Высоцкий с досадой говорит о судьбе своих песен, написанных для кино и не принятых кинематографическими «начальниками»¹. Речь заходит, конечно, о фильме «Бегство мистера Мак-Кинли»:

В. В.: Там была, например, баллада о человеке, который недолюбил, недопригубил вино. Может быть — «Не до...» — вы слышали, такая песня.

И. Ш.: Да, я слышала.

В. В.: «Кто-то высмотрел плод» — вот это вот об этом. Об этом разговор шел... [7, с. 93].

Дальше собеседники уходят от темы, но для нас важно, что и при этом упоминании Высоцкий колеблется в выборе номинации и в итоге называет песню по первому стиху. Наименование «Не до...» он использует не в качестве заглавия, а как способ быстро идентифицировать песню в диалоге с журналисткой. «Прерванный полет» не упоминается вообще, потому что речь не идет о французском тексте.

Каким же образом было канонизировано название «Прерванный полет»? Несомненно, этому способствовало переосмысление «песни о том, кто не спел», произошедшее после смерти автора. Безвременная кончина Высоцкого в дни московской Олимпиады и пережитое современниками потрясение вызвали стремительную мифологизацию его биографии и соответствующее перекодирование текстов. Этот коллективный творческий порыв вынес в центр общего внимания название «Прерванный полет», которое просто не могло не быть прочитано (как и сама песня) в качестве пророческого. В 1981 г. фирма «Шан дю Монд» на волне посмертного интереса к Высоцкому все-таки издает не выпущенные ранее оркестровые записи в виде двойного альбома, титулом которого становится название песни «Le Vol Arrêté». Впрочем, пластин-

¹ Песня «Кто-то высмотрел плод...» не вошла в фильм, потому что режиссер исключил соответствующий эпизод [12, с. 79], но роль Высоцкого была предельно сокращена действительно под давлением принимающего начальства [Там же, с. 83].

ка была труднодоступна в СССР. Решающее влияние на успех этого выражения оказала книга воспоминаний Марины Влади «Владимир, или Прерванный полет» («Vladimir, ou Le Vol Arrêté») [1], переведенная и изданная в 1989 г. трехсоттысячным тиражом. С этого времени «Прерванный полет» закрепляется в сознании потомков не только как название песни, но и как «имя» персонального мифа Высоцкого, фиксирующее понимание его жизни как жертвы, как трагедии поэта, которого «убили, дав ему только попробовать и чуть-чуть начать».

Выводы

Известные нам факты говорят о том, что у песни «Кто-то высмотрел плод, что неспел...» не было стабильного авторского названия, хотя Высоцкий испытывал несколько возможных вариантов, но неизменно от них отказывался.

Практически все зафиксированные заглавия песни связаны с ее официальной репрезентацией, то есть установлены в тех случаях, когда нельзя было обойтись без названия. Большинство этих заглавий не авторские. Некоторые из них использовались Высоцким при исполнении песни на концертах, но ни одно не закрепилось в качестве постоянного.

Заглавие «Прерванный полет» Высоцкий относил только к французскому переводу, который считал не вполне адекватным оригиналу. Оба издательских названия, использованные на виниловых пластинках, Высоцкий авторизовал только как названия французского перевода, случаи употребления заглавий «Прерванный полет» или «Конец бала» применительно к оригинальному тексту песни нам неизвестны.

В поздних источниках, отражающих последнюю творческую волю автора, Высоцкий называет песню по первому стиху «Кто-то высмотрел плод».

Конвенционально принятое название «Прерванный полет» — дань традиции, отражающей читательский, а не авторский выбор.

Зададим в заключение вопрос, насколько канонизация заглавия «Прерванный полет» влияет сегодня на наше восприятие песни? Безусловно, в значительной мере влияет. Прежде всего, оно акцентирует один аспект понимания песни — как пророческой и авторефлексивной — и отодвигает на задний план другие. Конечно, лишившись места в кинокартине, песня сохранила и актуализировала свое универсальное звучание, потому автор и дал ей вторую жизнь. Но в контексте фильма она все-таки принадлежала уличному певцу Биллу Сегтеру и выражала также рефлексию о погибших демонстрантах, о «маленьком человеке» современного мира, современнике Мак-Кинли, — отсюда в ней контрастирующая с трагизмом ирония (объединяющая цикл «Баллад Мак-Кинли»). Оставляя лирическое произведение не озаглавленным, автор отказывается давать определенный ключ к его интерпретации. И нужно помнить, что, узаконив название «Прерванный полет», эту волю автора мы нарушили.

Список литературы

1. *Влади М.* Владимир, или Прерванный полет. М., 1989.
2. *Владимир Высоцкий.* Архивы рассказывают: [продолжающееся издание]. Новосибирск, 2011 —.
3. *Владимир Высоцкий:* индекс фонограмм // Владимир Высоцкий: каталоги и статьи. URL: https://v-vysotsky.com/vv_x/indevv_list.php.htm (дата обращения: 15.02.2025).
4. *Высоцкий В. С.* Соч. : в 2 т. / подгот. текста и коммент. А. Е. Крылова. Екатеринбург, 1997. Т. 2.
5. *Кастрель Д. И.* Баллады из первоисточника. Цикл к «Бегству мистера Мак-Кинли» // Мир Высоцкого. Исследования и материалы. М., 1999. Вып. 3, т. 1. С. 116–132.
6. *Куликов Ю.* Бегство мистера Мак-Кинли : [вступ. ст. к публикации материалов] // В поисках Высоцкого. 2022. №46. С. 23–27.
7. *Куликов Ю.* Бегство мистера Мак-Кинли : [материалы] // В поисках Высоцкого. 2022. №46. С. 28–93.
8. *Саморукова И. В.* Заглавие как индекс дискурсивной стратегии произведения // Вестник СамГУ. Гуманитарная серия. 2002. Вып. 1 (23). С. 113–118.
9. *Скобелев А.* Из материалов к комментированию текстов В. С. Высоцкого. Песни, созданные для фильма «Бегство мистера Мак-Кинли» (1973) // В поисках Высоцкого. 2022. №45. С. 13–42.
10. *Топя В. И.* Произведение и его имя // Аспекты теоретической поэтики. Тверь, 2000. С. 9–18.
11. *Цыбульский М.* «Бегство мистера Мак-Кинли» // Владимир Высоцкий. Каталоги и статьи. URL: https://v-vysotsky.com/statji/2015/Mak_Kinli/text.html (дата обращения: 15.02.2025).
12. *Швейцер М. А., Милькина С. А.* Интервью / беседует Д. И. Кастрель. 1981, март // В поисках Высоцкого. 2022. №46. С. 71–88.

Об авторе

Станислав Витальевич Свиридов — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: textman@yandex.ru

SPIN-код: 9912-0770

S. V. Sviridov

**“INTERRUPTED FLIGHT” BY V. VYSOTSKY:
TO THE QUESTION OF THE TITLE**

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 24 February 2025

Accepted 27 March 2025

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-7

To cite this article: Sviridov S. V. 2025, “Interrupted Flight” by V. Vysotsky: to the question of the title, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №2. P. 78–87. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-7.

The canonical title of the song "Prervoannyi polet" ("Interrupted Flight") is not clearly established in Vysotsky's handwritten or audio archives. This raises the question of the existence of alternative titles in the song's textual history, their origins and textual status, the source of the title "Prervoannyi polet", and the reasons for its eventual textual consolidation. The creative history of the text is traced based on surviving manuscripts, authorized typescripts, and materials from audio archives. The study reveals that at different stages in the song's history, the author used various titles for it; a number of non-authorial titles are also documented, including translated titles in French. Some of these externally assigned titles were supported by Vysotsky himself, who used them to refer to the song during public performances. However, he did not fix any of the authorial or non-authorial titles as the main one, instead preferring to refer to the song by its opening line: "Kto-to vysmotrel plod" ("Someone spotted the fruit"). The title "Prervoannyi polet" gained popularity and was canonized only after the poet's death.

Keywords: Vysotsky, textual study, title, manuscript, audio record, film

The author

Dr Stanislav V. Sviridov, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: textman@yandex.ru

SPIN code: 9912-0770

Л. В. Дубаков

**БУДДИЙСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «ТОЛЬКО-СОЗНАНИЯ»
В РОМАНЕ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА «ОМОН РА»**

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньжэнь, Китай

Поступила в редакцию 29.06.2024 г.

Принята к публикации 10.12.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-8

88

Для цитирования: Дубаков Л. В. Буддийская концепция «только-сознания» в романе Виктора Пелевина «Омон Ра» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2025. №2. С. 88 – 99. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-8.

В творчестве Виктора Пелевина, начиная с его ранних произведений и заканчивая последними повестями и романами, в том или ином виде присутствуют буддийские идеи, мотивы, образы. Роман 1991 г. «Омон Ра» помимо многообразных философских, культурных и литературных отсылок опирается на буддийскую философскую концепцию «только-сознания», которая исходит из подлинного существования только лишь сознания и при этом из нереальности внешнего мира. Образ «Советского Космоса» в пелевинской книге не только соединяет в себе как минимум два значения — околоземного или окололунного фрагмента Вселенной и советского миропорядка, но и является метафорой психического мира, внутри которого существует всякий человек и который человек сам порождает. Герой романа «Омон Ра» оказывается не столько как космонавт, сколько как психонавт, открывающий для себя психический космос, который имеет симулятивную природу. Мир, изображенный в пелевинском тексте, многообразно иллюзорирован: он подобен детскому рисунку или театральному пространству и может быть охарактеризован такими определениями, как онейрический, майвичный (от слова «майя») или сансарический. Пелевин посредством интертекстуальных включений, отсылок к мифологии, кинематографу, литературе подчеркивает иллюзорную природу героев. В «Омон Ра» условным также оказывается хронотоп, существующий вне привычных систем временных и пространственных координат. Реальность, показанная в романе, по-буддийски пустотна, то есть мотивирована субъективно. Зеркальная и одновременно кольцевая композиция фиксирует бесконечное пребывание главного героя в круговом движении иллюзорного мира сансары, а открытый финал намечает возможное освобождение героя.

Ключевые слова: В. Пелевин, буддизм, буддийский текст, иллюзорность, «только-сознание»

Буддийские идеи и мотивы в русской литературе присутствуют начиная с XIX в. Подъемы интереса к буддизму со стороны писателей отмечаются на рубеже позапрошлого и прошлого веков и на излете СССР, а также в постсоветскую эпоху, то есть в периоды глобальных и кризисных общественно-политических трансформаций, когда в том числе открывалось пространство широкого духовного поиска.

Отечественное литературоведение, ориентируясь на книгу В. Н. Топорова о «петербургском тексте» и осуществляя перевод структурно-семиотического подхода в сферу религии, исследует «буддийский текст» русской литературы [17]. Так, например, «буддийский текст» как часть восточного дискурса в истории русской литературы XIX в. анализирует Р. Ф. Бекметов [3].

Буддийские включения можно обнаружить в творчестве А. Л. Иванченко, Е. А. Шварц, Ф. Н. Горенштейна, Э. В. Лимонова, А. А. Макушинского и др. Отдельно в этом ряду нужно назвать В. О. Пелевина — одного из ныне живущих авторов, вошедших в литературу как раз на сломе эпох, в конце 80-х гг., писателя, о котором иногда говорят, что он не просто интересуется буддизмом, но даже является буддийским писателем.

Многие отечественные литературоведы и критики отмечают наличие буддийских идей и в романе В. Пелевина «Омон Ра». По мнению А. В. Дмитриева, этот роман сам превращается в миф, который соединяется с «космосом» дзен-буддизма [7], Д. В. Нечепуренко анализирует дзен-буддийские идеи и классифицирует дзен-буддийские повествовательные приемы в пелевинском творчестве [14], А. Л. Бобылёва, осмысляя жанровую специфику пелевинского творчества, констатирует, что тот переосмысляет антиутопию через буддийские установки [5, с. 57].

Творчество Виктора Пелевина осмысляется также западными литературоведами и критиками. Так, например, Лизл Шиллингер считает плодотворным соединением у Пелевина идей восточных религий и западной философии [25]. Урсула Ле Гуин отмечает, что писателю удается вводить читателя в дзен-буддийскую философию при помощи юмора [24], Тони Вуд предполагает, что Пелевин использует буддийскую фантазию для развенчания мифов советской идеологии [26]. Немецкий исследователь Марко Клю анализирует парадоксальность буддийской логики в романе Пелевина «Чапаев и Пустота» [23, S. 153]. Профессор Инна Ганшоу обнаруживает буддийскую мандалоподобную структуру в ранних романах Пелевина [22].

Пелевинскому творчеству посвящен и ряд работ восточных ученых. Так, Янь Мэйпин, исследуя восточные мотивы прозы Пелевина, пишет, что он изображает реальность как буддийское путешествие в сансаре [21]. Чжэн Юнван в монографии «Игра, дзен-буддизм, постмодерн — постмодернистская поэтика В. Пелевина» интерпретирует творчество писателя «с точки зрения интертекстуальности, текстовой игры, дзен-буддизма и постмодернизма... анализирует миражность / иллюзорность мира, “бегство в себя”, коллективное бессознательное, соотношения эстетики дзен-буддизма и постмодернистской литературы» [19, с. 196]. По мнению исследователя Ли Синмей, также представленному в обзорной работе Чжао Сюе, в романе «Чапаев и Пустота» «значение пустоты... является определяющим: реальность является продуктом сознания, она наполнена хаосом, беспорядком и миражами, пустота равна иллюзии, или фикции, в то же время она является символом того, что в мире не существует абсолютной истины» [Там же, с. 200—201]. Литературовед Цинь Жуйцзи в работе [29] «отталкивается от взаимосвязи

между идеями южной школы дзен-буддизма и содержанием романа, анализирует влияние китайского дзен-буддизма на картину мира, отраженную в романе, образы персонажей и манеру повествования» (цит. по: [20, с. 6]). Кун Лиин отмечает, что в произведениях Пелевина «с помощью западных постмодернистских теорий, а также теорий восточной философии выявляется смысл столкновения и обмена между сферами различных культур, проводятся поиски персонажей на границе разных культур» (цит. по: [Там же, с. 8]). В другой своей работе этот ученый констатирует, что герои ранних произведений Пелевина находятся в состоянии растерянности и ищут для себя новый путь, новое мировоззрение, выбирая между западной и восточной традициями [28].

Основной целью представленной статьи является раскрытие философских, буддийских оснований, определяющих смысл романа «Омон Ра», что предполагает анализ системы его персонажей, пространственно-временной организации, мотивной структуры, композиции. Работа опирается на корпус диссертационных исследований, статей и критических откликов, затрагивающих данный роман. Однако, по нашему мнению, ни одно из этих исследований в полной мере не отразило и не осмыслило буддийскую составляющую рассматриваемого произведения, по большей части останавливаясь на общих замечаниях о наличии в нем буддийских (дзен-буддийских) идей.

Роман В. Пелевина «Омон Ра» (1991) сопровождается посвящением «Героям Советского Космоса» [15, с. 7], и, как постепенно выясняется, речь идет прежде всего о внутреннем космосе: «Единственным пространством, где летали звездолеты коммунистического будущего... было сознание советского человека» [Там же, с. 15]. «И я, и весь этот мир — всего лишь чья-то мысль» [Там же, с. 90], — говорит медведь, приснившийся главному герою. Полковник Урчагин говорит Омону Кривомазову, что «каждая душа — это вселенная» [Там же, с. 123], и если хотя бы в одной душе живет советская идея, значит, эта идея побеждает. Отталкиваясь от этих цитат, можно сказать, что в «Омон Ра» писатель, с одной стороны, сатирически изображает отдельные аспекты обманной советской жизни, где пропаганда создавала образ прекрасного будущего, проецируемого на настоящее, того будущего, которое не состоялось как идеал, а с другой стороны, подвергает сомнению подлинность быденной реальности в целом. У Пелевина, по словам А.Г. Коваленко, «мир реальный — одно из проявлений иллюзии, а иллюзия, в свою очередь, есть не что иное, как вариант реального существования» [10, с. 187]. И в этой последней авторской интенции можно обнаружить обращение к буддийской философии.

Однако в случае с этим писателем правильнее было бы говорить о влиянии на его творчество не столько тех или иных направлений буддизма, сколько определенных буддийских идей, которые можно встретить в разных школах. Например, идея о приоритетности сознания, которое способно изменять и даже создавать окружающий мир, является и в школе йогачара, и в школе дзен: «Понимание мира в буд-

дизме сугубо психологично, ибо все уровни космоса рассматриваются в качестве коррелятов состояний сознания живых существ или уровней развертывания сознания. В некоторых же направлениях буддизма, провозглашающих принцип “только лишь сознания”... троекосмие и вообще сводится только к уровням развертывания психики, превращаясь в чистый психокосм» [18, с. 170]. Сам Пелевин в одном из интервью говорит: «Буддизм — это бирка, которую можно клеить на мои книги. Мне это не обидно. Можно ее и не клеить. Тоже не обидно. Буддизм — это просто осознание того факта, что все происходит исключительно в уме» [16]. В другом интервью, отвечая на вопрос о религиозных концепциях вообще, он отмечает: «Мне все эти теории одинаково близки или далеки, потому что все они — без исключения — являются взмахами ума в пустоте. ...иллюзорен и сам этот ум, потому что “ум” — это просто обусловленное языком представление, имеющее ту же природу, что и все остальные фантомы сознания» [12].

Так, Омону Кривомазову «ничто не мешает» попадать в кабину самолета «без всякого телевизора», ведь «полет сводится к набору ощущений», которые он «научился подделывать», «глядя на заменяющую небо военкоматовскую стену» [15, с. 10]. Соученики Омона по спецшколе КГБ должны отправиться на Альфу Микроцефала. Это, с одной стороны, ироническое обыгрывание названия созвездия Альфа Центавра, с другой — указание на пространство черепа, уменьшившееся из-за маленького мозга. Иными словами, советские космонавты выступают в качестве психонавтов в искаженной реальности.

Один из главных образов романа — Луна, к которой стремятся советские космонавты в «Омон Ра», — также имеет буддийское измерение: «Популярный в китайском буддизме образ “отражение луны в воде” означает дхармы, мгновенно возникающие и исчезающие, но составляющие ощутимый поток бытия. По словам В. В. Малявина, под отражением луны обычно подразумевался иллюзорный физический мир...» [9, с. 359]. Луна у Пелевина, помимо символизирования иллюзорности, также связана с загробным миром, со смертью, с изнанкой бытия, с возможностью перерождения. Митёк от инкарнации к инкарнации принимает смерть из-за Луны в закрытых пространствах — от пещеры до самолета, при этом не добираясь до нее. Омон Кривомазов «умирает» в подземном мире, в «царстве вечной тьмы» [15, с. 101], отвергает иллюзию Луны, воскресает и получает возможность выбраться на поверхность Земли.

Герой романа создает образ своей Луны еще в пионерлагере, когда ползет по коридору в противогазе. Луна для него — «это желтый лунный глобус», который «висит в сероатой пустоте» [Там же, с. 20]. В такой же пустоте сидит космонавт, изображенный на мозаике на стене павильона [Там же, с. 11]. В «пустом и чистом небе» [Там же, с. 21] висят звезды. Заголовки статей в газете «со страшным размахом били в пустоту, и в этой пустоте» можно было «попасть замешкавшейся душой под какую-нибудь главную задачу дней» [Там же, с. 23]. Во время полета к Луне Омон Кривомазов приходит к мысли, что и люди, так же как

небесные тела, висят в пустоте, «где нет верха и низа, вчера и завтра» и где все они идут навстречу «обманчивому мерцанию» [15, с. 92]. Слово «пустота» во всех этих случаях не только имеет привычный набор значений, но и указывает на одно из базовых понятий буддийской философии, разработанное в школе мадхьямака, — шуньяту, пустоту, которая говорит о независимости подлинной реальности от того, как она воспринимается, и равно указывает на относительность и иллюзорность этого восприятия тем или иным субъектом. Потерянность человека, о которой думает герой романа, может быть понята как одна из разновидностей страдания в буддизме — страдания от бессновности.

Мир Омона Кривомазова как будто нарисован или представляет собой театральную сцену с декорациями или детскую игру — не зря в начале второй главы герой, осмысляя судьбу, использует выражение «рисунки жизни» [Там же, с. 12]. В районе, где живет Омон Ра, недалеко от кинотеатра «Космос», стоит большая металлическая ракета, во дворе — деревянный самолет, который сделан из домика с двумя окошками. На стене подсвечивается мозаика, изображающая космонавта в открытом космосе. Сектор с гаражами похож «на отсеки давно покинутого космического корабля» [Там же, с. 21]. Генералы в школе КГБ СССР и помещение, где они стоят над картами, напоминают Омону сцену из фильма. Макет лунохода выглядит как детская игрушка с «двумя похожими на глаза выступами впереди» [Там же, с. 38]. Под «Детским миром» в Москве находится макет ракеты в натуральную величину. Настоящий луноход напоминает «большой бак для белья» «с колесами, похожими на трамвайные» [Там же, с. 55], более того, у лунохода появляется «как бы лицо, или, точнее, морда... что рисуют у арбузов и роботов в детских журналах» [Там же, с. 56]. В финале Омон обнаруживает, что лунная программа вся состоит из макетов: так, например, макет корабля «Салют» похож очертаниям «на огромную бутылку» [Там же, с. 119].

С потолка в столовой в пионерлагере свисают картонные космические корабли, в которых сидят пластилиновые космонавты. При этом снаружи ракеты люк нарисован, а внутри нет. Человек все время пребывает в замкнутом пространстве сансары (ракета, вагон метро), но выходы, которые мыслятся таковыми, на самом деле не являются настоящими. Пилот, которого вынул из картонного самолета Митёк, снова помещается Омонам Кривомазовым в закрытое пространство — в пачку из-под сигарет. На фанерных щитах в лагере изображены пионеры в космических костюмах. Причем нарисованный корабль похож на картонную ракету. Здесь иллюзия похожа на другую иллюзию. Глаза одного из пионеров-космонавтов полны «невыразимой тоски» [Там же, с. 16], ведь жизнь — это страдание, как гласит первая благородная истина буддизма.

Во время полета к «Луне» Омон Кривомазов вспоминает о фильме «Забриски-пойнт» М. Антониони, а позже так он называет ту точку, в которую должен привести луноход. В антониониевском фильме доминирует антибуржуазная идея. Но Пелевин, упоминая эту картину и встраивая ее в мотивную и сюжетную структуру своего романа, пере-

кодирует ее смысл. В «Забриски-пойнт» также присутствуют мотивы нарисованной или «манекенной» иллюзии: Марк и Дарья постоянно смотрят на билборды, создающие образ идеального мира и предлагающие «убежать от этого всего», Ли Аллен разрабатывает проект курортного отеля-рая посреди пустыни. Схожи в фильме и в романе ландшафты — мнимый лунный, который видит Омон Кривомазов, и похожий на лунный ландшафт Долины Смерти. И Марк, и Дарья пытаются улететь: первый буквально — на самолете, вторая — на автомобиле (по словам безымянного голоса в телефоне), — как и Омон, ставший космонавтом и летящий к Луне. Марка в финале застрелили полицейские после его приземления. Так же Ландратов пытается убить Омона, по случайности не совершившего самоубийство после мнимого прилунения. В «Забриски-пойнт» Ли Аллен с другими бизнесменами смотрит на выделенную красным дорогу на макете; красная линия определяет маршрут Омона на Луне, и по красной линии он собирается начать движение в новой жизни, в вагоне метро. С. М. Малкина в статье «Киноэстетика пустоты: Микеланджело Антониони и Ким Ки Дук» говорит о разном понимании пустоты этими режиссерами — «пустоты как открытости и взаимозависимости, опирающейся на буддийское понимание пустоты (шуньята), воплощаемой в фильмах Ким Ки Дука, и пустоты от пресыщения, пустоты одиночества, скуки и безразличия — в фильмах Антониони» [13, с. 148]. Причем у обоих режиссеров «грань между реальностью и воображением оказывается зыбкой, но у Антониони это оборачивается затерянностью в мире иллюзий, а у Ким Ки Дука — свободой» [Там же]. Можно предположить, что Пелевин в «Омон Ра» прочитывает Антониони как условного Ким Ки Дука. Пустота фильмов Антониони в пелевинском романе становится буддийской пустотой, а его антибуржуазный пафос оборачивается пафосом экзистенциального кризиса.

Еще одно буддийское перекодирование в романе — это стихотворение В. В. Набокова «Мы с тобою так верили в связь бытия...». Пелевин в «Омон Ра» переделывает его текст, и набоковская идея о прерывности жизни и ненадежной связи между прошлым и будущим превращается в идею о безусловной иллюзорности существования: у Набокова юность кажется взрослому герою «по цветам не моей, по чертам недействительной», у Пелевина она оказывается «ни черта недействительной» [15, с. 105], то есть тотально мнимой. Причем товарищ Кондратьев, не желая обнаруживать обманную суть программы полета к «Луне», намеренно не дочитывает это стихотворение, потому что в последней строфе говорится и о сомнительном статусе «я», и о сомнительности пути (если также понимать это в буддийском смысле).

Мир романа иллюзорен и подобен сну. Неслучайно Омон открывает для себя устройство реальности, проходя через онейрические состояния или их подобию. Он проваливается в сон, будучи усыплен едой в Зарайском летном училище, и видит, как курсантам отрезают ноги, делая из них «настоящих людей», всегда готовых к подвигу. Посредством глубокого гипноза Омон Кривомазов погружается в свои прошлые

жизни. Снова будучи усыпленным, он оказывается в луноходе. Двигаясь по «Луне», Омон засыпает, просыпается и постепенно осознает управляемый характер реальности — она и абсолютно реальна в его сознании, хотя осталась в прошлом, и одновременно полностью недействительна [15, с. 109].

Образ звезд в романе появляется часто и не в прямой связи с небом. Звезды в «Омон Ра» — симулякры настоящих светил. Нарисованы большие рыжие звезды на детском самолете. На воротах Зарайского летного училища — жестяные звезды¹. В супе, которым кормят в летном училище и спецшколе КГБ, плавают «макаронные звездочки» [Там же, с. 29, 83]. Звезды нарисованы оформителем на луноходе, на сводчатом потолке бокса с макетами космических кораблей висят стеклянные и жестяные звезды. Звезды из фольги прикреплены к макету корабля «Агдам Т-3».

На самом герое — маска или несколько масок. Он ползет в противогазе по коридору в лагере и радуется, что его «настоящее лицо скрыто от вожатых» [Там же, с. 20]. Судя по «реинкарнационному обследованию» [Там же 5, с. 62], в прошлой жизни он был египтянином, не случайно он выбирает себе другое имя — египетского бога Ра. Равно и имя Омон отсылает ко второму имени этого же египетского божества — Амон. Имя Амон при этом означает «незримый», сокрытый. Интересно, что в формах имени *Омка* или *Омочка* со сменой ударения слышится звук «Ом», символизирующий в буддизме Три драгоценности или Три тела Будды. Фамилия Кривомазов напоминает об Алёше Карамазове Ф.М. Достоевского [2, с. 67; 4, с. 67]. Как и герой романа «Братья Карамазовы», Омон очарован звездами, и на его глазах от восторга при виде ночного неба во дворе гаража брата Митька (Дмитрия) появляются слезы, как и у Алёши, вышедшего из монастыря в финале главы «Кана Галилейская». Герой Пелевина обнаруживает свою литературную природу, он придуман (и искажен: Кривомазов) русской действительностью. Второй корень этой фамилии также говорит о нарисованности Омона: мазать — мазня — неряшливое рисование.

Литературную, а значит, подчеркнута фикциональную природу имеют и некоторые другие персонажи романа. Генералы похожи «на драматурга Генриха Боровика» [15, с. 35], курсантам летного училища

---

¹ Название училища вызывает ассоциацию с Загорском, он же — Сергиев Посад, священное место. Пелевин заостряет вычитанную в названии города метафору: за горами — за райской областью. При этом в училище Омон и Митёк прибывают по направлению из райвоенкомата, и часть сложносокращенного слова *рай-* означает здесь не только «районный». Метафора эта напоминает, например, о космологических представлениях буддизма: рай, или дэва-лока, — это тоже мир сансары, как и иные области, нирвана же — за пределами троекосмия. Интересно также, что по училищному забору «змеилась ржавая колючая проволока» [15, с. 25]. Выход к священному, к раю или еще большей заурядности, сопровождается змеем-искусителем в образе государственного насилия — колючей проволоки. Одновременно в названии «Зарайское» слышится слово «сарай», говорящее о непрезентабельности советской сакральности.

отрезают ноги, подобно А. Маресьеву, герою «Повести о настоящем человеке» Б. Н. Полевого. Полковники Урчагин и Бурчагин заставляют вспомнить роман «Как закалялась сталь» Н. А. Островского, а один на двоих «планшет для письма с узкими прорезями» — самого писателя. Их фамилии — пародийная, сниженная переделка имени главного героя романа — Павки Корчагина. Причем сходство генералов и Урчагина с Бурчагиным тоже усиливает их иллюзорный статус.

М. С. Жавнерович, исследуя мифологический контекст романа, предполагает, что Митёк как двойник Омона является «отражением его подсознания, его “лунной стороной”» [8, с. 219]. Именно он во сне Омона рисует Луну и медведя, что намекает на нереальность совершающегося с Омонам-космонавтом. И неслучайно его ликвидируют в романе. Таким образом, вопрос о реальности этого персонажа, впервые вошедшего в повествование со спины главного героя, также может быть открытым.

Особое место в романе занимает китайская тема. Китай у Пелевина оказывается метафорой иномирья, в котором время и пространство условны. В Зарайском летном училище приемная комиссия сидит «в беседке китайского вида» [15, с. 26]. Стена, окружающая училище, для Омона Кривомазова — это «Великая Стена... она, как и тысячи лет назад, тянется с полей далекого Китая до города Зарайск и делает древнекитайским всё появляющееся на ее фоне» [Там же, с. 34]. В луноходе эта Китайская стена в сниженном варианте обернется тушенкой с аналогичным названием. На «Луне» банка тушенки вызовет у Омона образ «теплых ветров над полями далекого Китая» [Там же, с. 102].

Согласно замечанию А. А. Авакян, в «Омон Ра» «привычные оппозиции пространственно-временного континуума (верх и низ, вчера и завтра) уничтожаются, поскольку... они не имеют внутренней определенности, существуют не сами по себе, а являются симулякр, скрывающим пустоту» [1, с. 301]. Прошлое, настоящее и будущее в романе иллюзорны, так как деление времени, согласно буддийским представлениям, — конвенциональный процесс. Столовая оказывается «космосом, куда жившие в прошлую смену запустили свои корабли, чтобы те бороздили простор времени» [15, с. 15]. Муравей, раздавленный в коридоре, оставляет «после себя мокрый след в будущем» [Там же, с. 19]. Омон Ра в луноходе задается вопросом о том, не катил ли он «по черной и мертвой поверхности Луны» [Там же, с. 108] еще в детстве, когда мчался на велосипеде, если сейчас он видит свое детство как полностью реальное. Об относительности времени в «Омон Ра» свидетельствуют также анахронизмы: ОМОН появляется в 1988 г., а значит, герой не мог быть так назван, лунная программа СССР относится к 60–70-м гг. [Там же, с. 93]. Роман имеет зеркальную или кольцевую композицию. То, что видит Омон Кривомазов в детстве и юности, отразится в финале. Картонный космический корабль, который он увидит в пионерлагере и на фольге которого — закатное солнце, напомним Омону прожектор поезда метро, а после превратится в реальное метро, на котором он поедет в новую жизнь. Маленький Омон будет играть в комнате отца в желез-

ную дорогу, а позже сравнит свой полет к «Луне» в луноходе с пожизненным сроком «с отсидкой в тюремном вагоне, который безостановочно едет по окружной железной дороге» [15, с. 93]. То, что он видит во время учебы в спецшколе, отразится в финале романа: суп с макаронными звездочками и курица с рисом, которой его кормили перед полетом, появятся в конце 11-й главы в виде отдельных ингредиентов в сумке женщины в метро. Мир сансары подобен кругу-кольцу, из которого практически невозможно выйти: «Приговаривая обследуемого к расстрелу, судьи Дмитрия лишают человека шанса прервать порочную закономерность своих воплощений, избавиться от кармического груза, искупить грех. А значит, обрекают его на очередной маршрут по замкнутому кругу» [6].

Последняя сцена романа обозначает возможность для Омона Кривомазова выйти из сансарической реальности, представленной в тексте в образе мнимой поверхности Луны, на самом деле находящейся в советском метро. Герой убежал от преследователей и оказался в вагоне метро на красной ветке. Он отделен от социума сеткой с продуктами (сеть майи), которую между ним и собой поставила женщина, сидевшая с ним рядом. Он смотрит на схему метро, рядом с которой находится стоп-кран. Финал открыт, Омон Кривомазов должен решить, по-прежнему ехать в метро сансары или выйти из него.

Нужно при этом отметить, что буддийское мировоззрение соединилось в романе «Омон Ра» с популярным в России в 1990-х гг. постмодернизмом. Вероятно, глубже всех осмыслил эту пелевинскую особенность С. Корнев. Так, еще в 1997 г., исходя из предложенной им концепции двух видов пустоты — западной и восточной — и двух видов постмодернизма — опять же западного и восточного, — Корнев написал, что Пелевин — постмодернист не западный, но восточный. Отрицательный характер западного постмодернизма Пелевиным не принимается, он лишь заимствует его собственно литературные приемы (хаотизация, симулятизация реальности, интертекстуальные отсылки и пр.), но не идеологию: «...в лице Пелевина перед нами предстает вечно юный Восток, обрядившийся в ветхие одежды Запада, чтобы посрамить его убогую старческую мудрость» [11, с. 250]. «У Фуко... пустота западная, у Пелевина — восточная. Западная пустота, неудовлетворенная и насмешливая... восточная пустота, самоуглубленная и спокойная» [Там же]. Пелевин обнаруживает иллюзорную, страдательную реальность, но одновременно передает и «физиологическое ощущение мистического света», демонстрирует возможность для героя и читателя «втягивания» «в какую-то светлую область» [Там же, с. 252].

Таким образом, в романе «Омон Ра» В. Пелевин обращается к некоторым принципам буддийской философии и буддийским мотивам. В основе романа лежит идея о порождении реальности человеческим сознанием и о ее фикциональном статусе.

Советский космос в «Омон Ра» оказывается обманным не столько потому, что по сюжету лунная программа является фальшивой, сколь-

ко потому, что недействительной природой обладает реальность вообще. Другие способы фикционализации мира в романе — подчеркивание мифологической, кинематографической и литературной основы образов персонажей. Пространство и время в «Омон Ра» также иллюзорны, так как границы между ними оказываются условными. Реальность видится герою пустотной, не имеющей объективного измерения. Композиция романа зеркальна или представляет собой кольцо: герой возвращается в свое детство, после повторяет круговое движение внутри метро. При этом Виктор Пелевин обозначает для него возможность выхода из мира иллюзии, порождаемой прежде всего им самим, выхода, при котором круг может стать линией.

Список литературы

1. *Авакян А. А.* Пространственные трансформации в романе Виктора Пелевина «Омон Ра» // Четырнадцатая Годичная научная конференция (3–7 декабря 2019 г.) : сб. ст. Ереван, 2020. Ч. 1. С. 296–301.
2. *Аюпов Т. Р.* Специфика интертекстуальных связей в раннем творчестве В. О. Пелевина (на материале романов «Омон Ра» и «Чапаев и Пустота») // *Art Logos*. 2021. №1 (14). С. 63–72.
3. *Бекметов Р. Ф.* Русская литература и буддийско-даосский Восток (проблемы диалога). Казань, 2018.
4. *Белоконева А. О.* Миф, имя, судьба героя в эстетике постмодернизма (на материале произведений В. О. Пелевина) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. №4-3 (52). С. 65–69.
5. *Бобылева А. Л., Прохорова Т. Г.* Антиутопический пафос и специфика хронотопа в ранней прозе В. О. Пелевина // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. №2. С. 55–64.
6. *Борода Е. В.* Повесть В. Пелевина «Омон Ра» в русле отечественной традиции // Четвертые Лазаревские чтения: «Лики традиционной культуры: прошлое, настоящее, будущее» : материалы Междунар. науч. конф. Челябинск, 2008. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-tradition/1.html> (дата обращения: 23.01.2023).
7. *Дмитриев А. В.* Миф о советском мифе: Советский космос в романе Виктора Пелевина «Омон Ра» // Итоговая научная конференция АГПУ (26 апреля 2002 года) : тез. докл. Русский язык. Литература. Иностранные языки. Астрахань, 2002. С. 53.
8. *Жавнерович М. С.* Мифологическая коммуникация в романе В. Пелевина «Омон Ра» // Студент и наука (гуманитарный цикл) – 2022 : материалы Междунар. студ. науч.-практ. конф. Магнитогорск, 2022. С. 217–220.
9. *Кнорозова Е. Ю.* К вопросу символики образа луны во вьетнамской традиционной поэзии // Общество и государство в Китае. 2020. №34. С. 352–367.
10. *Коваленко А. Г.* Мир игры и игра мирами В. Пелевина // История русской литературы XX – начала XXI века : учебник для вузов. М., 2014. Ч. 3. С. 187–193.
11. *Корнев С.* Столкновение пустот: Может ли постмодернизм быть русским и классическим? Об одной авантюре Виктора Пелевина // Новое литературное обозрение. 1997. №28. С. 244–259.
12. *Кочеткова Н.* Писатель Виктор Пелевин: «“12 стульев” были для меня книгой о героических и обреченных людях» : интервью // Известия. 30.10.2009. URL: <http://izvestia.ru/news/354819> (дата обращения: 23.01.2023).

13. Малкина С.М. Киноэстетика пустоты: Микеланджело Антониони и Ким Ки Дук // *Acta Eruditorum*. 2018. №29. С. 144 – 148.
14. Нечепуренко Д.В. О философских предпосылках и цели творчества В.О. Пелевина // *Вестник ЧелГУ*. 2011. №11. С. 95 – 98.
15. Пелевин В.О. Омон Ра // Пелевин В.О. Желтая стрела: повести, эссе и психические атаки. СПб., 2022. С. 7 – 127.
16. Роткирх К. Виктор Пелевин: интервью // Одиннадцать бесед о современной русской прозе. М., 2009. URL: <https://ru-pelevin.livejournal.com/958018.html> (дата обращения: 23.01.2023).
17. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического : Избранное. М., 1995.
18. Торчинов Е.А. Введение в буддологию : курс лекций. СПб., 2000.
19. Чжао Сюе. Творчество В. Пелевина в восприятии китайского читателя // *Филология и просветительство. Научное, педагогическое, краеведческое наследие Н.М. Лебедева : материалы конф.* Тверь, 2017. С. 196 – 203.
20. Ши Фуюй, Ли Сяогэ. Восприятие В. Пелевина и изучение его творчества в Китае // *Litera*. 2023. №10. С. 1 – 10.
21. Янь Мэйпин. Мотивы буддизма в произведениях В. Пелевина // *Вестник Орловского государственного университета*. Сер.: Новые гуманитарные исследования. 2016. №1 (48). С. 127 – 131.
22. Ganschow I. Literarischer Buddhismus: Viktor Pelevins Romane *Čапаев i Pustota, Generation "П"* und *Čisla* als meditatives Mandala. URL: <http://www.kakaniien-revisited.at/beitr/jfsl08/IGanschow1/> (дата обращения: 23.01.2023).
23. Klüh M. Unterwanderungen der Postmoderne. Viktor Pelevins literarische Werke als Arbeitsfelder von Ostensivität. München, 2014.
24. *Le Guin U.* Pinning the tail on the fox // *The Guardian*. 2008. Feb. 16. URL: <https://www.theguardian.com/books/2008/feb/16/featuresreviews.guardianreview21> (дата обращения: 23.01.2023).
25. Schillinger L. Demonic Muse // *The New York Times*. 2008. Sept. 26. URL: <https://www.nytimes.com/2008/09/28/books/review/Schillinger-t.html> (дата обращения: 23.01.2023).
26. Wood T. Inner Mongolia // *London Review of Book*, 21, 12. 1999. June 10. URL: <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v21/n12/tony-wood/inner-mongolia> (дата обращения: 23.01.2023).
27. 孔俐颖. 文化符号学视域下佩列文小说中的东西方问题研究. 博士论文. 北京外国语大学, 2021. [Кун Лиин. Проблема Восток – Запад в прозе В. Пелевина в курсе семиотики культуры : дис. ... канд. филол. наук. Пекин, 2021].
28. 孔俐颖. 边界地带的求索 – 佩列文小说中的身份认同危机 // *当代外国文学*. 2023. №1. Р. 69 – 76. [Кун Лиин. Исследование границы: кризис идентичности в романах В. Пелевина // *Современная зарубежная литература*. 2023. №1. С. 69 – 76].
29. 秦睿梓. 论中国南派禅宗哲学对佩列文创作的影响 – 以《夏伯阳与虚空》为例 // *佳木斯职业学院学报*. 2018. №3. Р. 75 – 76. [Цинь Жуицзи. О влиянии южной школы дзен-буддизма на творчество Пелевина (на примере романа «Чапаев и Пустота») // *Журнал Цзямусийского профессионального института*. 2018. №3. С. 75 – 76].

Об авторе

Леонид Викторович Дубаков – канд. филол. наук, доц., Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Китай.

E-mail: dubakov_leonid@mail.ru

SPIN-код: 8955-5605

L. V. Dubakov

THE BUDDHIST CONCEPT OF “CONSCIOUSNESS-ONLY”
IN VICTOR PELEVIN’S NOVEL “OMON RA”

Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, China

Received 29 June 2024

Accepted 10 December 2024

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-8

To cite this article: Dubakov L. V. 2025, The Buddhist concept of “Consciousness-Only” in Victor Pelevin’s novel “Omon Ra”, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №2. P. 88–99. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-8.

99

Buddhist ideas, motifs, and imagery are present throughout the works of Viktor Pelevin, from his earliest writings to his most recent novellas and novels. His 1991 novel “Omon Ra”, alongside its diverse philosophical, cultural, and literary allusions, draws upon the Buddhist philosophical concept of “consciousness-only,” which posits that only consciousness truly exists, while the external world is ultimately unreal. The image of the “Soviet Cosmos” in Pelevin’s novel combines at least two meanings – the near-Earth or near-lunar fragment of the universe and the Soviet world order – and also serves as a metaphor for the psychic world within which every person exists and which each individual generates. The protagonist of Omon Ra is portrayed less as a cosmonaut than as a psychonaut, discovering a psychic cosmos with a simulacral nature. The world depicted in Pelevin’s narrative is richly illusory: it resembles a child’s drawing or a theatrical stage and may be characterized as oneiric, māyā-like (from the Sanskrit māyā), or samsaric. Through intertextual references, allusions to mythology, cinema, and literature, Pelevin emphasizes the illusory nature of his characters. In “Omon Ra”, the chronotope is also depicted as conditional, existing outside of conventional systems of temporal and spatial coordinates. The reality portrayed in the novel is, in the Buddhist sense, empty – that is, subjectively motivated. The mirror-like and simultaneously circular composition captures the protagonist’s endless journey within the cyclical movement of the illusory world of saṃsāra, while the open ending suggests the possibility of the hero’s liberation.

Keywords: V. Pelevin, Buddhism, buddhist text, illusory, “Consciousness-Only”

The author

Dr Leonid V. Dubakov, Associate Professor, Shenzhen MSU-BIT University, China.

E-mail: dubakov_leonid@mail.ru

SPIN code: 8955-5605

УДК 378.147

А. С. Гричанов¹, С. А. Звягинцев²

**ФОРМИРУЮЩЕЕ ОЦЕНИВАНИЕ
КАК ОСНОВА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ**

100

¹ Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, Москва, Россия

² Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России,
Домодедово, Россия

Поступила в редакцию 20.05.2024 г.

Принята к публикации 04.02.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-9

Для цитирования: Гричанов А. С., Звягинцев С. А. Формирующее оценивание как основа междисциплинарного подхода в образовательных организациях МВД России // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2025. №2. С. 100–113. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-9.

Учебно-воспитательный процесс, реализуемый в образовательных организациях МВД России, требует применения альтернативных методов, способствующих обучению. В контексте данных инноваций ведущими направлениями деятельности становятся развитие и совершенствование интегративных навыков у обучающихся, а также создание новых форм взаимодействия в рамках практических занятий. Проведенное теоретическое исследование направлено на решение следующих задач: анализ имеющейся актуальной информации о междисциплинарном подходе к преподаванию блока специальных дисциплин в образовательных организациях МВД России; конкретизация понятия и целей междисциплинарности; определение подходов и концепций в междисциплинарной педагогической деятельности; уточнение понятия и целей формирующего оценивания; выявление наиболее перспективного направления оценивания, способствующего повышению эффективности образовательного процесса в системе образовательных организаций МВД России, в котором гармонично взаимодействуют и взаимодополняют друг друга обучающиеся и преподаватели. Наравне с эмпирическим методом устного опроса применялись основные возможности методов, используемых на теоретическом уровне исследований, ведущим из которых является диалектический метод научного познания. Фокус внимания на формирующем характере рассматриваемого метода оценки позволил раскрыть сущность педагогического процесса по физической подготовке в части, касающейся тактико-технической подготовки сотрудников полиции.

Ключевые слова: преподаватель, обучающийся, инструктор, образовательные организации МВД России, физическая подготовка, междисциплинарный подход, образовательный процесс

Введение

Основы междисциплинарности представляют собой фундаментальные принципы педагогики, опирающиеся на закономерности сопряжения всех природных явлений, взаимосвязь между предметами, систематичность как логическую процедуру в процессе преподавания и обучения, а также на связь теории с практикой. В этом случае возникает необходимость понимания сущности межпредметных связей. Согласно В.Н. Максимовой, «межпредметные связи служат способом раскрытия в содержании обучения современных тенденций развития науки, возникающих под влиянием процессов интеграции: социализации, гуманизации, математизации, компьютеризации и др. Благодаря межпредметным связям, наука предстает перед учащимся не только как система знаний, но как система методов» [1, с. 59].

В этой концепции с точки зрения философского подхода метод понимается как «путь к чему-то», он определяется процедурами упорядочивания деятельности, с этой точки зрения он выступает средством познания. Метод неразрывно связан с теорией, поэтому основой метода познания являются объективные законы познания. В связи с этим В.И. Белозерцев подчеркивает: «Материалистическая диалектика — универсальный метод познания для всех наук, диалектика междисциплинарна, она рассматривает всестороннее развитие человека, все его грани» [2, с. 69].

Междисциплинарность превратилась из философского принципа в педагогический принцип отбора и структурирования содержания обучения и подготовки преподавателей. Группа исследователей из Кубы отмечает: «Учебно-воспитательный процесс развивается класс за классом, следуя логике этого процесса, но благодаря этому достигаются цели, предусмотренные программой; для предмета, темы, дисциплины и в конечном счете учебного плана это постепенный процесс последовательных систематизаций, логика упорядочивания лучше дается в ежедневной интеграции» [3, р. 47].

Следует подчеркнуть, что междисциплинарный подход в образовательном процессе подразумевает не только отношения, которые могут быть установлены между содержанием дисциплин, входящих в этот процесс. Он охватывает и другие связи — между методологиями, процедурами, способами деятельности, мышлением, ценностями и точками зрения, поддерживающими различные дисциплины, утвержденные рабочими программами.

Междисциплинарность позволяет начать познание чего-то нового и обеспечивает решение сложных проблем в процессе преподавания. Приобретение знаний получает творческий характер и большую свободу, независимость мышления, позволяя установить новые отношения, связи, подходы для обобщения опыта. Так, А.Н. Книгин замечает, что «разные авторы в междисциплинарность умещают комплексный подход, системный подход вплоть до диалектического принципа всесторон-

ности рассмотрения» [4, с. 15]. Важность интеграции отмечает В. А. Нехамкин, определяющий междисциплинарность как «процесс интеграции ряда (двух и более) наук, сопровождающийся диффузией (перетеканием) и объединением различных существующих в каждой из них подходов, теорий, методов анализа» [5, с. 31].

Современные реалии образовательных организаций МВД России свидетельствуют о возрастающей роли междисциплинарного подхода в преподавании специальных дисциплин в целом. К специальным дисциплинам условно можно отнести тактико-специальную подготовку, огневую подготовку и физическую подготовку. В контексте взаимовлияния и взаимопроникновения рассматриваемых дисциплин построено данное исследование процессов интеграции.

Анализ современных исследований и публикаций, рассматривающих аспекты междисциплинарного подхода к преподаванию физической подготовки сотрудников полиции, позволил определить, что процессы интеграции приобретают высокую практическую значимость при реализации практико-ориентированного подхода [6, с. 180]. Выявленный подход успешно реализуется на практических комплексных занятиях по специальным дисциплинам во многих образовательных организациях МВД России.

Междисциплинарность и вопросы ее определения не ограничиваются поиском элементов взаимодействия различных учебных тематических планов дисциплин и рабочих программ. Как отмечает Т. Ю. Круковская, «инженерия междисциплинарности опирается на связность смежных знаний, традиционных и инновационных способов действий, моделирование учебной сложности и трудности плановых учебных, учебно-исследовательских заданий, соответствующих учебных планов и рабочих программ на системном уровне с учетом рекомендованных образовательным стандартом профессиональных компетенций» [7, с. 121]. Следует также отметить мнение И. В. Лысака, который считает, что «междисциплинарность... может способствовать плодотворному решению научных проблем. Она позволяет исследовать объект в его целостности, объединять данные, полученные специалистами различных дисциплин, привести к возникновению новых, плодотворных концепций, расширяющих и углубляющих существующий корпус научного знания» [8].

На ведущую роль междисциплинарности в современном образовательном процессе указывает ряд зарубежных ученых. Так, Сильвестре Орамас определяет междисциплинарность как дидактические процедуры, способствующие организации процесса преподавания и обучения на интегрированной основе, стимулирующие совместное обучение, междисциплинарное общение и участие обучающихся в выполнении различных учебных заданий, что способствует повышению их мотивации к учебе и ее связи с жизнью [9]. Группа ученых из Университета медицинских наук Гаваны (Куба) определяет междисциплинарность в контексте физической культуры как дидактический процесс, направленный на объединение, сотрудничество и интеграцию разнообразия

знаний из различных дисциплин и наук в их единство с целью развития независимого, творческого и целостного мышления в педагогической деятельности [10].

В этой связи интересно мнение В.С. Сенашенко: «Создание новых образовательных программ, более широкое использование новых образовательных технологий, увеличение разнообразия форм организации учебного процесса способствует формированию междисциплинарных связей, более тесному сближению специализированных дисциплинарных областей» [11, с. 79]. Следует подчеркнуть, что современные реалии образовательного процесса образовательных организаций МВД России подтверждают правоту данного высказывания и предполагают дальнейшее совершенствование этой области знаний.

Вместе с тем проведенное теоретическое исследование позволило выявить некоторые пробелы в описываемых концепциях практического применения междисциплинарного подхода. Так, в имеющейся научной литературе не в полной мере раскрыты механизмы оценивания деятельности обучающихся на подобного рода комплексных практических занятиях в образовательных организациях МВД России. Как известно, формирующее оценивание всегда находит отклик в ходе реализации процесса обучения и предполагает учет всех предпринятых действий обучающихся, которые они совершили для получения необходимых результатов [19].

Под формирующим оцениванием следует понимать процессы поиска и интерпретации информации, которая будет способствовать пониманию того, как продвинулись обучающиеся в рамках изучения предмета, в каком направлении необходимо двигаться и каким образом этот процесс можно оптимизировать.

В ходе анализа результатов исследования выявлено, что в большинстве случаев формирующее оценивание направлено на обнаружение проблем в обучении. В некоторых исследованиях в качестве основной характеристики обозначено установление связи между обучающимся и педагогом во время обучения [20]. Также отмечается, что целью формирующего оценивания является улучшение результатов обучения, повышение эффективности учебного процесса, новые образовательные достижения [12, с. 200].

Важным элементом учебного процесса считается получение и интерпретация оценок, соответствующих определенному образовательному этапу. Это дает возможность получить эффективную и качественную обратную связь по результатам обучения [21]. Полученные в ходе формирующего оценивания результаты целесообразно использовать в контексте совершенствования инновационных методов обучения. Необходимо отметить, что планирование развития и совершенствования оценочного процесса имеет приоритетное значение в рамках междисциплинарного подхода. В связи с этим целью исследования стало изучение теоретических аспектов оценочного процесса в рамках междисциплинарного подхода к преподаванию дисциплины «Физическая подготовка» в образовательных организациях МВД России.

В ходе исследования была предпринята попытка решения основных задач:

- обобщение данных научной и учебно-методической литературы;
- анализ передового педагогического опыта профессорско-преподавательского состава, осуществляющего физическую, тактико-специальную и огневую подготовку обучающихся, в контексте междисциплинарного подхода;
- конкретизация структуры формирующего оценивания как метода;
- уточнение основных концепций междисциплинарного формирующего оценивания обучающихся в рамках дисциплины «Физическая подготовка».

104

Методология и методы исследования

Проведение теоретического исследования было организовано на базе Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. В рамках взаимодействия в исследовании выборочно принял участие личный состав кафедр физической подготовки, огневой подготовки и тактико-специальной подготовки Сибирского юридического института МВД России ($n=8$), а также Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова ($n=7$).

Для получения передового педагогического опыта об особенностях применения междисциплинарного подхода в деятельности профессорско-преподавательского состава, осуществляющего физическую, тактико-специальную и огневую подготовку в образовательных организациях МВД России, был проведен устный опрос. Также в теоретическом исследовании использовались такие научные методы, как анализ научной и учебно-методической литературы по вопросам междисциплинарного подхода и оценивания, систематизация и интерпретация полученной информации, обобщение педагогического опыта в рассматриваемой предметной области.

Результаты

Инновационная сущность метода формирующего оценивания в междисциплинарном педагогическом процессе заключается в возможностях логического структурирования педагогического мышления и деятельности, организации, активизации и интеграции знаний в образовательном процессе, что позволяет достигать формирования у обучающихся профессиональных и социальных ценностей, а также педагогических умений и навыков [13, с. 161].

Технология формирующего оценивания способствует управлению образовательным процессом с опорой на логически согласованные этапы и формы, объединяет разнообразные элементы преподавания и обучения, обеспечивает процесс познания от известного к неизвестному, взаимодействие различных дисциплин, а также позволяет обучающимся интегрировать знания, способы деятельности и профессиональные педагогические навыки [14, с. 15; 15].

Использование метода формирующего оценивания в рамках комплексных занятий по дисциплине «Физическая подготовка» в образовательных организациях МВД России предполагает междисциплинарную подготовку специалиста (инструктора) по физической культуре с новым видением применения различных дидактических, методологических и научных вариантов педагогической деятельности и различных способов обучения двигательным действиям [16, с. 32].

Проведенный среди профессорско-преподавательского состава образовательных организаций МВД России опрос позволил уточнить ряд проблемных аспектов и особенностей как междисциплинарного подхода к преподаванию блока специальных дисциплин в образовательных организациях МВД России, так и практики применения формирующего оценивания. Опрос проводился устно с помощью сервиса видеоконференцсвязи МВД России (СВКС-м). Респондентам предлагались вопросы, касающиеся трудностей, возникающих в ходе междисциплинарного взаимодействия, особенностей интеграции специальных дисциплин, проблем использования формирующего оценивания.

Полученные результаты показали, что профессорско-преподавательский состав образовательных организаций МВД России неизбежно сталкивается с положительными и отрицательными сторонами междисциплинарного подхода, а также с рядом проблем в ходе реализации формирующего оценивания. Так, указывая на положительные стороны междисциплинарной работы, 86,7 % респондентов отметили возможности изучения и отработки ряда тактических элементов с использованием физической силы, огнестрельного оружия в рамках одного практического занятия сразу всеми представителями кафедр специального блока, что позволяет комплексно рассмотреть возникающие ситуации оперативно-служебной деятельности сотрудников полиции и выработать единый взгляд на варианты действий в таких ситуациях.

В 66,7 % случаев преподаватели отмечали, что взаимодействие в рамках междисциплинарного подхода способствует получению новой теоретической информации и практического опыта, а также возникновению совместных научных проектов и исследований. По мнению 73,3 % опрошиваемых, практика проведения комплексных занятий в рамках междисциплинарного подхода показывает пробелы в ряде тактико-специальных действий и действий с оружием. Дискуссионная работа представителей кафедр, а также взаимодействие с представителями практических органов внутренних дел Российской Федерации позволили наметить определенные пути решения возникающих проблем. Большинство респондентов (93,3 %) отмечают расширяющиеся возможности междисциплинарного общения как в научном аспекте, так и в практическом. При этом все опрошиваемые (100 %) упоминали о расширении своего кругозора, повышении уровня своих умений и навыков.

В ходе опроса наряду с положительными сторонами профессорско-преподавательский состав кафедр указывал на отрицательные стороны междисциплинарного подхода. По мнению 33,3 % опрошиваемых,

представители разных кафедр, имея в своем арсенале специальные термины, определения и методы, не всегда в достаточной мере могут понять друг друга, что, в свою очередь, оказывает влияние на совместную деятельность. В этой связи 20 % респондентов подчеркнули проблему разрозненного понятийного аппарата и необходимость приведения его к единому образу.

Представляет интерес мнение опрошенных о проблематике и особенностях использования формирующего оценивания. Так, 80 % респондентов указали на наличие проблем с включением формирующего оценивания в активное использование в реалиях образовательного процесса образовательных организаций МВД России. Следует отметить, что многие преподаватели имеют теоретическую подготовку по этому вопросу, но некоторый консерватизм в рамках одной дисциплины не позволяет внести изменения в образовательный процесс. Значительная часть опрошенных отметила (86,7 %), что вопросы актуализации, конкретизации и совершенствования знаний, касающихся особенностей междисциплинарного подхода и оценивания в его рамках деятельности обучающихся, имеют первостепенное значение и нуждаются в широкой теоретической и практической разработке, в том числе с рассмотрением возможностей использования инновационных техник и инструментов оценивания. По мнению 93,3 % респондентов, повышение квалификации в рамках применения формирующего оценивания, стимулирование мотивации к использованию рассматриваемого метода оценивания, проведение конкурсных и показательных комплексных занятий остаются важной составляющей профессионального роста каждого преподавателя.

Обучающиеся в контексте междисциплинарного подхода, выполняя комплексные задания, предполагающие проявление физических и морально-психологических качеств, выполнение тактико-специальных действий, а также правомерную работу с огнестрельным табельным оружием, взаимодействуют со своими одноклассниками и преподавателями, развивают формы сотрудничества и междисциплинарной взаимосвязи. Такой подход способствует более эффективному обучению, формированию гармоничного динамического равновесия между двигательными и индивидуально-психологическими качествами.

Формирующий характер рассматриваемого метода оценивания позволяет раскрыть сущность педагогического процесса физической подготовки, способствует проявлению инициативности, развитию педагогических способностей обучающихся в ходе междисциплинарной деятельности и обучению саморегуляции своей деятельности в этом процессе.

Следует отметить, что проведенное теоретическое исследование дало возможность выявить внутренние и внешние свойства метода формирующего оценивания, а также конкретизировать структуру формирующего оценивания как метода. Внутренние свойства метода ориентированы на логическое познание, междисциплинарное абстрактное

мышление, развитие умственных способностей при решении учебных задач в ходе образовательного процесса. Внешние свойства метода проявляются в учебно-воспитательном процессе: как в способе преподавания, так и в способе обучения.

Структура метода включает три основных этапа, имеющих диалектические отношения и не просто взаимозависимых, а ориентированных на сближение, взаимообогащение и интеграцию. В междисциплинарном подходе эти формы проявляются нелинейно и имеют спиральную динамику.

Выделяются следующие основные этапы формирующего оценивания:

- координация междисциплинарных знаний;
- создание междисциплинарных знаний;
- проектирование новой междисциплинарной практики.

Первый этап включает предыдущий опыт обучающихся по всем специальным дисциплинам и базируется на имеющихся ключевых параметрах предлагаемой практической задачи, которую предстоит решить. Этап должен содержать критерии, определяющие рамки процесса координации. Акцент делается на совместных действиях с одним или несколькими одноклассниками. Спецификой совместных действий является стремление к достижению коллективной цели, что требует от обучающихся, занимающихся выполнением совместного практико-ориентированного задания, связанного с решением оперативно-служебных задач, полноценного участия в такой деятельности.

Этап создания междисциплинарных знаний предполагает деятельность по самоуправлению участников образовательного процесса, которая направлена на построение моделируемой ситуации и анализ причинно-следственных связей. Происходит переход от построения теоретических знаний к междисциплинарным практическим действиям. Важным аспектом для построения междисциплинарного знания является управленческий потенциал, возникающий в результате совместного образовательного процесса, где создаются организационные структуры, способствующие совершенствованию процессов самоуправления, способных приводить к новым предложениям и управленческим решениям. Обмен знаниями выступает основополагающим на данном этапе, поскольку способствует диалогу между обучающимися и преподавателем, обогащает их опыт общения, мотивирует к разнообразию форм взаимодействия, поощряет умение слушать, участвовать, свободно выразить свои мысли и выполнять конкретные совместные действия в процессе решения моделируемых оперативно-служебных задач.

Проектирование новой междисциплинарной практики является третьим этапом и представляет собой групповой результат планирования направлений развития междисциплинарной практики взаимодействия. Планированию способствует достижение ряда задач, связанных с проектированием, организацией и контролем хода образовательного процесса. На этом этапе возрастает важность определения основного

тактического замысла, которого будет необходимо придерживаться. В соответствии с тактическим замыслом устанавливаются цели определенной междисциплинарной практики, ее задачи, необходимые действия и ресурсы, количество времени, а также ответственные исполнители. Этот этап представляет особый интерес в связи с тем, что в его основе лежат знания, необходимые обучающимся для возможности действовать в типовых ситуациях или условиях той или иной служебно-профессиональной деятельности. Безусловно, в отношении к той специфической деятельности обучающихся и их результатам рассматриваемый этап имеет рефлексивный характер.

Проведенное теоретическое исследование позволило конкретизировать основные концепции междисциплинарного формирующего оценивания.

1. Понимание междисциплинарного обучения в изменяющихся реалиях взаимодействия обучающихся на комплексных занятиях по физической подготовке в образовательных организациях МВД России. В такого рода взаимодействиях с образовательной реальностью формируются междисциплинарные способы мышления и поведения, нормы сосуществования и правила, касающиеся педагогической деятельности. Формированию устойчивых представлений об основах междисциплинарного обучения будут способствовать знание разнообразия деятельности в образовательном процессе; понимание смыслов определенной педагогической деятельности; установление причинно-следственных связей с тем материалом, который изучался на занятиях; определение взаимовлияния между дисциплинами, обуславливающего педагогическую деятельность; формирование общих областей между дисциплинами в соответствии с системой знаний.

2. Создание междисциплинарных технологий, позволяющих развивать способности обучающихся к определению средств, приемов, методов и алгоритмов в педагогической деятельности, с целью обеспечить постоянное взаимодействие теоретических разработок и образовательной практики. Концепция позволяет расширить понимание того, что все результаты, полученные в процессе образовательной деятельности, должны рассматриваться как часть полезного информационного обеспечения, помогающего интерпретировать и понимать реалии педагогического контекста. Вместе с тем концепция дает возможность обучающимся анализировать контекст образовательного процесса по физической подготовке, изучать, наблюдать и проверять выявленные особенности. Созданию междисциплинарных технологий будут способствовать расширение спектра изучаемых ситуаций образовательной деятельности; совершенствование техники, методов и средств изучения междисциплинарных технологий; дополнение понятийного аппарата на основе использования новых знаний, полученных в ходе педагогической деятельности; определение дидактических стратегий для дальнейшего укрепления междисциплинарного взаимодействия.

3. Применение знаний, умений и навыков в новых ситуациях служебно-профессиональной деятельности обучающихся. Использование

в образовательном процессе по физической подготовке новых элементов оперативной обстановки и моделирование комплексных ситуаций выполнения сотрудниками полиции профессиональных обязанностей будет стимулировать обучающихся осознавать ценность имеющегося опыта и интегрировать его в новую систему знаний. Концепция позволяет обучающимся понять, каким арсеналом знаний они обладают, и определить, какая область этих знаний требует потенциального развития, что позволит адекватно использовать их в будущей профессиональной деятельности. Вместе с тем концепция предполагает проекцию обучающимися своей будущей педагогической деятельности как специалиста (инструктора) по физической подготовке на новую междисциплинарную деятельность, касающуюся организации, планирования и контроля педагогического процесса [17, с. 23]. С помощью этой концепции обучающиеся смогут выявить различные особенности применения имеющегося арсенала знаний в своей педагогической деятельности. Практической реализации основных идей рассматриваемой концепции будут способствовать определение качества выполненной работы по достижению целей запланированной деятельности; выявление взаимосвязи между компонентами педагогического процесса по физической подготовке в образовательных организациях МВД России; ориентирование содержания обучения на социальную и образовательную среду в контексте физической подготовки; перенос акцента образовательного процесса на активный поиск способов методологического использования знаний, стимулирующий развитие междисциплинарного мышления; разграничение содержания каждого практического занятия в соответствии с принципом «от простого к сложному»; дифференциация изучаемого материала в соответствии с различными уровнями развития профессиональных умений и навыков у обучающихся; разработка стратегий совершенствования междисциплинарного подхода и обмена знаниями в процессе педагогической деятельности.

4. Междисциплинарная процедура оценки результатов позволяет проверить усвоение знаний обучающимися в рамках целостного и служебно-профессионального аспектов. Данная процедура способствует развитию у обучающихся самостоятельности и ответственности в процессе обучения. Итоговое оценивание позволяет выявить качественные и количественные изменения, происходящие в ходе обучения, и помогает понять, какие цели уже достигнуты, а что еще необходимо совершенствовать [18]. Процедура оказывает влияние на мотивационную составляющую углубленного изучения учебного материала, стимулирует способности к сохранению и применению знаний в различных ситуациях оперативно-служебной деятельности сотрудника полиции, обеспечивает осмысление обучающимися своего всестороннего развития не фрагментарно, а глобально и целостно. Широкий круг знаний требует открытого и гармоничного общения между обучающимися и преподавателями, что будет способствовать пониманию общих проблем, интересов и потребностей в обучении. Такой подход достигается благодаря точности формулировок высказываемых идей,

суждений, оценок; интеграции понятий и определений в процессе образовательной деятельности; умению слушать и слышать; уважению оценочных критериев других обучающихся; созданию адекватного психолого-педагогического климата в группе; определению качества знаний и необходимых средств для достижения еще не решенных задач; адекватным оценочным суждениям в ходе междисциплинарного образовательного процесса; развитию форм коллективной деятельности и общения, которые способствуют адекватному взаимодействию личности обучающегося с коллективом в процессе обучения.

Активное внедрение и использование рассмотренных концепций междисциплинарного подхода позволит совершенствовать междисциплинарное мышление, стимулировать умственную, рефлексивную и творческую активность, развивать у обучающихся способности самостоятельно планировать и моделировать практические задания на комплексных занятиях по физической подготовке на основе типовых и часто встречающихся проблемных ситуаций, которые возникают в ходе выполнения сотрудниками полиции оперативно-служебных задач.

Заключение

Анализ исследуемого междисциплинарного подхода с использованием формирующего оценивания позволил определить наличие его влияния на формирование профессиональной культуры обучающихся и преподавателей в контексте образовательной и спортивно-массовой деятельности образовательных организаций МВД России.

Следует подчеркнуть, что в современных образовательных реалиях рассматриваемых образовательных организаций междисциплинарный подход приобретает специализированные свойства, влияющие на повышение качества педагогической деятельности профессорско-преподавательского состава. Широкие возможности использования различных технологий, методик и методов из арсенала междисциплинарного подхода получают условия для своей реализации благодаря разработке и уточнению концепций формирующего оценивания в работе междисциплинарных коллективов преподавателей.

Вместе с тем важны опыт внедрения разграничения сфер ответственности в образовательном процессе и возможности продуктивно трактовать понятийный аппарат и методологию, что создает предпосылки для осуществления эффективного синтеза знаний. В своей динамике они способствуют тому, чтобы обучающиеся прочно и глубоко овладели системой специализированных умений, навыков, привычек, ценностей, способов деятельности, которые необходимы им в их служебно-профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Максимова В. Н. Межпредметные связи и совершенствование процесса обучения. М., 1984.

2. Белозерцев В. И. Материалистическая диалектика как философия развития // Актуальные вопросы диалектики: Историко-философские аспекты. М., 2000. С. 69–71.

3. Fuentes González H. C., de la Peña Silva R., Milán Licea M. R. La evaluación del proceso docente educativo como proceso participativo y no directive // Didáctica y Educación. 2010. Vol. 1, №2. P. 39–52.

4. Книгин В. А. Междисциплинарность: основная проблема // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политика. 2008. №3 (4). С. 14–19.

5. Нехамкин В. А. Междисциплинарность в гуманитарных науках: уровни исследования // Вестник Самарского государственного технического университета. Сер.: Философия. 2019. №2 (2). С. 30–34.

6. Троян Е. И., Богданова В. А., Насонов В. В. Ситуационный метод как способ реализации практико-ориентированного подхода в физической подготовке сотрудников ОВД // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5, №3 (16). С. 179–181.

7. Круковская Т. Ю. Некоторые проблемы междисциплинарности в структуре профессиональной подготовки специалистов железнодорожного транспорта (на примере математических дисциплин) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2023. №207. С. 120–126.

8. Лысак И. В. Междисциплинарность: преимущества и проблемы применения // Современные проблемы науки и образования. 2016. №5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=25376> (дата обращения: 14.05.2024).

9. Silvestre Oramas M. Aprendizaje Educacion y desarrollo. Editorial Pueblo y Educacion. La Habana, 1999.

10. Taureaux Diaz N., de los Á. Miralles Aguilera E., Pernas Gómez M. et al. El perfeccionamiento de la disciplina principal integradora en el plan de estudio de la carrera de Medicina // Revista Habanera de Ciencias Medicas. 2017. №16. P. 71–81.

11. Сенашиенко В. С. Междисциплинарность образования как отражение междисциплинарности окружающего мира на любых уровнях его организации // Управление устойчивым развитием. 2016. №3 (04). С. 79–85.

12. Ибрагимова М. А., Умаров У. С. Формирующее оценивание и методы его реализации // Вестник Педагогического университета. Сер. 2: Педагогики и психологии, методики преподавания гуманитарных и естественных дисциплин. 2022. №4 (14). С. 198–207.

13. Юнанова Ю. В. Оценивание в современном образовательном процессе. Формирующее оценивание // Перспективы развития науки и образования. Тамбов, 2014. С. 161–162.

14. Образовательные технологии. Достижение прогнозируемых результатов / под ред. Ю. И. Гладкова. М., 2009.

15. Михайлова Е. К. Технология формирующего оценивания как средство обеспечения качества обучения // Magister Dixit: научно-педагогический журнал. 2012. №1. С. 162–166.

16. Лигута В. Ф. Особенности организационно-педагогической деятельности инструкторов по физической подготовке в системе МВД России // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2019. №10. С. 31–44.

17. Адамкулов Н. М., Абдуллаева Г. Д. Сущность реализации межпредметных связей в обучении // Эл агартуу. 2023. №1-2. С. 22–28.

18. Пинская М. Оценивание – способ повышения эффективности обучения // Управление школой. 2009. №3. URL: https://upr.1sept.ru/view_article.php?ID=200900309 (дата обращения: 14.05.2024).

19. Крылова О.Н., Бойцова Е.Г. Технология формирующего оценивания в современной школе : учеб.-метод. пособие. СПб., 2015.

20. Современная оценка образовательных достижений учащихся : метод. пособие. СПб., 2015.

21. Система критериального оценивания учебных достижений учащихся : метод. пособие. Астана, 2013.

Об авторах

Антон Сергеевич Гричанов — канд. пед. наук, доц., Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, Россия.

E-mail: g-ton@mail.ru

SPIN-код: 8848-1290

Сергей Анатольевич Звягинцев — заместитель начальника, Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Россия.

E-mail: zsergei1970@mail.ru

SPIN-код: 1554-0182

A. S. Grichanov¹, S. A. Zvyagintsev²

FORMATIVE ASSESSMENT AS THE BASIS OF INTERDISCIPLINARY APPROACH IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

¹ Moscow University of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation
named after V.Y. Kikot, Moscow, Russia

² All-Russian Advanced Training Institute of the Ministry
of the Internal Affairs of the Russian Federation, Domodedovo, Russia

Received 20 May 2024

Accepted 4 February 2025

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-9

To cite this article: Grichanov A.S., Zvyagintsev S.A. 2025, Formative assessment as the basis of interdisciplinary approach in educational organizations of the Ministry of internal affairs of Russia, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №2. P. 100–113. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-9.

The educational process implemented in the educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia requires the use of alternative methods that facilitate learning. Within the context of these innovations, the leading directions of pedagogical activity include the development and enhancement of integrative skills among students, as well as the creation of new forms of interaction in practical training sessions. The theoretical research conducted in this study aims to address the following objectives: to analyze current information regarding interdisciplinary approaches to teaching a block of specialized subjects in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia; to specify the definition and objectives of interdisciplinarity; to identify approaches and concepts in interdisciplinary pedagogical practice; to clarify the concept and objectives of formative assessment; and to determine the

most promising assessment strategy that enhances the effectiveness of the educational process within the system of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia, in which students and instructors interact harmoniously and complement each other. Alongside the empirical method of oral surveying, the study employed the main tools of theoretical research methods, with the dialectical method of scientific inquiry serving as the principal one. Emphasizing the formative nature of the assessment method under consideration made it possible to reveal the essence of the pedagogical process in physical training, specifically in the context of tactical and technical training for police officers.

Keywords: teacher, student, instructor, educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, physical training, interdisciplinary approach, educational process

The authors

Dr Anton S. Grichanov, Associate Professor, Moscow University of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Y. Kikot, Russia.

E-mail: g-ton@mail.ru

SPIN code: 8848-1290

Sergey A. Zvyagintsev, Deputy Head of the Department of Tactical-Special Training and Operational Planning, All-Russian Advanced Training Institute of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation, Russia.

E-mail: zsergei1970@mail.ru

SPIN code: 1554-0182

Д. В. Шабаров

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ В ОРГАНАХ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Прокуратура г. Санкт-Петербурга, Россия

Поступила в редакцию 27.02.2025 г.

Принята к публикации 27.03.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-10

114

Для цитирования: Шабаров Д. В. Цифровые технологии в системе подготовки кадров в органах прокуратуры Российской Федерации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канга. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2025. №2. С. 114–124. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-10.

С целью расширения поисковой базы концепций и методов исследований в сфере психологии образования произведен анализ проблем, которые существуют на пути непрерывного образования работников в сфере прокурорской деятельности. Цифровые сервисы в системе органов прокуратуры России в настоящее время недостаточно обеспечивают системную и качественную подготовку молодого кадрового состава и повышение квалификации опытных работников. Ключевые проблемы связаны с недостаточным развитием внутриведомственного машинного обучения, удаленностью большого количества районных и специализированных прокуратур от межрегиональных центров подготовки и повышения квалификации прокурорских работников и ведомственных вузов прокуратуры, а также с отсутствием узкой специализации вузовских образовательных программ подготовки юристов по различным направлениям прокурорской деятельности. В качестве решения проблем представлен опыт отдела кадров прокуратуры г. Санкт-Петербурга в сфере разработки и внедрения цифровых сервисов повышения квалификации на базе информационных платформ машинного обучения. Показана эффективность применения авторского алгоритма и модели подготовки кадров в органах прокуратуры РФ. Представленный материал может быть полезен при организации повышения квалификации кадров в органах и организациях прокуратуры России, а также иных государственных органах, в функции которых входит повышение квалификации личного состава.

Ключевые слова: дистанционное образование, искусственный интеллект, повышение квалификации, прокуратура, машинное обучение

Введение

Авторитет и престиж профессии прокурора у россиян остается высоким. Так, за 2023 г. психологами проведено психологическое обследование 5672 кандидатов на службу и зачисление в кадровый резерв в ор-

ганы прокуратуры, в 2022 г. – 5534 [5, с. 17]. Высокая динамика изменений в российском законодательстве и многозадачность органов прокуратуры создают условия, при которых компетенции прокуроров требуют постоянного обновления и совершенствования. Цифровая оптимизация управленческой и организационной деятельности органов и организаций прокуратуры России, внедрение инновационных программных продуктов предъявляют новые требования к компетенциям и навыкам специалистов и предполагают непрерывное обучение прокурорских работников, а также развитие у них психологических качеств, способствующих профессиональной деятельности в информационно-телекоммуникационной среде.

Цифровизация и дистанционное образование

Пандемия 2019–2021 гг. придала ускорение развитию дистанционных форм обучения на всех уровнях образования как в нашей стране, так и за рубежом [16]. Специальная военная операция, проводимая Россией с 2022 г., инициировала принципиально новый запрос на дистанционные образовательные технологии и ресурсы у руководства государственных органов и структур на территориях, где потенциально существует опасность жизни и здоровью обучающихся при проведении организованного очного обучения.

Активизировавшиеся зарубежные государственные структуры (в том числе военизированные) широко применяют в процессе профессиональной подготовки сотрудников обучение с использованием не только информационных платформ, но и технологий виртуальной реальности и компьютерного моделирования [21]. Казалось бы, и в России рынок образовательных услуг на сегодняшний день изобилует компьютерными программами, способными обеспечивать сопровождение образовательного процесса как в очной форме, так и в удаленном формате без отрыва от основного места работы. Цифровые технологии, применяемые с целью совершенствования различных сфер профессиональной деятельности, достаточно разнообразны и являются предметом многих научных разработок, в том числе с использованием компьютерного моделирования и систем искусственного интеллекта [3].

Проблемы цифровизации непрерывного образования работников прокуратуры

Тем не менее, на наш взгляд, остается актуальным вопрос наличия информационных площадок, средств и ресурсов хранения, обработки и анализа данных, отвечающих современным требованиям и удовлетворяющих существующую потребность, в частности способных обес-

печить профессиональную переподготовку и повышение квалификации работников прокуратуры. Территориальные особенности нашей страны и различная степень концентрации населения, городов, районных и региональных центров и, как следствие, органов государственной власти не позволяют в полной мере удовлетворить потребность в непрерывном и систематизированном обучении и повышении профессиональной компетентности государственных служащих на базе высших учебных заведений. Представляется, что в современных, быстро изменяющихся условиях работы прокуратуры при экспоненциальном росте объемов информации, связанной с исполнением профессиональных обязанностей, необходимо непрерывное практико-ориентированное обучение посредством цифровых образовательных сред. А для начинающих прокурорских работников именно оно способно стать важным фактором достижения высокого уровня профессионализма.

Вышесказанное свидетельствует об актуальности разработки и внедрения цифровой образовательной среды саморегулируемого обучения государственных служащих на местах без отрыва от служебной деятельности. В связи с этим нельзя не упомянуть, что обучение и воспитание кадров для органов прокуратуры в современной РФ сталкивается с рядом проблем, которые обусловлены помимо социально-экономических процессов, эпидемиологической ситуации, нестабильной международной обстановки существенными изменениями в системе высшего профессионального юридического образования в последние годы [1].

Основная часть молодых специалистов — выпускники ведомственных вузов прокуратуры, прошедшие целевое обучение от прокуратуры субъекта Российской Федерации и специализированных прокуратур. Как отмечает Е.О. Иванова, «результатом высшего образования, в частности, является подготовка инициативных и компетентных специалистов, обладающих высоко развитым социальным интеллектом, готовых к постоянному самосовершенствованию в профессиональной и личной сферах» [6, с. 21]. На службу в органы и организации прокуратуры имеют право поступать лица, получившие высшее юридическое образование по направлению «Юриспруденция» уровня специалитета, уровня бакалавриата и магистратуры вне зависимости от специализации или направления подготовки [19, с. 181]. При этом в большинстве юридических вузов (в том числе входящих в систему органов прокуратуры России) изучение основных ведомственных приказов и методических материалов федеральным государственным стандартом не предусмотрено.

Инерционность и широта программ высшего юридического образования приводит к тому, что молодые специалисты из числа выпускников ведомственных вузов и иных юридических учебных заведений в настоящее время вынуждены практически с первого дня не только ос-

ваивать специфику службы, но и изучать огромный объем фактической информации (ведомственных приказов, информационных писем, методических рекомендаций и иных координирующих профессиональную деятельность материалов), в том числе с применением новых цифровых технологий. Цифровизация деятельности прокуратуры — внедрение новых компьютерных программ, сервисов, позволяющих осуществлять огромное количество операций и проводить полноценные прокурорские проверки, не покидая рабочего места, получать юридически значимые данные и документы, заверенные уполномоченными должностными лицам посредством квалифицированных цифровых подписей, — дает возможность рационализировать время служебной деятельности и одновременно требует специальных компетенций [17].

Нельзя оставить в стороне и тот факт, что сотрудники, которые уже имеют продолжительный опыт работы в системе органов и организаций прокуратуры России, как правило, вынуждены самостоятельно приобретать знания по работе в разных информационных системах.

Существующую проблему обостряет значительная удаленность большого количества районных и специализированных прокуратур от аппаратов прокуратур субъектов, межрегиональных центров подготовки и повышения квалификации прокурорских работников, ведомственных вузов прокуратуры, на базе которых проходят повышение квалификации и иные мероприятия, направленные на профессиональное совершенствование личного состава.

Особенно значимо повышение квалификации прокурорских работников во вновь принятых регионах нашей страны. Работники, проходящие службу в районах, приближенных к линии боевого соприкосновения в зоне проведения специальной военной операции, порой не имеют возможности прохождения профессиональной переподготовки ввиду потенциальной угрозы жизни при концентрации значительного числа личного состава, задействованного в организованном очном обучении. Частично данную проблему решает видеоконференцсвязь. Однако проведение лекционных и семинарских занятий в данном режиме имеет существенные ограничения (например, невозможность работы на средствах вычислительной техники). Не всегда есть возможность посещения аудиторий, где организуется проведение таких занятий, у помощников прокуроров районных и специализированных прокуратур, задействованных в прокурорских проверках либо территориально находящихся вне органов прокуратуры.

Таким образом, можно констатировать, что имеющиеся на сегодняшний день цифровые сервисы в системе органов прокуратуры России не в полной мере удовлетворяют потребность в качественной, системной и актуальной подготовке молодого кадрового состава с опытом работы до трех лет и в повышении квалификации опытных работников.

Методы исследования

Для решения обозначенных проблем необходим комплексный подход, который позволит не только обеспечить информационно-технологическую составляющую системы повышения квалификации, но и сформировать у работников органов и организаций прокуратуры новое отношение к восприятию системы обучения. Представляется конструктивным рассматривать перспективу развития системы подготовки в ведомственных вузах и дополнительного профессионального образования / повышения квалификации специалистов для органов государственных структур в рамках концепции гибридного самостоятельного обучения, при котором консультант (реальный или виртуальный) предлагает ресурсы, обучающийся конструирует и корректирует программу, содержание, технологии обучения, а эксперт оценивает результаты обучения [11, с. 28; 13].

Примером интеграции инновационных цифровых технологий в систему федеральных государственных организаций является цифровая трансформация органов прокуратуры и цифровизация внутриведомственного повышения квалификации прокурорских работников [18, с. 5]. Так, в 2020–2021 гг. в системе внутриведомственного повышения квалификации прокуратуры г. Санкт-Петербурга апробирована система удаленного тестирования с использованием образовательных платформ, которая показала свою высокую эффективность и надежность в процессе практико-ориентированного обучения [9, с. 15]. Первым этапом в решении задач, связанных с системой дистанционного обучения личного состава прокуратуры, стало использование информационных платформ открытого типа (*Яндекс.Формы*) во время пандемии 2019–2021 гг. Внедрение удаленного тестирования, которое предоставляет данный сервис, позволило решить актуальную задачу — обеспечить проверку знаний текущих нормативных документов, приказов, а также регионального и федерального законодательства в процессе проведения удаленного организованного практико-ориентированного обучения личного состава.

Разработан и апробирован следующий алгоритм работы: работники отдела кадров на основе приказов, указаний, методических рекомендаций разрабатывают тестовые задания, соответствующие пунктам плана индивидуальной подготовки молодого специалиста. Затем данные тестов заносятся в информационную платформу (*Яндекс.Формы*), после чего создается ссылка, которая отправляется молодому специалисту на индивидуальное мобильное устройство с доступом к сети Интернет. В заданный интервал времени молодой специалист самостоятельно проходит тестирование, знакомится с его результатами, после чего ссылка закрывается. Результаты поступают в отдел кадров, на их основе составляется рапорт о проведенной оценке результата успевае-

мости работника начальнику отдела кадров, наставнику молодого специалиста, а при необходимости – прокурору района или курирующему заместителю (рис.).

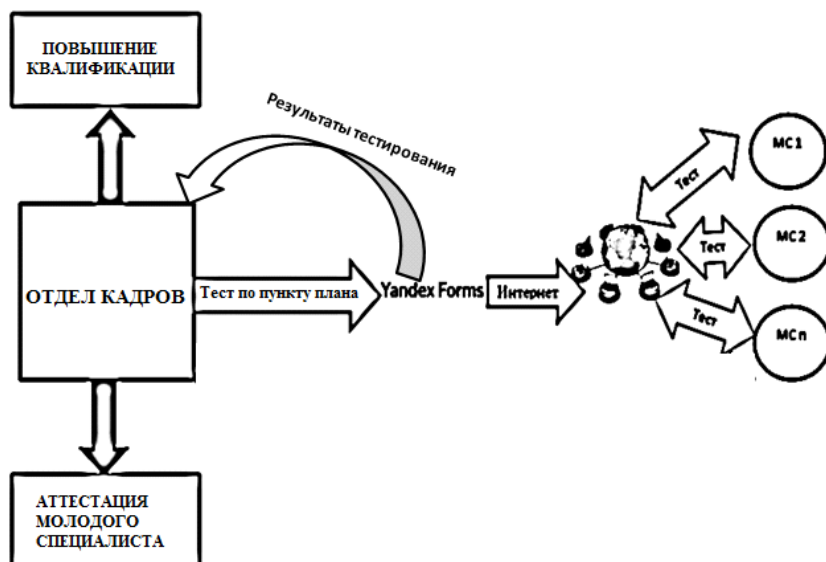

Рис. Схема процесса оценки уровня профессиональной самоподготовки молодых специалистов с использованием сервиса Яндекс

Апробация данного алгоритма в рамках специальной программы подготовки, выявила, что внедрение машинного обучения – процесс, требующий наличия цифровой инфраструктуры, интуитивно понятного пользовательского интерфейса, наличия удобного для восприятия контента [18] и, соответственно, профессиональных преподавателей, осуществляющих чтение и запись лекций, разрабатывающих профессиональные тесты. Но даже без наличия некоторой части обозначенных ресурсов и технологических мощностей возможно осуществлять подготовку личного состава, выстраивая программу его самообразования и самообучения посредством аудиовизуальной ретрансляции нормативных и организационно-распорядительных документов, приказов, указаний, методических рекомендаций Генеральной прокуратуры Российской Федерации и иных значимых для прокурорской деятельности организационно-распорядительных документов. Для реализации такого обучения были использованы следующие средства:

1) технологии искусственного интеллекта:

а) позволяющие воспроизводить объемный машинописный текст с возможностью записи аудиофайлов с полученной информацией;

б) позволяющие визуализировать и идентифицировать учебный материал, по ключевым словам, а также автоматически находить необходимый контент в открытых источниках телекоммуникационной сети Интернет;

- 2) стандартный пакет основных офисных программ, позволяющий подготавливать различные презентации;
- 3) профессиональный контент, представляющий собой значимый для самостоятельного обучения материал;
- 4) сервисы и онлайн-инструменты открытого типа отечественного производства, предназначенные для некоммерческого использования в режиме свободного доступа (в нашем исследовании им выступили *Яндекс.Формы*);
- 5) информационные сервисы открытого типа в информационной сети Интернет, предназначенные для конвертирования [http](#)-ссылки в [QR](#)-код.

Техническое исполнение нацелено на визуализацию образов, ассоциативное мышление и синхронизацию информации в виде текста в знаково-буквенном исполнении с воспринимаемой на слух. Ряд специалистов в области психологии, социологии и культурологии определяет подобное представление и восприятие информации вслед за Э. Тоффлером термином «клиповая культура», а ассоциативное мышление, которое задействовано в обработке представляемой информации, называет «клиповым мышлением» [8, с. 108]. На наш взгляд, подобная формулировка имеет негативную коннотацию, в то время как классические отечественные работы А.Р. Лурии [10] и современные фундаментальные и прикладные исследования В.Н. Анисимова, А.О. Лужина, М.В. Вихоревой, В.Н. Почерней, К.Ю. Шеденко и А.В. Латанова [2; 4; 20] свидетельствуют о том, что информация, подкреплённая аудиовизуальными образами, легче воспринимается и лучше запоминается.

Результаты исследования

Проведенное нами пилотное исследование показало, что в экспериментальной группе (ЭГ), в которой использовался описанный способ предоставления материалов, изученный таким образом материал воспринимался гораздо эффективнее, чем в контрольной группе (КГ), которой было дано задание несколько раз прочитать тот же самый материал в виде текста. Задание содержало материалы приказа Генеральной прокуратуры РФ от 17 марта 2010 г. №114 «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации» для самостоятельного обучения с последующим тестированием на знание изученного материала. Знание оценивалось по тесту из 10 вопросов. За каждый правильный ответ испытуемому начислялось 10 баллов (максимальная оценка — 100 баллов). Тестирование проходило анонимно с использованием сервиса *Яндекс.Формы*. Контрольная проверка (срез 2) через два месяца подтвердила полученные результаты. Результаты тестирования представлены в таблице.

**Оценки теста на запоминание положений Кодекса этики
прокурорского работника с использованием презентаций-ретрансляторов
(ЭГ) и без использования (КГ)**

Группа	Количество респондентов	Средний арифметический балл	
		Срез 1	Срез 2
Контрольная (2023 г.)	60	60	70
Экспериментальная (2024 г.)	60	85	90

Перспективы дальнейших исследований и разработок

121

В перспективе разработанные материалы могут быть систематизированы, сгруппированы по направлениям прокурорской деятельности и перенесены в одну из LMS-систем – образовательных платформ открытого или закрытого типа с доступом для самостоятельного изучения молодыми специалистами.

Это позволит выстроить план индивидуального обучения в два этапа: 1) обучение молодого специалиста по основному «базовому» блоку контента (тому массиву данных, который должен знать каждый работник прокуратуры); 2) обучение по специальному блоку подготовки (дифференцированно) по основным направлениям надзорной деятельности (надзор над объектами культурного наследия, природоохранный и т. д.).

В соответствии с принципами психодидактики [12; 15], в дальнейшем возможности пользователей такой информационной платформы могут быть расширены, в частности за счет создания интерактивного обучающего и диагностирующего модуля – интерактивного симулятора, программ, моделирующих реальные правовые ситуации [7]. Это даст возможность прокурорским работникам отрабатывать свои навыки в условиях удаленности, в безопасной информационно-психологической среде, а также осуществлять психологическую самодиагностику состояний, конфликтных ситуаций и т. п. [13].

Заключение

В свете известного высказывания В. А. Петровского о том, что «субъект – не тот, кто достигает, а тот, кто делает все, чтобы достичь» [14, с. 129], проведенное исследование позволяет утверждать, что прокурорский работник, проходящий самостоятельную подготовку с использованием цифровых инструментов и сервисов, действительно становится субъектом практико-ориентированной учебно-профессиональной деятельности. Самостоятельное обучение позволяет прокурорским работникам профессионально самосовершенствоваться, что отразится на качестве осуществляемой ими прокурорской деятельности, а следовательно, будет способствовать укреплению законности и упрочению

правовой системы Российской Федерации и становлению правового общества. Разработка и внедрение предложенных в данной статье технологий могут быть использованы в качестве прототипа для распространения опыта внутриведомственного обучения в иных государственных органах и организациях.

Список литературы

1. *Алексеева Ю.Б.* Повышение квалификации прокурорских работников как приоритетное направление кадрового обеспечения прокуратуры России: практика прокуратуры г. Санкт-Петербурга // *Образование и право.* 2022. №11. С. 315 – 318. doi: 10.24412/2076-1503-2022-11-315-318. EDN WTIVNH.

2. *Анисимов В.Н., Лужин А.О.* Способ определения эффективности визуального представления текстовых материалов : патент №2722440 С1 Российская Федерация, МПК G06F 40/279 ; №2019129311 ; заявл. 17.09.2019 г. ; опубл. 01.06.2020 ; заявитель Акционерное общество «Нейротренд». EDN JAVCTT.

3. *Бахтеев Д.В.* Правовой статус систем искусственного интеллекта и модели дифференциации юридической ответственности за причиненный ими вред // *Lex Russica.* 2024. Т. 77, №4 (209). С. 9 – 23. doi: 10.17803/1729- 5920.2024.209.4.009-023. EDN ULESCY.

4. *Вихорева М.В., Почерней В.Н.* Интерактивные формы и запоминание учебного материала в дистанционном формате обучения // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук.* 2020. №10-1 (49). С. 57 – 60. doi: 10.24411/2500-1000-2020-11074. EDN IPXSJP.

5. *Володина О.В.* Актуальные направления работы по психологическому обеспечению деятельности органов и организаций прокуратуры Российской Федерации // *Актуальные проблемы психологического обеспечения деятельности прокуратуры и правоохранительных органов : сб. материалов круглого стола (Москва, 28 марта 2024 г.).* М., 2024. С. 15 – 19.

6. *Иванова Е.О.* Становление субъектности обучающегося в ходе профессионального образования // *Социальное и профессиональное становление личности в эпоху больших вызовов. Междисциплинарный дискурс : сб. ст. Всерос. конф. с междунар. участием.* Ярославль, 2021. С. 20 – 25. EDN QFREGE.

7. *Кизилова Н.И., Рагулина Е.Ю.* Методы образования и запоминания // *Информационное общество и стратегические векторы развития региональных производственных систем : сб. тр.* Ставрополь, 2019. С. 246 – 249. EDN SICGCZ.

8. *Бужинская Н.В., Васева Е.С., Мешкова И.В., Шкабара И.Е.* Коррекция клипового мышления студентов педагогического вуза в процессе решения практико-ориентированных задач // *Образование и наука.* 2025. Т. 27, №1. С. 104 – 129. doi: 10.17853/1994-5639-2025-1-104-129.

9. *Литвиненко С.И., Шабаров Д.В.* Использование современных информационных технологий при повышении квалификации работников прокуратуры // *Законность.* 2021. №3 (1037). С. 15 – 16. EDN SYTMVY.

10. *Лурия А.Р.* Маленькая книжка о большой памяти // *Психология памяти: хрестоматия.* М., 2008. С. 193 – 206.

11. *Малькова М.А.* Теоретико-методологические основы профессионально-личностного развития научно-педагогических кадров высшей школы. М., 2024. doi: 10.15862/07MNNPM24. EDN CPTSTW.

12. *Машарова Т.В.* Социальная дидактика – сохраняя традиции, приближаем будущее // *Социальная дидактика: за пределами привычных понятий : коллективная монография.* Киров, 2023. С. 8 – 26. EDN NMGASZ.

13. *Молодцова Н.Г.* Практикум по педагогической психологии. СПб., 2009. URL: http://pegtop.ru/_ld/2/211_Praktikum_po_pe.pdf (дата обращения: 15.11.2024).

14. Петровский В. А. Субъектность как состоятельность // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12, №3. С. 86–130. EDN: RVUXJJ.
15. Савенков А. И. Психодидактика. М., 2012.
16. Симаева И. Н., Бударина А. О., Чуприс А. С. Цифровизация высшего образования в условиях пандемии COVID-19 и в постпандемический период: методологические проблемы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. №3. С. 104–115. doi: 10.5922/pikbfu-2023-3-11. EDN RDEZAM.
17. Филиппова-Глебова А. И., Паршутина И. Г., Амелина А. В. Цифровое образовательное пространство: практико-ориентированный подход, возможности, риски // Государственная культурная политика России и механизмы ее реализации: материалы II Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Орел, 2024. С. 136–141. EDN CUSKZW.
18. Шабаров Д. В., Алексеева Ю. Б., Повжик О. Г. Цифровая трансформация органов прокуратуры России: современное состояние и перспективы развития // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №3. С. 5–15. doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-1. EDN DQZBAS.
19. Шабаров Д. В., Губин В. А., Молдованов А. В. Психолого-педагогическое обеспечение подготовки прокурорских работников к профессиональной деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2019. №12 (109). С. 180–192. doi: 10.17803/1994-1471.2019.109.12.180-192. EDN CPOYOO.
20. Шеденко К. Ю., Анисимов В. Н., Латанов А. В. Глазодвигательные, электроэнцефалографические и вегетативные корреляты интереса при сочетанном предъявлении изображений и текста // Когнитивная наука в Москве: новые исследования: материалы конф. М., 2021. С. 445–450. EDN ILUVRT.
21. Tanasković I. V., Popović N. B., Sodnik J. J. et al. Electrogastrogram-based detection of cybersickness with the application of wavelet transformation and machine learning: a case study // Military Technical Courier. 2025. Vol. 73, №1. P. 79–114. doi: 10.5937/vojtehg73-51577. EDN WUNGSW.

Об авторе

Дмитрий Валентинович Шабаров – прокурор отдела кадров, младший советник юстиции, прокуратура г. Санкт-Петербурга, Россия.
E-mail: shabarovdv@mail.ru
SPIN-код: 8318-0446

D. V. Shabarov

DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF PERSONNEL TRAINING IN THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION

St. Petersburg Prosecutor's Office, St. Petersburg, Russia

Received 27 February 2025

Accepted 27 March 2025

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-10

To cite this article: Shabarov D.V. 2025, Digital technologies in the system of personnel training in the prosecutor's office of the Russian Federation, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №2. P. 114–124. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-10.

With the aim of expanding the research base of concepts and methodologies in the field of educational psychology, this study analyzes the challenges encountered in the process of continuous education for employees in the sphere of prosecutorial activity. Digital services within the Russian Prosecutor's Office system currently do not adequately provide systematic and high-quality training for newly appointed personnel or support professional development for experienced employees. The key issues are linked to the underdevelopment of internal machine learning systems, the geographical remoteness of many district and specialized prosecutor's offices from interregional training and professional development centers and departmental universities, as well as the lack of specialization within university-level legal education programs tailored to the various branches of prosecutorial work. As a proposed solution, the experience of the Human Resources Department of the St. Petersburg Prosecutor's Office is presented in the development and implementation of professional development digital services based on machine learning platforms. The effectiveness of a proprietary algorithm and personnel training model for use in the Russian Prosecutor's Office is demonstrated. The material presented may be useful for organizing professional development programs in prosecutorial institutions across Russia, as well as in other governmental bodies responsible for the training and qualification improvement of their personnel.

Keywords: distant education, digital intelligent, hunting service, prosecutor's office, mashing learning

The author

Dmitry V. Shabarov, Prosecutor of the Personnel Department, St. Petersburg Prosecutor's Office, Russia.

E-mail: shabarovdv@mail.ru

SPIN code: 8318-0446

УДК 82.091

М. А. Александрова¹, К. И. Шарафадина²

«ВДОХНОВЛЕННАЯ РОЗОЙ...»

Рец. на кн.: Горбовская С.Г. Вдохновенные розой. — СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2023. — 168 с.

125

¹ Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

² Военная академия материально-технического обеспечения
им. генерала армии А. В. Хрулёва Министерства обороны Российской Федерации
Санкт-Петербург, Россия

Поступила в редакцию 05.04.2024 г.

Принята к публикации 05.02.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-11

Для цитирования: Александрова М. А., Шарафадина К. И. «Вдохновенная розой...». Рец. на кн.: Горбовская С. Г. Вдохновенные розой. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2023. 168 с. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2025. №2. С. 125 — 133. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-11.

Петербургский автор Светлана Глебовна Горбовская — известный исследователь европейской, по преимуществу французской, флоропоэтики. В 2021 г. в Балтийском федеральном университете состоялась защита докторской диссертации С. Г. Горбовской «Образ растения во французской литературе XIX века: деактуализация многовековых традиций и формирование новой парадигмы» [7]. В ее монографиях «Флорообраз во французской литературе XIX века» [5] и «Многоликая бездна: формирование новой парадигмы образа растения во французской литературе XIX века» [8] сочетаются «дискурсивный и культурно-исторический подходы» [23, с. 141], что позволило автору преодолеть «односторонность» [Там же, с. 140] наблюдений предшественников. Флористические феномены литературы XIX в. рассмотрены в большом культурном контексте: прослежены связи (как преемственные, так и полемические) с растительными образами-иносказаниями в произведениях Средневековья, в поэзии классицизма и барокко, с фитонимами в прозе Жан-Жака Руссо и его современников. Различия в рецептивных стратегиях французских писателей XIX в., осваивавших многовековое наследие, стали главным предметом внимания С. Г. Горбовской.

Недавно тематический цикл своих исследований, продолжавшихся в течение десяти лет, С. Г. Горбовская решила подытожить книгой о ро-

зе — вечном образе, самом «литературном» из всех цветов. Рецензируемая книга, адресованная «литературоведам, лингвистам, искусствоведам, а также широкому кругу читателей, интересующихся мировой культурой, и всем любителям флоропоэтики» [12, с. 2], относится к разряду научно-популярных иллюстрированных изданий, проект которого принадлежит издательству и Ботаническому саду СПбГУ. Иконография розы столь же богата, как и ее литературная история: «В Средних веках речь идет об иллюминировании и иллюстрировании книг “Роман о Розе”, “Розенгартен”, Манесского и Буранского кодексов, сборников поэзии миннезингеров и трубадуров. Роза в XVII—XVIII вв. связана с живописью рококо, в конце XIX в. — с творчеством прерафаэлитов. Роза репрезентируется в самых неожиданных формах в символизме и авангардной живописи» [Там же, с. 147]. По характеру работы с источниками (в том числе с научными трудами самого автора) и по стратегии подбора иллюстративного материала это книга-компендиум. В методологическом плане автор придерживается компаративного подхода.

Сформулированная С. Г. Горбовской задача — осветить «основные этапы становления образа розы в мировой литературе» [Там же, с. 2] — по многим причинам должна быть признана весьма сложной; поэтому непроста и задача рецензентов. Автор относится к разряду исследователей, смело и дерзко предлагающих свои соображения в виде версий и гипотез, как правило, подкрепленных серьезными разысканиями. Ее научный темперамент иногда доминирует над исследовательской рассудочностью, но всегда дает интересные плоды. В своем диалоге с автором книги мы учитываем и ранее опубликованные работы С. Г. Горбовской.

В трех главах — «Зарождение и формирование литературного образа розы», «Эпоха расцвета образа розы: литература XIX века» и «Парадокс образа розы в литературе XX—XXI веков» — охвачены неравные по протяженности периоды; соответственно, конкретные литературные явления освещены с разной степенью детализации.

В главе первой прослежена судьба розы от библейской древности до конца XVIII столетия. Начав с краткого раздела «Роза в литературе Израильского царства» [Там же, с. 13—15], автор более подробно характеризует розы классической античности («Литература Древней Греции и Древнего Рима» [Там же, с. 15—25]) и при переходе к Средневековью сочетает обзорное изложение («Роза в средневековой литературе» [Там же, с. 25—29]) с анализом наиболее важных текстов; таков большой двухчастный раздел, посвященный «Роману о Розе» Гильома де Лорриса и Жана де Мёна: «Три семантических маршрута “Романа о Розе”», «“Роман о Розе” и его след в литературе» [Там же, с. 29—42] (см. подробнее у того же автора: [4; 6; 9; 10]). Уделив некоторое внимание немецкому Средневековью («Сложный синтез семантики розы в немецкой средневековой саге» [12, с. 42—43]), С. Г. Горбовская обращается к «небесной Розе» Данте Алигьери, к иносказательному ореолу шекспировских и ронсаровских роз, к символике розенкрейцеров («Образ “мистической

розы” в Предренессансе и Ренессансе» [12, с. 43–51]). Рассмотрение в одном ряду роз Данте, Шекспира и Ронсара кажется нам небесспорным, но эвристическая ценность этого хода может получить подтверждение в ходе будущих разысканий автора книги.

Раздел о мистической розе Данте как нельзя лучше демонстрирует исследовательский инструментарий С.Г. Горбовской. Позволим себе предположить, что ее дантовские штудии (более подробно и аргументированно представленные в статьях того же автора) вдохновлены недавней книгой Ольги Седаковой «Перевести Данте» [18] — идеей комментированного русского перевода «Божественной комедии», который призван восстановить для русского читателя контекст философский, этический, богословский. Великая книга написана на «листах с невероятно широкими полями» — такой выразительной формулой О. Седакова определяет суть своей установки. Размышления С.Г. Горбовской о дантовской райской розе — это те же заметки на полях, где мысль стимулируется разными контекстами: от ботанического и архитектурного до философского и мистического. Небесспорно, но очень любопытно возведение семантики дантовской розы к аллегорике «розы» как элемента готической архитектуры, а именно ее райской коннотации.

В разделе «Роза и “цветы риторики”» [12, с. 52–57] изложены принципы кодификации флористических иносказаний барокко и классицизма, что позволяет автору перейти к рассмотрению забытого мадригального жанра поэтической «гирлянды» («Роза в “гирлянде Юлии”» [Там же, с. 57–59]). Формулировка «Роза в литературе эпохи Просвещения, в сентиментализме и псевдоклассицизме» [Там же, с. 59–62], определяющая содержание раздела, нуждается в уточнениях. Наиболее ценным представляется рассмотрение энциклопедических статей, ботанических эссе и трактатов о розе, соединявших — в духе просветительской культуры — пафос научного познания с эстетическим переживанием. За розы сентиментализма здесь представляет только поэма Джеймса Томсона «Времена года» (1726–1730), связанная с зарождавшимся литературным течением в качестве раннего его пролога. Жак Делиль, автор описательной поэмы «Сады» (1782), аттестован как «псевдоклассицист», но этот оценочный термин давно и убедительно пересмотрен в литературоведении.

Раздел «Роза и “язык цветов”» [Там же, с. 62–64] будет полезен читателю, впервые открывающему для себя обаяние старинной «цветочной почты» и готовому продолжить погружение в ее увлекательную историю. Возникшая во второй половине XVIII в. благодаря европейской моде на восточный язык тайных любовных приветствий и признаний (так называемый селам), эта традиция со временем переместилась на литературную периферию и в альбомной культуре прожила, постепенно теряя изначальную эстетическую рафинированность, около двухсот лет. Специфика «языка цветов» представлена в рецензируемой книге беглым обзором, поэтому обсуждать содержательное наполнение этого раздела вряд ли стоит. Заметим все же, что сведение семантики селамной розы к любовной тематике неправомерно: она с не

меньшим успехом могла выражать и другие чувства, к примеру дружеские. Кстати, горячую дружбу (а отнюдь не измену и ревность) эмблематизировала желтая роза, в то время как белая роза — невинность, чистоту и искренность, а дикая роза (шиповник) — поэтическую натуру и собственно поэзию (см. об этом подробно в монографии К. И. Шарафудиной [22]).

Венчает первую главу этюд «Роза и Иммануил Кант» [12, с. 64—65], создающий некую философскую интригу, которую далее (уже в главе второй) проясняют суждения автора о новом статусе розы: воспринимаемая поэтами — начиная с романтиков — как непостижимая кантовская «вещь в себе», роза «не то, чем мы ее называем и наделяем, она нечто большее, иное, недоступное пониманию» [Там же, с. 68].

Во флоропоэтике XIX в. «роза обретает либо новые смыслы, либо совершенно иные <чем прежде> формы репрезентации. Главная их черта — авторская неповторимость и семантическая неопределенность...» [Там же, с. 67]. Для подтверждения своего тезиса исследователь обращается к произведениям Уильяма Блейка, Уильяма Вордсворта, Людвиг Уланда, Клеменса Брентано, Александра Пушкина, Альфонса де Ламартина, Марселины Деборд-Вальмор, Виктора Гюго, Жерара де Нерваля (раздел «Образ розы в романтизме» [Там же, с. 68—88]), Теофиля Готье, Шарля Леконта де Лиля («Особая красота розы в творчестве поэтов Парнасской школы» [Там же, с. 89—95]), к романам Гюстава Флобера и Эмиля Золя («Роза в реализме и натурализме» [Там же, с. 95—98]), к творчеству Стефана Малларме, Оскара Уайльда, Октава Мирбо, Артюра Рембо и др. («Между злой иронией, скептицизмом и ужасом: роза в символизме и декадансе» [Там же, с. 99—107]). Поэтический и живописный розарий прерафаэлитов рассмотрен в следующей главе — с учетом его влияния на эстетическое сознание первой половины XX в. Полагаем, что целый ряд флористических образов (от роз Ханса Кристиана Андерсена до тургеневских [14, с. 101—105] и фетовских роз [21, с. 18—54]), которым места в книге пока не нашлось, способны вдохновить автора на развитие предложенной концепции. Такой выразительный источник новых смыслов, как «русская роза» — эстетически парадоксальный концепт, сформировавшийся на фоне европейской традиции в пушкинскую эпоху [3, с. 69—71], сохранявший ореол семантической «свежести» даже для поколения Владимира Набокова [16, с. 2], воскрешенный впоследствии Давидом Самойловым, Беллой Ахмадулиной и др. [3, с. 71—72], пока не стал актуальным для С.Г. Горбовской. Авторы рецензии, сделавшие определенный вклад в эту тему, убеждены, что для ее дальнейшего развертывания компаративный подход С.Г. Горбовской был бы весьма полезен и перспективен.

На рубеже XIX и XX столетий в литературной истории розы наступает особый этап, вместивший множество параллельно развивавшихся тенденций, сквозных «сюжетов», которые сложно соотносятся друг с другом и с многовековой традицией. Эта специфика является серьезным вызовом для любого исследователя флоропоэтики, а научно-попу-

лярный жанр накладывает свои ограничения. Полагаем, что оптимальный выход из этого противоречия пока не найден. В рецензируемой книге сначала рассматривается «Роза в неоромантизме» [12, с. 108–115], далее порядок изложения подчиняется хронологическому принципу («Образ розы в литературе рубежа веков и первой половины XX века» [Там же, с. 116–135], «Образ розы в литературе 1960–1980 годов» [Там же, с. 135–137], «Розы в творчестве писателей рубежа XX–XXI веков» [Там же, с. 137–141], а в итоге автор посвящает специальный раздел одному из «литературных рядов» («Образ розы в массовой литературе последних десятилетий» [Там же, с. 142–143]). Некоторые тексты включены в состав перечисленных разделов без достаточных оснований: к примеру, среди творений неоромантиков оказались неканонические розы Владимира Маяковского (см. об этих образах подробно [1, с. 18–25]) — наряду с поэтической книгой «Rosarium» Вячеслава Иванова, драмой Александра Блока «Роза и крест». Вяч. Иванов и Блок, в свою очередь, никак не соотношены с европейским символизмом; между тем интересной для компаративиста задачей может стать осмысление контраста двух явлений — характерного для русских символистов культура розы и флористических «предубеждений» их французских предшественников.

Во втором разделе последней главы автор прослеживает истоки эстетики модерна в живописи прерафаэлитов, где роза представлена в изобилии, цитирует строки Данте Габриэля Россетти о розе, характеризует образ Замка Роз из поэмы Уильяма Морриса «Земной рай», но не пользуется возможностью отметить воздействие этих впечатлений на творчество Александра Блока (см. об этом: [19, с. 42–57]). Приходится сожалеть о пропуске некоторых текстов, весьма типичных для конкретного литературного этапа и популярных у современников. Так, в разделе о неоромантической розе явно недостает «Принцессы Грёзы» Эдмона Ростана: в контексте пьесы старинное соперничество розы с лилией символизирует конфликт требовательной земной страсти и любви надмирной, жертвенной, который разрешается монашеским постригом героини в финале.

Хронологический принцип изложения предполагает такое сочетание относящихся к одной эпохе и общей национальной культуре литературных фигур, в котором они непреднамеренно или сознательно диалогизируют друг с другом. И здесь автор полностью подчиняет неискушенного читателя своему вкусу и разумению в отборе имен, с которым хочется обоснованно поспорить. Так, с Анной Ахматовой, обращавшейся к образу розы более тридцати раз, соседствует, по выбору автора книги, Анатолий Мариенгоф, между тем важнейший для поэтессы собеседник — Осип Мандельштам — даже не назван. Противопоставив условной розе символистов эстетическую ценность живого цветка («Прочь от символизма, да здравствует живая роза!» [15, с. 11]), Мандельштам наделил вечный образ новой философской глубиной (вспомним стихотворение «Сёстры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...»), дал новую жизнь и «розе Киприды» («В Петербурге

мы сойдемся снова...»), и «розе Гафиза» (цикл «Армения»). Прочитанный в книге гротескный эпизод с «контрреволюционными» розами из романа Мариенгофа «Циники» (1928) удачно характеризует идеологический тренд, вопреки которому расцветали розы в послереволюционной поэзии; но тем самым читателю внушены определенные ожидания: жизнеспособность традиции уместно было бы показать на примерах из творчества нескольких русских поэтов XX в., в том числе тех, кто преемственно связан с великим поколением Серебряного века (здесь выбор велик: от Арсения Тарковского [2, с. 169–178] до Иосифа Бродского [20, с. 168–172]).

Впрочем, свою выразительность имеет и «мозаичный» характер картины, представленной в третьей главе: это своего рода *сад разбегающихся тропинок*, по которому читатель может путешествовать в разных направлениях. Перечислим только те произведения, которые ранее не были упомянуты рецензентами (в заданной автором книги последовательности): «Голубая роза» Леси Украинки, «Роза» и «Таинственная роза» Уильяма Батлера Йейтса, «Классические розы» Игоря Северянина, «Священная Эмилия» Гертруды Стайн (с ее знаменитой формулой «Роза это роза это роза это роза»), «Семья роз» Роберта Фроста, «Воинские розы», «Сбор цветов» и «Анни» Гильома Аполлинера, «Роза для Эмили» Уильяма Фолкнера, «Красная роза» Старка Янга, «Для гербария» Сидони-Габриэль Колетт, «Золотая роза» Константина Паустовского, «Роза для всех» Поля Элюара, «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери, «Чудо о розе» Жана Жене, «Татуированная роза» Теннесси Уильямса, «Роза мира» Даниила Андреева, «Сентябрьские розы» Андре Моруа, сборник-антология «Сокровенная роза» Хорхе Луиса Борхеса, «Розы в кредит» Эльзы Триоле, «Имя розы» и «Заметки на полях “Имени розы”» Умберто Эко, «Штокроза это штокроза обыкновенная...» Филиппа Жаккотте, «Чапаев и пустота» Виктора Пелевина, «Язык цветов» Ванессы Диффенбах, романная трилогия Дженнифер Доннелли («Чайная роза», «Зимняя роза» и «Дикая роза»), «Роза и кинжал» Рене Ахдие, «Код Да Винчи» Дэна Брауна.

Необходимо констатировать, что современный автор, обозревающий мировое литературное наследие от библейской древности и греко-римской античности до наших дней, не смог бы представить судьбу розы с достаточной полнотой даже в объемной монографии: ведь до сих пор не составлена исчерпывающая библиография *вдохновенных розой* произведений и научных работ соответствующей тематики, опубликованных за последние полтора столетия на разных языках. Надеемся, что специалистов по флоропоэтике увлечет идея создания мультимедийного справочника-компендиума «Роза в мировой литературе» по типу тематической подборки из словаря поэтических образов Н. Павлович [17], дополненного аудиовизуальной составляющей.

Считаем возможным уточнить границы объекта, избранного С. Г. Горбовской. Рецензируемая книга содержит сведения о восточном происхождении розы природной, о возобновлявшихся восточных (глав-

ным образом ближневосточных) влияниях на образ розы в европейских литературах, наконец, об «обратном» воздействии западноевропейской поэтики розы на литературное сознание Востока (первоначально – в период завоеваний Александра Македонского, затем в Новое и Новейшее время), что отвечает масштабу обозначенной в преамбуле книги задачи. Эпиграф из стихотворения Хорхе Луиса Борхеса в переводе Б. Дубинина сводит воедино «розу персов» и «розу Ариосто» [12, с. 5]. Однако предпринятый обзор дает автору возможность «с уверенностью заключить, что роза – прежде всего образ западной культуры» [Там же, с. 145]. Этот вывод справедлив в том отношении, что именно западная культура наиболее активно (судя по имеющимся данным) осваивала флорообразы восточных соседей. Исследовательские установки С.Г. Горбовской характеризуются явной «европоцентричностью», что вполне естественно и по-своему правомерно: точность наблюдений и сложность интерпретаций обусловлены глубокой погруженностью автора рецензируемой книги в западноевропейский литературный контекст. Это позволяет С.Г. Горбовской отметить погрешности в некоторых поэтических переводах на русский язык, искажающие для отечественного читателя смысл образа розы, и ввести в литературный оборот более адекватные первоисточникам версии [Там же, с. 84]. Фактически в центре внимания остаются розы «европейского человечества» (воспользуемся старинной философской формулой), то есть собственно европейский розарий и его отзвуки в литературах, связанных с Западной Европой через «материнский» язык либо благодаря процессу европеизации (так начиная с XVIII столетия постепенно укоренялась роза в русской литературе).

Нам представляется, что в рамках очерченной выше сферы реализуются все преимущества автора книги, обусловленные его научными интересами, тогда как обращения к феноменам «далеких» культур отмечены некоторой скорописью. К примеру, представление о розах в раннесредневековой японской поэзии [Там же, с. 26] остается неполным без реконструкции контекстуальных смыслов, специфичных для местной флористической традиции. Полезно было бы также выяснить, не находились ли русские переводчики с японского под воздействием привычной для них европейской семантики розы.

В связи со всем сказанным позволим себе предложить автору рецензируемой книги идею возможного направления дальнейших исследований: это флоропоэтика литератур романского мира, где многовековое бытование розы породило разветвленные диахронические и синхронические связи, сформировало наднациональное дискурсивное пространство. Именно для романских литератур наиболее актуален тезис С.Г. Горбовской о том, что роза сегодня выступает как «цветок, символизирующий великое прошлое человечества» [Там же, с. 137].

Список литературы

1. Александрова М.А., Большухин Л.Ю. Розы Маяковского // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. №6-2. С. 18–25.

2. Александрова М.А. Античная роза в лирике Арсения Тарковского // Литература XX–XXI веков: Проблемы поэтики: коллективная монография. М., 2020. С. 169–178.

3. Александрова М.А. Классическая роза в рецепции русских поэтов XX века // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Сер. 2: Искусствоведение. Филологические науки. 2021. №2. С. 69–75. doi: 10.46418/2079-8202_2021_2_11.

4. Горбовская С.Г. Индивидуализация символа. «Роза» Г. де Лорриса и «Роза» Ж. Жене // Вестник Томского государственного университета. 2010. №340. С. 7–11.

5. Горбовская С.Г. Флорообраз во французской литературе XIX века. СПб., 2017.

6. Горбовская С.Г. Генезис образа «Роза» в аллегорическом «Романе о Розе» Гильома де Лорриса и Жана де Мёна. Три семантических маршрута // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Сер. 2: Искусствоведение. Филологические науки. 2017. №3. С. 71–77.

7. Горбовская С.Г. Образ растения во французской литературе XIX века: деактуализация многовековых традиций и формирование новой парадигмы: дис. ... д-ра филол. наук. Калининград, 2021.

8. Горбовская С.Г. Многоликая бездна: формирование новой парадигмы образа растения во французской литературе XIX века. СПб., 2021.

9. Горбовская С.Г., Нужная Т.В. Поэтика «трансмутаций» образа «мистической розы» в европейской литературе от Средних веков до XX века. Часть 1 // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Сер. 2: Искусствоведение. Филологические науки. 2022. №1. С. 82–88. doi: 10.46418/2079-8202_2022_1_14.

10. Горбовская С.Г., Нужная Т.В. Поэтика «трансмутаций» образа «мистической розы» в европейской литературе от Средних веков до XX века. Часть 2 // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Сер. 2: Искусствоведение. Филологические науки. 2022. №2. С. 103–107. doi: 10.46418/2079-8202_2022_2_14.

11. Горбовская С.Г. Три первоосновы образа небесной розы в «Божественной комедии» Данте Алигьери // Научный диалог. 2023. Т. 12, №4. С. 280–297. doi: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-280-297.

12. Горбовская С.Г. Вдохновенные розой. СПб., 2023.

13. Делиль Ж. Сады. Л., 1987. (Сер. «Литературные памятники»).

14. Дмитриева Н.Л. Роза у Пушкина и Тургенева // Русская литература. 2000. №3. С. 101–105.

15. Мандельштам О. О природе слова. Харьков, 1922.

16. Набоков В. [Рец. на кн.:] Ант. Ладинский. Черное и голубое // Руль. 1931. №3092 (28 янв.). С. 2.

17. Павлович Н. Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы XVIII–XX в. : в 2 т. М., 1999.

18. Седакова О. Перевести Данте. СПб., 2020.

19. Титаренко С.Д. Русский символизм и традиции английских прерафаэлитов: проблемы интермедальности // Культура и текст. 2015. №5 (23). С. 42–57.

20. Шабанова Н.А. Традиционный символ розы в творчестве И. Бродского // Проблемы филологического образования. Вып. 10. Саратов, 2018. С. 168–172.

21. Шарафадина К.И. Обновление традиций флоропоэтики в лирике А.А. Фета // Русская литература. 2005. №2. С. 18–54.

22. Шарафадина К.И. «Селам, откройся!» Флоропоэтика в образном языке русской и зарубежной литературы. СПб., 2018.

23. Шарафадина К.И., Киричук Е.В. Литературная флористика в масштабах национального метатекста одного века (рецензия на монографию С.Г. Горбовской «Флорообраз во французской литературе XIX века». СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2017. 274 с.) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2020. №22. С. 139–146. doi: 10.17223/23062061/22/9.

Об авторах

Мария Александровна Александрова – д-р филол. наук, ведущ. науч. сотр., доц., Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Россия.

E-mail: nam-s-toboi@mail.ru

SPIN-код: 2077-3141

133

Клара Ивановна Шарафадина – д-р филол. наук, проф., Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва Министерства обороны Российской Федерации, Россия.

E-mail: belkaklara@mail.ru

SPIN-код: 7385-0701

M. A. Aleksandrova¹, K. I. Sharafadina²

«INSPIRED BY THE ROSE...»

Review on the book by S. G. Gorbovskaya “Inspired by the Rose...”, – SPb: St. Petersburg State university, 2023, – 168 p.

¹Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod, Russia

²Military Educational Institution of Logistics named after General of the Army A. V. Khrulyov of the Ministry of Defense of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Received 5 May 2024

Accepted 5 February 2025

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-11

To cite this article: Aleksandrova M. A., Sharafadina K. I. 2025, “Inspired by the Rose...”, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №2. P. 125–133. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-11.

The authors

Prof. Maria A. Aleksandrova, Leading Researcher, Associate Professor, Nizhny Novgorod State Linguistic University, Russia.

E-mail: nam-s-toboi@mail.ru

SPIN code: 2077-3141

Prof. Klara I. Sharafadina, Military Educational Institution of Logistics named after General of the Army A. V. Khrulyov of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Russia.

E-mail: belkaklara@mail.ru

SPIN code: 7385-0701

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ВЕСТНИКЕ БФУ им. И. КАНТА

Серия: Филология, педагогика, психология

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — не менее 20 тыс. знаков с пробелами.

4. Все присланные в редакцию работы проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Рецензентами выступают как члены редакционной коллегии журнала, так и внешние эксперты.

5. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта <https://journals.kantiana.ru/submit/> и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

6. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

7. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске журнала один раз; второй раз — в соавторстве (в исключительном случае и только по решению редакционной коллегии).

8. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

а) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

б) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (до 12 слов);

в) аннотацию на русском и английском языках (150 – 250 слов, то есть 500 печатных знаков). Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

г) ключевые слова на русском и английском языках (4 – 8 слов). Располагаются перед текстом после аннотации;

д) список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Должен включать от 15 до 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК, и (или) в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников;

е) сведения об авторах на русском и английском языках (ФИО полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), e-mail, ORCID);

ж) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу даются в тексте статьи только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра — номер источника, вторая — номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пунктах 1–2, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210×297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная *информация о правилах оформления текста*, в том числе *таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы*, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <https://journals.kantiana.ru/vestnik/psychology/rules/>

Порядок рецензирования рукописей статей

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика и психология» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих тематике серии, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

2. Ответственный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

- а) степень интереса тематики для читателей журнала;
- б) степень оригинальности статьи;
- в) точность и адекватность представленной информации;
- г) знание существующего состояния дел по данной проблематике;
- д) стиль и манера изложения;
- е) логичность построения статьи.

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией журнала.

9. После принятия редколлегией журнала решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

11. Редакция журнала «Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика и психология» направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

Научное издание

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

2025

Серия

Филология, педагогика, психология

№ 2

Редактор *Д. А. Малеваная*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 29.05.2025 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 11,9
Тираж 45 экз. Цена свободная. Заказ 58

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14